

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

**Актуальные проблемы развития КНР
в процессе её регионализации и глобализации**

**XI Международная
научно-практическая конференция**

*27 марта 2019 г.
г. Чита*

Чита
Забайкальский государственный университет
2019

УДК 323(510)
ББК 66.2(5Кит)
ББК Ф2(5Кит)
А 437

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Редакционная коллегия

Т. Н. Кучинская, д-р филос. наук, доцент, зав. кафедрой
востоковедения и регионоведения
Северной Америки ЗабГУ (отв. редактор)

Н. А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор кафедры
востоковедения и регионоведения Северной Америки ЗабГУ,
руководитель научной «Школы интерпретаций региональных
практик современного Китая»

В. С. Морозова, д-р филос. наук, доцент, руководитель Читинского
филиала Института Дальнего Востока РАН

**Актуальные проблемы развития КНР в про-
цессе её регионализации и глобализации** : материалы
А 437 XI Междунар. науч.-практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т ;
[отв. ред. Т. Н. Кучинская]. – Чита : ЗабГУ, 2019. – 175 с.

ISBN 978-5-9293-2317-1

В сборнике публикуются доклады участников конференции. Тематика работ отражает исследования новейших тенденций внутреннего и внешнего регионального развития современного Китая. Значительная часть докладов посвящена проблемам многоуровневого взаимодействия РФ и КНР.

Материалы конференции будут интересны учёным-востоковедам, синологам, регионоведам; аспирантам, магистрантам, студентам и преподавателям направлений подготовки «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения», «Востоковедение и африканистика» и др., а также всем интересующимся современными процессами, происходящими в китайском обществе и в мире в условиях глобализации и регионализации.

УДК 323(510)
ББК 66.2(5Кит)
ББК Ф2(5Кит)

ISBN 978-5-9293-2317-1

© Забайкальский государственный
университет, 2019

Содержание

Вступительное слово	5
---------------------------	---

ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

<i>Абрамова Н. А., Абрамов В. А.</i> Ресурс стратегий в управлении пространственным развитием КНР	7
<i>Антропов Р. В.</i> Торгово-экономические отношения между Германией и Китаем в современных реалиях: опыт для России	16
<i>Борисенко О. А.</i> Сущность культурной безопасности – взгляд на Китай	23
<i>Гатауллина С. Ю.</i> Роль туризма в развитии приграничного сотрудничества России и Китая	28
<i>Гордиенко Д. В.</i> Сравнительная оценка защищенности экономики Китая при реализации глобальных интеграционных проектов	34
<i>Коледенкова Н. Н.</i> Развитие центральных районов Китая в 13-й пятилетке (2016–2020)	42
<i>Макеева С. Б.</i> Проблемы регионального развития КНР в работах китайских учёных, специалистов в области экономической географии Чэнь Цзунсина, Лю Вэйдуна, У Юдэ	50
<i>Меркулова Э. А., Меркулов К. К.</i> К вопросу о теоретической методологии международно-идеологического, общественно-идеологического, межрегионального и приграничного взаимодействия РФ – КНР на новой концептуальной основе	57
<i>Пешикова Е. С.</i> Стандартные и уникальные инструменты публичной дипломатии Китая	67
<i>Светлакова Е. Н.</i> Стратегия создания международного мультимодального транспортно-логистического центра в Забайкальском крае	75
<i>Симоненко О. А.</i> Практические условия функционирования политических партий в современной КНР	81
<i>Терентьева Т. Г.</i> Китайские прямые инвестиции в России. Дальневосточный вектор	89

ВЗГЛЯД ИЗ КИТАЯ

<i>Лян Чжэньпэн.</i> Тенденции направления развития теории китайской внешней политики на глобальном уровне	99
<i>Ни Цзяоцзяо, Кучинская Т. Н.</i> Специфика построения региональных брендов АРВМ в условиях российско-китайского межрегионального взаимодействия	105

<i>Сазонов С. Л., Чэнь Сяо.</i> Автомобильное сообщение по маршруту Экономического коридора «Китай – Монголия – Россия»	114
<i>Сунь Янь, Морозова В. С.</i> Принцип диалогичности культуры в приграничном межкультурном взаимодействии Китая и России	123

МОЛОДАЯ НАУКА

<i>Делюга А. В.</i> Регионы трансграничного взаимодействия с КНР: экономическое развитие и экологическая нагрузка	129
<i>Дубровская К. С.</i> Социокультурный аспект стратегического управления приграничными территориями Северо-Востока КНР	138
<i>Ким А. С.</i> Специфика языковой политики Пекина в Сянгане на современном этапе развития внутренних регионов КНР	143
<i>Корягина Т. О., Саранин Д. С.</i> Торгово-экономический диалог России и провинции Хэйлунцзян: вызовы и перспективы	148
<i>Семеновичева А. А.</i> Экономическая дипломатия КНР в рамках проекта «Один пояс – один путь»	156
<i>Соломин Д. Н.</i> Влияние культурных факторов на национальную инновационность в рамках модели Хофстеде (на примере китайской культуры)	161
<i>Шитикова Ю. А.</i> Роль терроризма в системе национальных интересов КНР	168

Вступительное слово

Уважаемые участники конференции!

Мы рады приветствовать вас на площадке международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации», которая в 11-й раз проводится на базе Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Президент РФ и Председатель КНР совместно объявили 2018-й и 2019-й годами межрегионального сотрудничества России и Китая. Продолжая практику реализуемых с 2006 года двусторонних перекрестных тематических годов, данный проект направлен на расширение и укрепление взаимодействия между регионами двух стран. Обозначенная тематика традиционно занимает ключевое место в докладах участников конференции. Развитие приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР в условиях российско-китайского взаимодействия, поиск эффективных способов и механизмов соразвития двух стран – одни из актуальных тем конференции с начала её основания. Это не случайно, поскольку наши авторы – представители российского и китайского приграничья (учёные, магистранты и аспиранты) – обладают видением современной ситуации изнутри, рассуждают о торгово-экономическом сотрудничестве и диалоге культур двух стран, создании совместных международных центров, площадок, кластеров и, будучи заинтересованными в поступательном развитии своих регионов, вносят комментарии, предлагают свои сценарии развития добрососедского партнёрства РФ – КНР.

С каждым годом география участников мероприятия расширяется. В сборнике представлены доклады научно-педагогических коллективов отечественных университетов Читы, Иркутска, Саратова, Санкт-Петербурга, Москвы. Значительный вклад в работу конференции ежегодно вносят академические структуры: Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, г. Чита. Творческий диалог выстроен с дальневосточными учёными из Хабаровска, Благовещенска и Владивостока. Особый интерес представляют работы наших китайских коллег из Хэйлунцзянского институ-

та иностранных языков (г. Харбин), Ляонинского нефтехимического университета (г. Фушунь), Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии (г. Маньчжурия).

Содержание и дух конференции, её тематика, сборник работ – это пример эффективной реализации инновационного типа интеграции академической и вузовской науки, осуществляемый посредством совместного участия представителей структур РАН и вуза в научно-исследовательских разработках. Конференция как пространство научного диалога является продуктом творческой работы коллектива научной «Школы интерпретаций региональных практик современного Китая» (руководитель – доктор философских наук, профессор Н. А. Абрамова) и Читинского филиала Института Дальнего Востока, функционирующих на базе кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета.

Организаторы мероприятия выражают глубокую благодарность коллективу Института Дальнего Востока РАН и китайским вузам-партнёрам конференции за активное взаимодействие и сотрудничество, а также администрации Забайкальского государственного университета, факультету экономики и управления за содействие и помощь в проведении конференции и издании сборника.

Желаем участникам конференции и читателям сборника успехов в реализации научных проектов, расширении круга партнёров и единомышленников, творческого вдохновения и плодотворной работы в деле исследования развития Китая и российско-китайского взаимодействия!

*Т. Н. Кучинская, заведующий
кафедрой востоковедения
и регионоведения Северной Америки ЗабГУ*

*В. С. Морозова, руководитель
Читинского филиала Института Дальнего Востока РАН*

ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

УДК 008:35(510)

Наталья Андреевна Абрамова,
д-р филос. наук, профессор,
профессор кафедры востоковедения
и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: abramova3@mail.ru

Виктор Алексеевич Абрамов,
канд. филос. наук, профессор,
профессор кафедры востоковедения
и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: abramova3@mail.ru

Ресурс стратегий в управлении пространственным развитием КНР

Современное развитие КНР определяется стратегиями, которые направлены на более эффективную организацию и модернизацию его социокультурного пространства. В статье представлены основные стратегии и планы их осуществления на ближайшую и долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: стратегия, пространство, интеграция, модернизация, координация

Natalia A. Abramova,
*Doctor of Philosophy Science,
Professor of Oriental and North American Regional Studies Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: abramova3@mail.ru*

Victor A. Abramov,
*Candidate of Philosophy Science,
Professor of Oriental and North American Regional Studies Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: abramova3@mail.ru*

Power of Strategies in Managing PRC's Spatial Development

The modern development of the PRC is determined by strategies that are aimed at more efficient organization and modernization of its sociocultural space. In the article the main strategies and short and long term plans for their implementation are characterized.

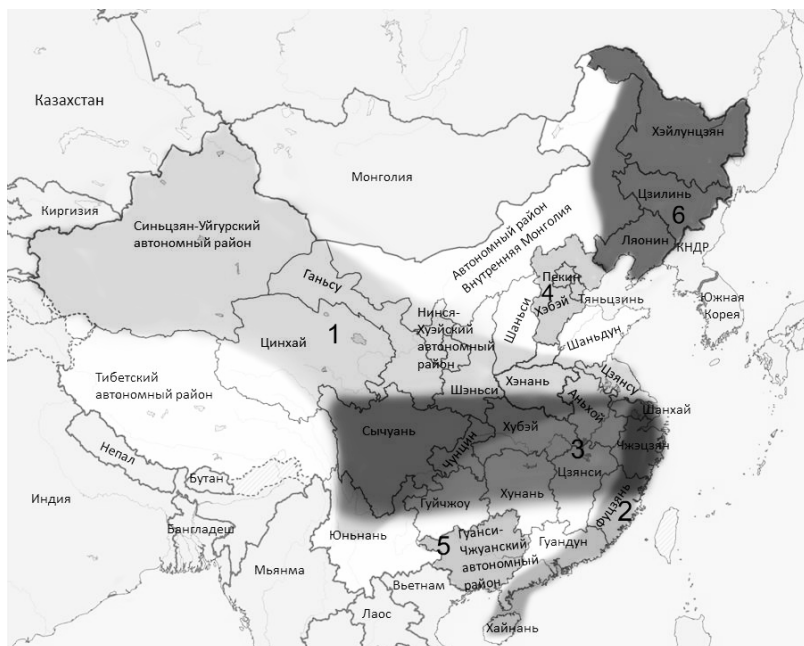
Keywords: *strategy, space, integration, modernization, coordination*

Социокультурное пространство современного Китая – сложный и многомерный феномен, вмещающий кластеры разного порядка, в силу чего обладающий особыми формами пространственной организации.

В китайском научном дискурсе гармоничное развитие КНР характеризуется в терминах «научное», «инновационное», «открытое», «экологичное», «совместное развитие» и т. д. Новая национальная модель такого развития предполагает формирование оптимальной архитектуры внутреннего социокультурного пространства страны. Поиски в этом направлении привели к разработке и реализации стратегий внутрирегионального и межрегионального скоординированного роста.

В качестве таких основных управленческих стратегий, направленных на оптимизацию пространственной организации, официально определены: «Один пояс – один путь» («ОПОП»), объединяющий инициативу «Экономический пояс Шёлкового пути» («ЭПШП») и «Морской шёлковый путь 21 века», «Экономический пояс вдоль реки Янцзы», «Скоординированное развитие региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй», «Регион Большого

залива (Гуандун – Гонконг – Макао)», «Северо-Восток – Восточная часть автономного района Внутренняя Монголия», что отражено на рисунке [1].

Основные управленческие стратегии:

1 – «Экономический пояс Шёлкового пути»; 2 – «Морской шёлковый путь 21 века»; 3 – «Экономический пояс вдоль реки Янцзы»; 4 – «Скоординированное развитие региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй»; 5 – «Регион Большого залива (Гуандун – Гонконг – Макао)»; 6 – «Северо-Восток – Восточная часть автономного района Внутренняя Монголия»

Анализ партийных и правительственных материалов показывает, что разработанные и реализуемые в КНР стратегии национального развития построены по принципу взаимодополнения. Осуществление ключевой стратегии «Один пояс – один путь», обозначаемой и как китайская инициатива для других народов, позитивно оценивается экспертным сообществом и руководством КНР. Для более успешной реализации проектов в рамках данной китайской инициативы, помимо внутренней пространственной модернизации, разрабатываются новые международные интегра-

ционные механизмы. Один из них – Форум по международному сотрудничеству в рамках ОПОП, впервые проведённый в мае 2017 года с участием высших руководителей 28 стран. Общее количество государств, с которыми подписано более 270 документов о сотрудничестве в рамках ОПОП, – 122 [5].

В настоящее время к реализации инициативы подключились все 16 стран Центральной и Восточной Европы. Так, формируется единая транспортная и инфраструктурная сеть. В качестве приоритетных проектов этого стратегического направления выделены: строительство железнодорожных магистралей, соединяющих Венгрию и Сербию, Китай и Лаос, Китай и Таиланд, высокоскоростных дорог в Индонезии; сотрудничество по созданию цифрового (онлайн) Шёлкового пути, в котором принимают участие 14 государств; реализация 40 соглашений о научно-техническом сотрудничестве и 300 планов в области культуры. Наряду с продвижением за рубеж Институтов и классов Конфуция в 2018 году в других странах было открыто 16 центров китайской медицины и фармацевтики [3].

Ещё одним механизмом, способствующим реализации стратегии-инициативы «Пояс и путь», является организация Китайской международной выставки импортных товаров и услуг, которая во второй раз состоится в 2019 году. Продолжает расти торговый оборот КНР со странами вдоль «пояса и пути». За 2018 год рост экспорта Китая в страны, участвующие в проекте, увеличился на 10,9 %, импорт – на 23,9 %. Инвестиции китайских предприятий в том же году в нефинансовый сектор государств-участников инициативы увеличились на 8,9 %, объём иностранных инвестиций – на 11,9 % [4]. КНР также осуществляет интенсивное взаимодействие со странами «пояса и пути» в области гуманитарных и туристических связей.

Продвигаемые проекты в рамках ОПОП качественно трансформируют всё социокультурное пространство Китая и особенно его западного региона. Системные меры по его развитию принимаются и в соответствии с внутренней стратегией – «выравнивания дисбаланса между востоком и западом страны». Так, на данном этапе, наряду с большим объёмом инвестиций в строительство жилья для ликвидации бедности, ставится задача развития транспортной инфраструктуры, строительства в 2019 году девяти новых аэропортов и расширения действующих в связи

с увеличением пассажиропотока. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе создаётся один из крупнейших транспортных узлов не только в Китае, но и в пространстве «Пояс и путь». В конце 2018 года одобрение Госсовета КНР получила инициатива правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района о создании национальной независимой инновационной зоны высокотехнологического промышленного развития, которая будет располагаться в пространстве городов Урумчи, Чанцзи и Шихэцзы. Эта пилотная зона рассматривается как новый источник инновации для проектов в рамках Экономического пояса Шёлкового пути [5].

Стратегия «Экономический пояс Шёлкового пути» «стягивает» пространство востока, центра, запада (горизонтальные связи), севера, юга (вертикальные) в единый каркас, предоставляя возможность образовывать внутренним регионам гибкие межрегиональные связи для достижения целей краткосрочного и долгосрочного развития.

Эффективно работают такие отношения и между провинциями, расположенными на всём протяжении р. Янцзы, определяемые стратегией «Экономический пояс вдоль реки Янцзы». Река также играет роль «моста» между отдалёнными континентальными районами верхнего течения и более развитыми провинциями в дельте реки.

Пространство вдоль р. Янцзы разделено на три фрагмента: дельта реки, городские кластеры в среднем течении и экономическая зона Чэнду и Чунцин. Комплексная интеграция всего пространства начата с провинций, расположенных в дельте Янцзы (Чжэцзян, Цзянсу и Аньхой). Они уже осуществляют интеграцию с Шанхаем в области финансов, информационных технологий, экологии, развития транспорта, энергетики. Для этой цели создан фонд размером 100 млрд юаней. На сегодняшний день приоритетной задачей является формирование новой модели экономического роста без ущерба для окружающей среды. В результате комплексной интеграции планируется качественное улучшение уровня жизни в слабо развитых районах среднего и верхнего течения р. Янцзы.

Стратегия «Согласованное развитие региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй» определяет приоритетные области: интеграция транспортных коммуникаций, защита экологии, перемещение и модернизация производств. Намечены первоочередные

задачи – осуществление в соответствии с международными стандартами градостроительного проекта развития нового города Сюньань, официально созданного в 2017 году, и проекта по созданию административных территорий, в рамках которого сформирован субцентр Пекина – район Тунчжоу, куда перемещаются правительственные и административные органы Пекина. Принят «План развития Сюньаня на 2018–2035 гг.». В качестве механизма, обеспечивающего скоординированное развитие региона, становится создание совместных промышленных парков, центров совместных инноваций, объединяющих вузы, межрегиональных объединений по профессиональному признаку. Так, в 2018 году организованы межрегиональные медицинские объединения, в которых более 200 больниц начали сотрудничать в области взаимного признания результатов обследований и их совместного использования. Создан Фонд скоординированного развития региона.

Стратегия «Регион Большого залива (Гуандун – Гонконг – Макао)» подкреплена комплексным Планом развития этого региона, который опубликован на сайте правительства 2 февраля 2019 года и утверждён ЦК КПК и Госсоветом КНР [6]. Региональное пространство Большого залива включает Гонконг, Макао и девять городов провинции Гуандун (Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай, Фошань, Хуэйчжоу, Дунгуань, Чжуншань, Цзянмэнь, Чжаоцин), расположенных в дельте реки Чжуцзян с населением около 7 млн чел. Несмотря на высокую степень экономического развития данного региона, к нему привлечено специальное внимание в силу: стратегического значения (мировой морской и авиахаб); пространственной особенности (расположенности на материковой и островной части); правовой специфики (принцип «одно государство – два строя»).

Документ рассчитан на ближайшую (до 2022 года) и долгосрочную (до 2035 года) перспективу и содержит 11 разделов, отражающих цели и значимость развития данного региона, общие принципы, возможности и вызовы, превентивное снижение рисков. Обозначены мероприятия по формированию транспортной системы, оптимизации региональной инновационной среды, информационной инфраструктуры, системы энергетической безопасности, усилению охраны окружающей среды и управления. Отдельные разделы посвящены развитию гуманитар-

ных наук, образованию, медицине, социальному обеспечению. Акцентировано внимание на международном (в рамках ОПОП) и внутрирегиональном сотрудничестве (Гуандун – Гонконг – Макао).

Цель стратегии «Регион Большого залива (Гуандун – Гонконг – Макао)» – формирование новой пространственной модели, обеспечивающей скоординированное развитие региона с распространением результатов роста на материковый Китай и международное сотрудничество. Для её достижения в пространстве определены пары ключевых полюсов: Гонконг – Шэньчжэнь, Гуанчжоу – Фошань, Макао – Чжухай. Ставится задача создания системы новейшей транспортной инфраструктуры между городами для их интеграции и трансформации всего пространства в глобальный инновационный и финансовый центр. В качестве драйвера определены Гонконг, Макао, Гуанчжоу, Шэньчжэнь с конкретизацией их специализации. Гонконг – международный финансовый, торговый и логистический узел, в котором планируется создание Азиатско-Тихоокеанского международно-правового центра по разрешению споров. Макао специализируется на глобальном туризме и торговле с португалоязычными странами. Шэньчжэнь как особая экономическая зона будет играть роль национального инновационно-ориентированного экономического центра, в котором расположатся инновационные и технологические кластеры. Гуанчжоу будет выполнять функции столицы провинции Гуандун с превращением города в международный мегаполис.

В целом План нацелен на скоординированное развитие городов по обоим берегам реки Чжуцзян и более тесную интеграцию между материковой частью страны с одной стороны и Гонконгом – Макао – с другой. Видимым результатом реализации стратегии «Регион Большого залива (Гуандун – Макао – Гонконг)» стало, по сообщению информационного агентства Синьхуа (Пекин, 29 ноября 2018 г.), открытие самого протяжённого морского моста в мире, соединяющего Гонконг, Чжухай и Макао.

Одной из форм стратегий пространственной модернизации является формирование на основе процесса интеграции новой урбанистической модели – создание мегаполисов с непосредственным участием государства. Роль государства заключается в системном и конкретном планировании процесса сли-

яния групп городов в крупный мегаполис. В рамках городских кластеров определяются ключевые города и их специализация. Столичный мегаполис Пекин – Тяньцзинь как ведущий в пространстве провинции Хэбэй является драйвером развития района Бохайского залива. В дельте р. Янцзы ключевой город – Шанхай. Гонконг, Макао, Гуанчжоу, Шэньчжэнь обеспечивают растущее качество пространства Большого залива, продвигают «зелёные» технологии в экономическом поясе рек Чжуцзян–Сицзян. Чунцин, Чэнду, Ухань, Чжэнчжоу и Сиань играют роль связующих звеньев в развитии пространств Центральной равнины, среднего течения р. Янцзы, коридора Чунцин – Чэнду.

Таким образом, анализ мер, реализуемых КПК и китайским правительством в ходе национальных стратегий, показывает, что они направлены на системную оптимизацию организации социокультурного пространства страны. В настоящее время отмечается всё большая согласованность межрегионального развития. На основе принципов взаимодополняемости и использования сравнительных преимуществ системно отрабатываются механизмы межрегиональных связей. В качестве одного из примеров можно привести детальный план Государственного комитета по делам развития и реформ, опубликованный в марте 2018 года на сайте правительства. Он определяет наиболее развитые в экономическом отношении провинции, которые станут «донорами» для других регионов страны. Для организации межрегионального сотрудничества намечены пары провинций: Цзянсу – Ляонин, Чжэцзян – Цзилинь, Гуандун – Хэйлуцзян. С целью усиления экономической интеграции разрабатывают механизмы кооперации в сфере государственного управления, финансов, социального развития. Отрабатываются подобные интеграционные схемы и на уровне административных центров провинций. Так, планируется взаимодействие в цепочках: Шэньян – Пекин, Чанчунь – Тяньцзинь.

При существующих дисбалансах и диспропорциях внутрирегионального развития интегрированная система региональных стратегий «Пояс и путь», «Экономического пояса р. Янцзы», «Регион Большого залива», «Скоординированное развитие региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй», системная и точечная организация межрегионального сотрудничества обеспечивают единство социокультурного пространства Китая и устойчивость его национального развития в международном пространстве [7].

Список литературы

1. Ван Хуэй. Цзин цзинь цзи вэньхуа жэньтун яньцзю = Исследования культурной идентичности в регионе Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй // Шэхуэй кэсюэ лунъянь. 2016. № 5. С. 15–21. (Кит. яз.).

2. Говуюань гуаньюй Улумуци, Чанцзе, Шихэцзы гаосинь цзишу чанье кайфаоцуй цзяньшэ гоцзя цзычжу чуансинь шифаньцой дэ пифу = Утверждение создания национальной независимой инновационной зоны высокотехнологичного промышленного развития в Урумчи, Чанцзи, Шихэцзы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 21.01.2019). (Кит. яз.).

3. Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2017 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 20.01.2019).

4. Китай. Азия. Внешэкономсвязи, политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: russian.china.org.cn (дата обращения: 25.01.2019).

5. Международный форум «Один пояс – один путь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 25.01.2019).

6. Чжунгун чжунъян говуюань иньфа «Гуан Хан Ао Даваньцой фачжань гуйхуа ганьяо» = Издание ЦК КПК и Госсоветом «Плана развития Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 21.01.2019). (Кит. яз.).

7. Чжунгун чжунъян говуюань гуаньюй цзяньли гэнцзя юсяо дэ цюйной сетяо фачжань синь цзичжи дэ ицзянь = Предложение ЦК КПК и Госсовета КНР по созданию новых механизмов более эффективного, согласованного регионального развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 18.11.2018). (Кит. яз.).

УДК 339.56.055

Роман Владимирович Антропов,
канд. юрид. наук, доцент,
зав. лабораторией контрастивных исследований
немецкой и российской систем права,
Забайкальский институт предпринимательства –
филиал Сибирского университета потребительской кооперации,
г. Чита, Россия;
доцент кафедры государственного и муниципального права,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: roman-antropov23@rambler.ru

Торгово-экономические отношения между Германией и Китаем в современных реалиях: опыт для России

В статье рассмотрены некоторые итоги торгово-экономических отношений между Германией и Китаем в современных условиях. Проанализированы характерные особенности данного сотрудничества. Показано, что отношения между Германией и Китаем в настоящее время наиболее интенсивны. На основе проведённого исследования автором предлагается использовать позитивный зарубежный опыт в отечественной управленческой практике развития международных отношений между Россией и Китаем.

Ключевые слова: торгово-экономические отношения, Германия, Китай, планы и приоритеты КНР, экспортно-импортная деятельность, данные статистики

Roman V. Antropov,

*Candidate of Legal Science, Assistant Professor;
Head of the Laboratory of Contrastive Research
of the German and Russian Law Systems,
Transbaikal Institute of Entrepreneurship
of the Siberian University of Consumer Cooperation,
Chita, Russia;*

*Assistant Professor of the Department of State and Municipal Law,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,*

e-mail: roman-antropov23@rambler.ru

The Trade and Economic Relations between Germany and China in Modern Realities: Experience for Russia

This article discusses some of the results of trade and economic relations between Germany and China in modern conditions. The characteristics of this cooperation are analyzed. It is shown that relations between Germany and China are currently the most intense. Based on the research conducted by the author, it is proposed to use positive foreign experience in the domestic management practice of developing international relations between Russia and China.

Keywords: *trade and economic relations, Germany, China, plans and priorities of the PRC, export-import activities, statistics*

Одной из приоритетных задач экономических преобразований, осуществляемых в современной России в последние время, является действенное включение отечественной экономики в мировое торгово-экономическое пространство, усиление взаимовыгодных связей с традиционными зарубежными партнёрами и привлечение новых союзников. Важным многолетним торговым и инвестиционным партнёром России в Европе является Германия, а среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона – Китай. В этом свете изучение опыта торгово-экономических отношений между Германией и Китаем – партнёров России – было бы очень полезным.

В статье автор опирался в большей степени на теоретическую и фактологическую базу, содержащуюся в научных трудах и публикациях таких немецких учёных в области выявления позитивных и негативных черт, присущих торгово-экономическим

отношениям между Германией и Китаем (с выявлением проблемных сторон и определением перспектив дальнейшего развития двусторонних международных экономических отношений между ФРГ и КНР), как Nils Bleich [5], Nina Fechtner [7], Winfried Huck и Karl Pilny [11], Weida Wang [8], Saskia Mowinski [9], Christine Pohl [12], Simon Pelz [10], Yanxia Schubert [13] и др., а также на данные статистики, представленные на специализированных сайтах (например, немецкого посольства в Китае, Федерального статистического ведомства Германии и др.).

Исходя из анализа вышеуказанных исследований и обзора литературных и иных источников, можно прийти к следующему заключению: усиление взаимодействия между ФРГ и КНР в последнее десятилетие происходило в условиях ускоренного роста Китая и его становления в качестве одного из ведущих лидеров мировой экономики. В настоящее время отношения между Германией и Китаем наиболее интенсивны, развиты более чем когда-либо. Это относится, в частности, и к экономическому сотрудничеству между двумя странами. Германия является крупнейшим торговым партнёром Китая в Европе. И наоборот, Китай является страной – экономическим партнёром «Номер один» для Германии в Азии.

В 2016 году объём двусторонней торговли составил чуть менее 170 млрд евро. Около 76 млрд евро пришлось на немецкий экспорт в Китай (только товаров из Германии в КНР было вывезено на 76,1 млрд евро) и чуть менее 94 млрд евро на китайский экспорт в Германию [6]. Сегодня Китай является важнейшим торговым партнёром Германии, опережая тем самым США и Францию. Большинство импортируемых в Германию товаров поступают именно из Поднебесной [3]. Объём прямых немецких инвестиций в Китай в 2015 году составил 69,5 млрд евро. Объём прямых китайских инвестиций с 2004 года увеличился в шесть раз и составил 2,2 млрд евро на конец 2015 года [6].

В экспортном секторе китайский рынок, прежде всего, особенно привлекателен в области машиностроения, производства автомобилей и автомобильных деталей, электротехники и химикатов со стороны ведущих немецких компаний, имеющих первостепенное значение для данного рынка. При этом за отчётный период немецкие инвестиции доминировали не только в секторе производства промышленного оборудования, но и, прежде всего,

в химической промышленности и автомобилестроении. Сегодня между Германией и Китаем существуют тесные связи во всех важнейших для двух республик экономических и промышленных секторах.

Сотрудничество в области науки и образования сконцентрировано, прежде всего, в подготовке квалифицированных рабочих, что является, пожалуй, одним из основных направлений данного сотрудничества. Партнёрство Германии и Китая в области экономической политики тесно связано с целями экономической политики Правительства Китая, сформулированными в 13-й пятилетке (2016–2020 гг.). План пятилетки подтверждает цель удвоения доходов и экономических показателей к 2020 году по сравнению с 2010 годом (увеличить вдвое ВВП на душу населения) и предусматривает ежегодный экономический рост на 6,5 % «или более» процентов [1]. Кроме того, власти Китая к концу пятилетки намерены добиться увеличения совокупного объёма экономики страны до объёма, превышающего 90 трлн юаней (около 13,8 трлн долл.). Для сравнения, в 2015 году китайский ВВП составил 67,67 трлн юаней (около 10,3 трлн долл.). Стабильную китайскую экономику в текущей пятилетке должны развивать новые движущие силы с исследованиями и инновациями. Власти намерены запустить ряд важных государственных научно-технических проектов, создавать научные центры, стимулировать развитие технологий, облачных вычислений и интернета. Согласно докладу Правительства Китая, к 2020 году доля науки в доле ВВП достигнет 2,5 %. Сектор услуг также должен расти, а избыточные производственные мощности в секторальной экономике должны быть сокращены. Китай продолжит углублять реформу финансового сектора, развивать реформу госкорпораций. Правительство КНР обещает и в дальнейшем направлять большие инвестиции в инфраструктуру (например, транспортную, телекоммуникаций и др.) и прилагать больше усилий в области охраны окружающей среды. И опыт Германии для Китая в данном направлении может быть очень полезен.

В фокусе принятой Госсоветом КНР в 2015 году стратегии «Сделано в Китае-2025» (Made in China-2025) произошла ориентация китайских приоритетов на десять отраслей, включая авиакосмическую отрасль, высокоскоростную железную дорогу, электромобильность и воспроизводство электросетей. Стратегия

нацелена на ускоренную индустриализацию за счёт совершенствования и поддержки производственного сектора [2]. Китай имеет желание модернизировать все свои производственные мощности и заменить импорт иностранных технологий своими собственными инновациями. Немецкая экономика здесь широко представлена во всех секторах. Таким образом, данная стратегия представляет собой серьёзную проблему для экономики Германии, но вместе с тем открывает и новые возможности благодаря её ориентации на автоматизацию и оцифровку отрасли, где в Федеративной Республике имеются значительные и опережающие время достижения.

Экономический рост в Китае основан на быстром расширении инфраструктуры и высокой степени урбанизации. «План урбанизации на 2014–2020 годы» предусматривает, что к 2020 году в городах Китая по официальным прогнозам будет проживать около 1 млрд чел. (к 2020 году – 800 млн чел., а к 2030 году – 930 млн чел.) [4]. Число так называемых мегаполисов (мегагородов) тогда составило бы более десятка. К 2020 году власти Китая намерены прописать в городах и посёлках около 100 млн сельских мигрантов. Таким образом, доля постоянно проживающего в городах населения достигнет отметки в 60 %. Планируется создать ряд городских агломераций и полюсов экономического роста. Для жителей сельской местности будут созданы более 50 млн новых рабочих мест. Одна из основных задач сегодня в реализации данной цели – продвижение торговли и инвестиций между Германией и Китаем.

Наиболее важными «клиентами» для Китая являются Федеральное Правительство Республики Германии и её экономика в лице конкретных представителей. В обоих случаях Германия анализирует развитие китайской экономики и сам процесс реформ, экономические условия, а также возможности и риски для дальнейшего вхождения в китайский рынок. Министерство экономического сотрудничества и развития ФРГ тесно связано с Правительством Китая по вопросам совместно проводимой экономической политики.

Немецкое представительство в Китае (Посольство Федеративной Республики Германии в Пекине) является первым контактным лицом для Правительства Китая по вопросам двусторонних экономических отношений, а также организации поездок

в Китай и надзора за официальными лицами и делегациями с немецкой стороны. Департамент экономики немецкого посольства в Пекине ежегодно обрабатывает от 800 до 1000 индивидуальных запросов от бизнес-сектора и курирует около 40 немецких делегаций в Китае каждый год. Около 60 торговых ярмарок проводятся данным департаментом и финансово поддерживаются Правительством Германии на федеральном уровне ежегодно [6].

Таким образом, несмотря на то, что важнейшим импортёром товаров «Сделано в Германии» остаются США, за которыми следуют Франция, Великобритания и Голландия, по всей видимости, Китай и в будущем останется одним из самых важных торгово-промышленных партнёров ФРГ, исходя из высоких темпов роста экономики страны и благоприятной конъюнктуры. В связи с этим Германия будет стараться укреплять свои позиции в Китае, а также в Азиатском регионе в целом, заключая в обозримом будущем масштабные торговые соглашения [3].

Результаты данного исследования могут быть использованы в работе отдельных государственных служб Российской Федерации, например, Дальневосточного федерального округа – ДФО (к которому с 4 ноября 2018 года относится и Забайкальский край), при определении внешнеэкономических приоритетов и выработке федеральной и региональной политики в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона (на примере Китая). Исследование будет представлять интерес в качестве познавательного информационного материала и для деловых кругов со стороны федерального центра, ДФО и иных регионов, желающих по примеру Германии работать с Китаем, а также для российских предпринимателей, решивших развивать торгово-экономическое сотрудничество с отдельными странами АТР, в частности, с КНР.

Список литературы

1. Китай определил задачи в экономике на 2016 год и XIII пятилетку [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://www/ria.ru/20160305/1385131917.html> (дата обращения: 01.02.2019).
2. Китай раскритиковал доклад торговой палаты ЕС по КНР [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://www/ria.ru/20170311/1489789210.html> (дата обращения: 01.03.2019).
3. Пекин как козырь в рукаве [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: <https://www.rg.ru/2017/03/02/kitaj-potesnil-sshana-vtoroe-mesto-v-torgovle-s-germaniej.html> (дата обращения: 01.02.2019).

4. Победа над бедностью: Число горожан в Китае увеличилось в одиннадцать раз [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: <https://www.rg.ru/2012/06/14/kitay.html> (дата обращения: 01.02.2019).

5. Bleich N. Deutsche Automobilzulieferer in China: Chancen und Risiken der Erschließung des chinesischen Automobilmarktes. Hamburg: Diplomica Verlag, 2009. 104 s.

6. Deutsch-chinesische Wirtschaftsbeziehungen [Электронный ресурс] // Deutsche Vertretung in China. Режим доступа: [www.https://www.china.diplo.de/cn-de/themen/wirtschaft/wirtschaft-bilateral](http://www.china.diplo.de/cn-de/themen/wirtschaft/wirtschaft-bilateral) (дата обращения: 01.02.2019).

7. Fechtner N. Erfolgsfaktoren deutsch-chinesischer Wirtschaftskooperationen: Am Beispiel der Automobilindustrie. Hamburg: Diplomica Verlag, 2006. 146 s.

8. Huck W., Wang W. China und Deutschland – Praxis der Beziehungen in Recht, Wirtschaft und Kultur: Ausgewählte Beiträge der deutsch-chinesischen Wirtschaftsrechtssymposien aus 2002–2004. Bern: Peter Lang GmbH: Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2006. 302 s.

9. Mowinski S. Deutsch-Chinesische Wirtschaftsbeziehungen: Chancen und Risiken fuer deutsche Unternehmer vor dem Hintergrund des WTO-Beitritts. Hamburg: Diplomarbeiten Agentur diplom.de, 2003. 116 s.

10. Pelz S. Deutsch-chinesische Wirtschaftsbeziehungen am Beispiel von Schanghai: Der Drache speit wieder Feuer. Saarbrücken: Suedwestdeutscher Verlag fuer Hochschulschriften, 2009. 324 s.

11. Pilny K. Asia-2030: Was der globalen Wirtschaft blüht. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2018. 328 s.

12. Pohl Ch. Die Entwicklung der deutsch-chinesischen Wirtschaftsbeziehungen: Von der Reform- und Öffnungspolitik bis zum WTO. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2008. 132 s.

13. Schubert Ya. Erfolgreich verhandeln mit chinesischen Geschäftspartnern. München: GRIN Verlag, 2018. 120 s.

Ольга Андреевна Борисенко,
канд. филос. наук,
доцент кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: olenka_rabota@mail.ru

Сущность культурной безопасности – взгляд на Китай¹

Традиционные идеи безопасности глубоко укоренились в кругах внешней политики и безопасности, и они стремятся развить новые концептуальные идеи и политические факторы. Китайская культура широка и пронизывает повседневную жизнь по всей стране. Общество с тысячелетней историей активно вплетается в систему образования. Мы показываем, что в последние годы китайское правительство значительно культивировало и подчёркивало национальный дух.

Ключевые слова: культурная безопасность, культура, глобализация, Китай, «мягкая сила»

Olga A. Borisenko,
Candidate of Philosophy Science,
Associate Professor Department of Philosophy,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: olenka_rabota@mail.ru

The Essence of Cultural Security – Look at China²

Traditional security ideas are deeply rooted in foreign policy and security circles, and they seek to develop new conceptual ideas and political factors. Chinese culture is extensive and pervades everyday

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания № 35.9234.2017/БЧ «Комплексное исследование культурной безопасности в условиях глобализирующейся культуры трансграничья (Россия–Китай)».

² The article is made within the framework of the state task No. 35.9234.2017/BCH "Comprehensive study of cultural security in a globalizing culture of cross-border (Russia–China)".

life throughout the country. As a society with millennia of history that is actively woven into the educational system. We show that in recent years, the Chinese government has significantly cultivated and emphasized the national spirit.

Keywords: *cultural security, culture, globalization, China, “soft power”*

Культурная политика как инструмент социальной инженерии имеет решающее значение для национального выживания, поскольку национальная безопасность в значительной степени определяется культурой. Ни одна нация не может достичь полной безопасности во все времена, и, противодействуя предполагаемым угрозам, национальная безопасность может быть реализована путём адаптации элементов культуры для обеспечения выживания. Разъяснение, обоснование материальных, институциональных и философских аспектов культуры может помочь обеспечить более систематический анализ динамических элементов культуры в отношении национальной безопасности. Этот культурный анализ определяет внутренние и внешние аспекты национальной безопасности.

В настоящее время расширились возможности для культурных мероприятий, в результате чего китайская культурная индустрия в целом выиграла. Быстрое развитие информационных технологий повысило международную конкурентоспособность наших культурных продуктов, которые могут передаваться по всему миру. Как часть этого, информированное мнение и научная теория, а также культурные шедевры могут быть распространены среди большого числа людей, для знакомства людей с Китаем. Кроме того, теперь существует больше возможностей для международного культурного общения. Возможно достичь Китая и простых китайцев, прежде всего через интернет, при условии принятия надлежащих мер в отношении его использования. В рамках этого, расширение знаний английского языка поможет Китаю принять участие и конкурировать в мировой экономике.

Каждая нация определяет стратегии для предотвращения её потенциальной и фактической дестабилизации. Такие стратегии обычно содержатся в программе национальной безопасности. Культурная политика как инструмент социальной инженерии требует представления о культуре как о стратегическом инстру-

зрения подтверждается ещё и тем фактом, что при обеспечении различных компонентов культуры, таких как язык, обычаи, нормы, искусство, наука, существует сопутствующая безопасность социальных систем человека, что, в свою очередь, создаёт своего рода индивидуальный и общественный союза. Следовательно, особый анализ культуры исторически необходим для любой формы безопасности и развития. Учитывая тот факт, что культура и безопасность следуют определённым автономным, а также функционально зависимым, динамичным тенденциям в отношении социального и индивидуального благосостояния, уместно проанализировать их двухуровневый операционный функционализм как «культуру безопасности», или «безопасность культуры».

В связи с этим вопросы культурной безопасности становятся актуальными. Как сфера национальной безопасности культурная безопасность предполагает защиту традиционных ценностей, которые раскрываются через духовные, нравственные, исторические, религиозные основы духовной сферы общества, а также идентичность и самобытность национальной культуры, которые противостоят внешним и внутренним угрозам, стремящимся уничтожить самобытность и исторические корни национальной культуры. Если рассматривать культурную безопасность как условие жизни общества, то ее интерпретация может быть выражена в сохранении и укреплении его культурного и научного потенциала, что может быть возможно при способности государства решать неотложные задачи политического, экономического и социального характера [1].

Китай должен ускорить развитие своей культурной индустрии, поддержать ряд ключевых культурных предприятий, создать современную систему рыночных культур, стимулировать и культивировать культурное потребление и усилить государственную поддержку.

Вступление в процессы глобализации и восприятие экономических возможностей современного мира в Китае отражается через традиционную культуру и позволяет не только сохранять свои собственные ценности, но и успешно адаптировать их к реалиям сегодняшнего дня. Китай играет важную роль в современном экономическом развитии мира. Основной задачей китайской стратегии развития кластеров было обеспечение того, чтобы результаты соответствовали не только экономическому развитию страны, но

и росту социальной, культурной составляющей [3]. В этом контексте культуру безопасности можно рассматривать как одну из многочисленных различных систем, в которых синтезируются социальная теория и действие. Это означает, что культура безопасности как социальной системы зависит от системы человеческой личности и позиционирования. В этой ситуации культура безопасности даёт нам стимул преодолевать препятствия, мешающие развитию человека и общества, и прокладывать новые пути для будущих перспектив. Кроме того, правильное разъяснение полезной цели культуры человеческого и социального обеспечения даёт ключ к пониманию того, как преодолеть разрыв между нашими средствами и нашими целями, как использовать эти средства и цели для технологического развития человека и для трансформации личности и государства в обществе.

Традиционные идеи безопасности по-прежнему глубоко укоренились в кругах внешней политики и безопасности. Они стремятся развить новые концептуальные идеи и политические факторы, такие как «мягкая сила», «способность получать то, чего хочется, посредством привлечения, а не принуждения или платежей», рассмотреть изменяющееся восприятие угрозы в системе после холодной войны. Стремление Китая к расширению возможностей «мягкой силы» привлекло международное внимание. В то время как некоторые утверждают, что Китаю «нужна» «мягкая сила», другие пришли к выводу, что стремление Китая к мягкой силе было более успешным, чем в некоторых других государствах, и международное сообщество должно серьёзно к этому относиться. Ключевой интерес к опыту Китая в области быстрых и глубоких внутренних изменений – это застенчивая попытка политической элиты поддерживать общественную и политическую стабильность в рамках существующей политической системы. Утверждается, что перспективы безопасности Китая остаются реалистичными в ориентации. Появление концепции китайской «национальной культурной власти» лучше всего объясняется как преднамеренная попытка перенастроить основы национальной политической идентичности Китая и лидерство Коммунистической партии посредством более настойчивой передачи китайских национальных ценностей и подкрепления ортодоксальной перспективы безопасности Китая.

Список литературы

1. Borisenko O. A., Fomina M. N., Kondakova N. S. Cultural Security of the Transboundary in a Globalizing World: A Theoretical and Methodological Analysis [Электронный ресурс] // European Research Studies Journal. 2017. Vol. 20. Pp. 532–540. Режим доступа: https://www.ersj.eu/index.php?option=com_content&task=view&id=1148 (дата обращения: 07.12.2018).
2. Maslow Abraham H. A Theory of Human Motivation // Psychological Review. 1943. Vol. 50. Pp. 370–396.
3. Problems of economic globalization of China as a factor of cultural security / D. Sukharev, O. Borisenko, M. Fomina, N. Kondakova [Электронный ресурс] // MATEC. International Scientific Conference “Investment, Construction, Real Estate: New Technologies and Special-Purpose Development Priorities”. Режим доступа: https://www.matec-conferences.org/articles/mateconf/abs/2018/71/mateconf_icre2018_08026/mateconf_icre2018_08026.html (дата обращения: 12.11.2018).

УДК 338.486

*Светлана Юрьевна Гатауллина,
доцент кафедры сервиса и туризма,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия,
e-mail: Obsurga@mail.ru*

**Роль туризма в развитии приграничного сотрудничества
России и Китая**

В статье приведена динамика внешнеэкономического сотрудничества России, структура внешней торговли Приморского края. Рассмотрены возможности туризма как катализатора развития приграничного сотрудничества. Сделано предположение о том, что туризм может стать значимым фактором расширения международного взаимодействия России и Китая.

Ключевые слова: международное сотрудничество, Приморский край, приграничный туризм, регион, туризм

Svetlana Yu. Gataullina,
*Assistant Professor of Service and Tourism,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia,
e-mail: 06surga@mail.ru*

The Role of Tourism in the Development of Cross-Border Cooperation of Russia and China

The article presents the dynamics of foreign economic cooperation of Russia, the structure of foreign trade of Primorsky Krai. The possibilities of tourism as a catalyst for the development of cross-border cooperation are considered. It is suggested that tourism can become a significant factor in the expansion of international cooperation.

Keywords: international cooperation, Primorsky Krai, border tourism, region, tourism

Показатели развития внешнеэкономической деятельности России после их сокращения в 2014–2016 годах в результате действия санкций постепенно восстанавливаются. Внешнеторговый оборот России по итогам января–июня 2018 года составил 328,7 млрд долл. с приростом на 21,7 % по отношению к январю–июню 2017 г. (см. рис. 1) [6].

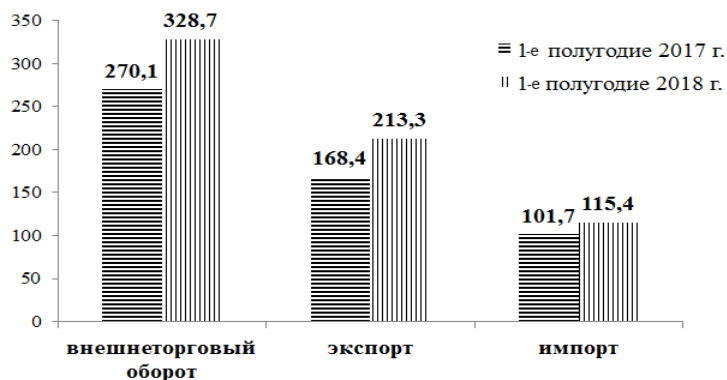

Рис. 1. Показатели внешнеторгового оборота РФ, млрд долл. США

При этом прирост экспорта составил 26,7 %, импорта – 13,5 %. В географической структуре внешней торговли России особое место занимает Европейский союз (43,8 % российской торговли, или 144,0 млрд долл. США в январе–июне 2018 г.). Товарооборот с ЕС увеличился на 21,5 %, прирост экспорта составил 25,0 %, импорта – 14,1 %. Второй группой по объёму внешнеторгового оборота в январе–июне 2018 года являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), на долю которых приходится 29,8 % российской внешней торговли, или 98,1 млрд долл.).

Динамичное развитие сотрудничества России со странами АТР является важным направлением внешнеэкономической и политической работы, которая осуществляется в направлении развития взаимодействия по линии диалогового партнёрства Россия – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и межгосударственного объединения БРИКС. В выстраивании «евразийского коридора» выхода страны на азиатско-тихоокеанский рынок большая роль отводится субъектам Дальневосточного федерального округа (ДФО).

Лидирующие позиции во внешнеэкономическом сотрудничестве России и дальневосточных регионов занимает КНР как по объёму товарооборота, так и по динамике его роста. Традиционно форпостом экономического сотрудничества и кросс-культурного взаимодействия России в АТР является Приморский край. В области торгово-экономических отношений Китай является для Приморского края традиционно лидирующим партнёром [5]. Основные торговые партнёры Приморского края приведены в таблице.

Основные торговые партнёры Приморского края

<i>Страны</i>	<i>Экспорт, млн долл.</i>			<i>Импорт, млн долл.</i>			<i>Товарооборот, млн долл.</i>		
	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>
КНР	1478,9	1103,9	1146,5	2058	1820,9	2137,0	3536,9	2924,8	3283,5
Р. Корея	764,5	677,5	748,1	304,4	258,2	407,4	1068,9	935,7	1155,5
Япония	211,5	226,2	272,7	587,2	340,5	470,0	798,7	566,7	742,7
Прочие	917,2	453	1123,5	724,7	800,3	762	1641,9	1253,3	1885,5
Всего	3372,1	2460,6	3290,8	3674,3	3219,9	3776,4	7046,4	5680,5	7067,2

По удельному весу внешнеторговых операций в 2017 году традиционным лидером является КНР – 47 %, доля Республики Корея составила 16 %, Японии – 11 %. Товарооборот с этими странами ежегодно составляет более 70 % внешнеторгового оборота Приморского края. Объём товарооборота Приморского края с КНР растёт, но недостаточно равномерно (см. рис. 2).

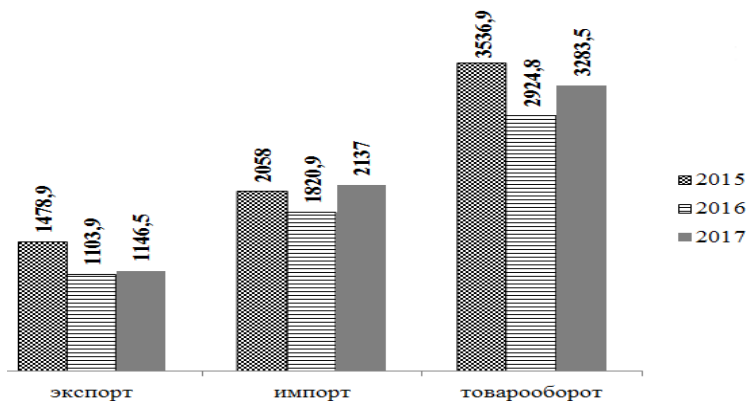

Рис. 2. Динамика внешнеторгового оборота Приморского края и КНР, млн долл.

Основу статей приморского экспорта в КНР составляет природное сырьё, а импорта – продукты питания, товары для населения, оборудование, электрические машины. КНР является одним из основных стран-инвесторов Приморья. Поэтому поиск путей повышения динамики внешнеторгового сотрудничества с КНР, совершенствования структуры экспорта и импорта является важной внешнеэкономической задачей.

Одной из «точек роста» взаимодействия Приморского края и провинций КНР является сотрудничество в области туризма [1]. В XXI веке туризм рассматривается как феноменальное социально-экономическое явление, катализатор экономического сотрудничества и кросс-культурного взаимодействия (см. рис. 3).

Эффективное регулирование туристской деятельности оказывает позитивное воздействие на социально-экономическую среду региона: расширяется внешнеэкономическая деятельность; растёт приток валютных и иных финансовых поступлений; создаются рабочие места в туристской отрасли и других сопутству-

ющих отраслях; происходит диверсификация экономики в силу высокого мультипликативного эффекта туристской деятельности; развиваются добрососедские приграничные отношения; растёт деловая активность населения; повышается инвестиционная привлекательность региона; развиваются сервисная деятельность, туристская инфраструктура, кросс-культурное взаимодействие; повышается уровень жизни населения.

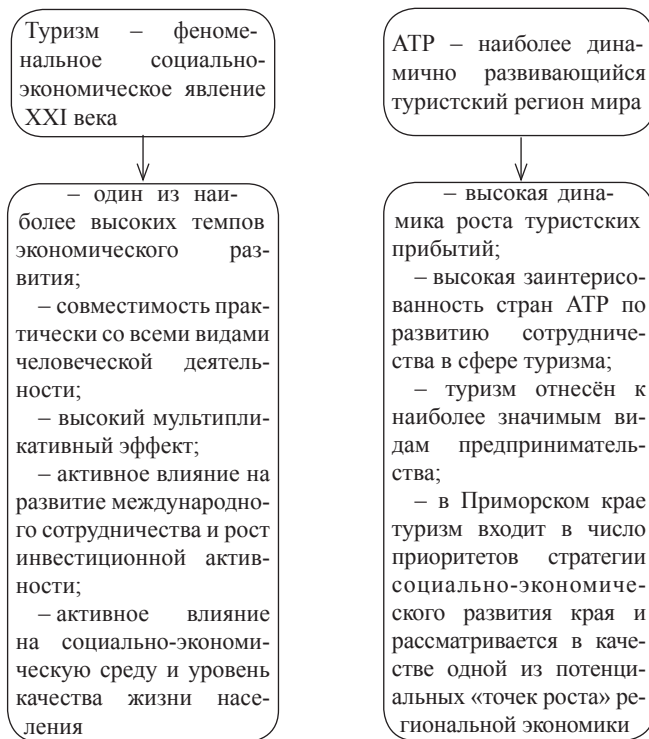

Рис. 3. Роль туризма как катализатора международного сотрудничества

В Приморском крае туризм входит в 18 направлений стратегии социально-экономического развития региона, а в КНР внутренний и международный туризм отнесён к приоритетным секторам экономики. Большой потенциал успешного развития приграничного туризма между Приморским краем и провинци-

ями КНР обусловлен наличием протяжённой границы, развитой сетью наземных и воздушных пунктов пропуска [2]. Доля турпотока из КНР в Приморском крае составляет более 66 % объёма всего въездного турпотока, а в выездном турпотоке с территории Приморья доля туров в КНР составляет более 60 %.

К факторам, благоприятствующим развитию туристского сотрудничества между Приморским краем и провинциями КНР, относятся:

- позитивный фон вокруг российско-китайских отношений на политическом уровне;
- определение на правительственном уровне туризма как «одной из несущих опор экономики страны», стимулирующей предпринимательство и инновации, демонстрирующей «мягкую силу» в политике, а также расширение возможности полноценного отдыха граждан;
- развитие механизма безвизового туристского обмена между Россией и Китаем;
- программа адаптации туристского сервиса Приморского края к китайским туристам China Friendly [3];
- достигнутый уровень безопасности и комфорта туристов обеих стран в сопредельной стране;
- активные меры по продвижению туристских возможностей Приморского края и провинций КНР;
- активная разработка новых туристских продуктов, ориентированных на потребности прибывающих туристов [4].

Таким образом, туризм может рассматриваться как фактор расширения внешнеэкономического сотрудничества России и КНР, способствующий успешному социально-экономическому развитию приграничных регионов.

Список литературы

1. Гатауллина С. Ю. Глобальные вызовы современности и развитие туризма между Российской Федерацией и КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск: БГПУ, 2016. С. 252–254.
2. Гатауллина С. Ю. Въездной туризм как фактор социально-экономического развития Приморского края // Демографическое развитие Российского Дальнего Востока Сер. Демография. Социология. Экономика. М.: Ин-т социально-политических исследований РАН, 2016. С. 160–168.

3. Гатауллина С. Ю. Новый вектор сотрудничества Приморского края и КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск: БГПУ, 2016. С. 249–251.

4. Гатауллина С. Ю. Новые направления развития сотрудничества Приморского края и КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. ст. / науч. ред. Н. А. Абрамова, Т. В. Колпакова. Чита: ЗабГУ 2016. Вып. 17. С. 49–55.

5. Департамент экономики и развития предпринимательства Приморского края: доклад об итогах ВЭД Приморского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.primorsky.ru> (дата обращения: 20.01.2019).

6. Министерство экономического развития Российской Федерации об итогах социально-экономического развития РФ в 2016 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/mines/main> (дата обращения: 20.12.2018).

УДК 339.923

*Дмитрий Владимирович Гордиенко,
д-р воен. наук, профессор,
профессор кафедры государственного управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
г. Москва, Россия,
e-mail: gordienko@ranepa.ru*

Сравнительная оценка защищенности экономики Китая при реализации глобальных интеграционных проектов

Обеспечение экономической безопасности КНР осуществляется в форме экономического патронажа со стороны правительства и Народного банка, экономической кооперации и экономического противоборства с другими странами мира. В аналитическом докладе рассматриваются перспективы изменения уровня экономической безопасности Китая при реализации Всестороннего регионального экономического партнёрства, Большого евразийского партнёрства, а также стратегии «Экономический пояс Шёлкового пути».

***Ключевые слова:** Китай, экономика, обеспечение экономической безопасности*

Dmitry V. Gordienko,

Doctor of Military Sciences, Professor;

Professor of Public Administration,

RANE and PA under the President of the Russian Federation,

Moscow, Russia,

e-mail: gordienko@ranepa.ru

Comparative Estimation of the Protection of the Economy of China when Realizing Global Integration Projects

The economic security of the PRC is ensured in the form of economic patronage by the government and the People's Bank, economic cooperation and economic confrontation with other countries of the world. The analytical report examines the prospects for changing the level of economic security of China during the implementation of the Regional Comprehensive Economic Partnership, the Greater Eurasian Partnership, as well as the Silk Road Economic Belt Strategy.

Keywords: *China, economy, economic security*

Основными формами обеспечения экономической безопасности государства являются: экономический патронат, экономическая кооперация и экономическое противоборство (экономическая борьба).

Значения объёмов внешнеторгового товарооборота и других показателей экономической кооперации могут стать основой для определения веса экономической интеграции Китая с другими странами мира при реализации глобальных интеграционных проектов и взаимозависимости их экономик в условиях глобализации.

Одновременно значения объёмов нереализованного внешнеторгового товарооборота и других показателей экономического противоборства могут стать основой для определения веса экономической борьбы Китая с другими странами мира и снижения уровня защищённости его национального хозяйства от негативного влияния со стороны других государств в условиях глобализации [1–6].

Реализация стратегии «Экономический пояс Шёлкового пути» позволит увеличить долю товарооборота Китая со странами-членами ШОС к 2020 году не менее, чем на 0,88 – с 8,89 % (488,7 млрд долл.) до 9,77 % (537,57 млрд долл.).

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития Афганистана и структуре его товарооборота возможен отрицательный прирост уровня защищённости национального хозяйства Китая.

К 2025 году уровень экономической безопасности Китая, реализованный в рамках его экономической кооперации со странами – членами ШОС, может увеличиться на 0,72 п. п. – с 7,07 до 7,79 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Народного банка Китая (см. табл. 1) [7; 8].

Таблица 1

Изменения уровней защищённости национального хозяйства Китая от внешних и внутренних угроз при реализации инициативы Экономического пояса Шёлкового пути

<i>Страны – члены ШОС</i>	<i>Защищённость национальной экономики Китая в рамках экономического патроната со стороны правительства и Народного банка Китая = 100 %</i>			
	<i>изменение уровня защищённости экономики в рамках экономической кооперации</i>		<i>изменение уровня защищённости экономики в рамках экономического противоборства</i>	
	<i>без учёта реализации ЭПШП</i>	<i>прирост с учётом реализации ЭПШП</i>	<i>без учёта реализации ЭПШП</i>	<i>прирост с учётом реализации ЭПШП</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Индия	1,711	0,173	-1,154	0,463
Казахстан	0,386	0,039	0,348	-0,140
Киргизия	0,043	0,003	0,138	-0,055
Пакистан	0,251	0,027	-0,204	0,082
Россия	3,258	0,332	1,044	-0,981
Таджикистан	0,058	0,006	0,254	-0,10063
Узбекистан	0,091	0,010	0,339	-0,136
Афганистан	-0,039	-0,004	0,085	-0,034
Белоруссия	0,123	0,012	0,126	-0,050
Иран	0,202	0,021	0,117	-0,047
Монголия	0,186	0,020	0,300	-0,121
Азербайджан	0,086	0,010	0,125	-0,050
Армения	0,015	0,00061	0,0049	-0,00106
Камбоджа	0,296	0,029	0,527	-0,213

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Непал	0,003	0,00032	0,0012	-0,00066
Турция	0,155	0,014	0,136	-0,053
Шри-Ланка	0,252	0,026	0,392	-0,158
ИТОГО	7,078	0,720	2,578	-1,596
Справочно				
США	9,813	0	-3,75	0
ЕС	13,38	0	-2,73	0

В то же время реализация стратегии Экономического пояса Шёлкового пути позволит сократить долю нереализованного товарооборота Китая со странами – членами ШОС к 2020 году на 3,56 – с 8,89 % (122,1 млрд долл.) до 5,33 % (73,3 млрд долл.).

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития Китая и структуре его товарооборота возможны отрицательные приросты уровня защищённости национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Индией и Пакистаном.

К 2025 году уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства Китая со странами – членами ШОС, может уменьшиться на 1,59 п. п. – с 2,57 до 0,98 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Народного банка страны (см. табл. 1) [9; 10].

Реализация Всестороннего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) позволит увеличить долю товарооборота Китая с государствами – участниками Всестороннего регионального экономического партнёрства к 2020 году не менее, чем на 2,09 – с 20,91 % (1105,1 млрд долл.) до 23,0 % (1265,1 млрд долл.).

К 2025 году уровень экономической безопасности Китая, реализованный в рамках её экономической кооперации с государствами – участниками ВРЭП, может увеличиться на 1,86 п. п. – с 18,42 до 20,29 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Народного банка Китая (см. табл. 2).

Таблица 2

Изменение уровней защищённости национального хозяйства Китая от внешних и внутренних угроз при реализации всестороннего регионального экономического партнёрства

<i>Государства – участники ВРЭП</i>	<i>Защищённость национальной экономики Китая в рамках экономического патроната со стороны правительства и Народного банка Китая = 100 %</i>			
	<i>изменение уровня защищённости экономики в рамках экономической кооперации</i>		<i>изменение уровня защищённости экономики в рамках экономического противоборства</i>	
	<i>без учёта реализации ВРЭП</i>	<i>прирост с учётом реализации ВРЭП</i>	<i>без учёта реализации ВРЭП</i>	<i>прирост с учётом реализации ВРЭП</i>
Индия	1,713	0,169	-1,154	0,463
Япония	5,333	0,542	2,750	-1,108
Бруней	0,015	0,001	0,026	-0,009
Н. Зеландия	0,375	0,040	0,519	-0,204
Сингапур	1,094	0,110	0,731	-0,288
Австралия	1,725	0,177	1,279	-0,517
Лаос	0,059	0,006	0,106	-0,045
Вьетнам	0,940	0,094	1,342	-0,542
Малайзия	1,290	0,131	1,619	-0,654
Мьянма	0,110	0,011	0,153	-0,060
Таиланд	0,815	0,081	1,063	-0,431
Филиппины	0,619	0,065	0,929	-0,369
Ю. Корея	3,479	0,354	2,354	-0,946
Камбоджа	0,292	0,029	0,535	-0,215
Индонезия	0,571	0,056	0,725	-0,290
ИТОГО	18,427	1,866	12,977	-5,214
<i>Справочно</i>				
Россия	3,250	0	1,044	0
США	9,229	0	-2,708	0
ЕС	13,38	0	-2,73	0
Канада	0,721	0	-0,840	0

В то же время реализация ВРЭП позволит сократить долю нереализованного товарооборота Китая с государствами – участниками Всестороннего регионального экономического партнёрства к 2020 году на 8,36 % – с 20,91 до 12,55 %.

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития Китая и структуре его товарооборота возможны отрицательные приросты уровня защищённости национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Индией.

К 2025 году уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства Китая с государствами – участниками ВРЭП, может уменьшиться на 5,21 п. п. – с 12,97 до 7,76 % – от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Народного банка этой страны (см. табл. 2) [11].

Реализация Большого евразийского партнёрства (БЕАП) позволит увеличить долю товарооборота Китая с государствами – участниками Большого евразийского партнёрства к 2020 году не менее, чем на 1,4 – с 14,5 % (797,7 млрд долл.) до 15,9 % (877,4 млрд долл.). В том числе, со странами АСЕАН – на 0,7 – с 7,5 % (412,0 млрд долл.) до 8,2 % (453,0 млрд долл.); со странами ЕАЭС – на 0,4 – с 4,4 % (240,0 млрд долл.) до 4,8 % (264,0 млрд долл.); с Индией, Ираном и Пакистаном – на 0,3 – с 2,6 % (145,0 млрд долл.) до 2,9 % (159,5 млрд долл.).

К 2025 году уровень экономической безопасности Китая, реализованный в рамках её экономической кооперации с государствами – участниками БЕАП, может увеличиться на 1,18 п. п. – с 11,79 до 12,98 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Народного банка Китая (см. табл. 3).

В то же время реализация БЕАП позволит сократить долю нереализованного товарооборота Китая с государствами – участниками Большого евразийского партнёрства к 2020 году на 5,8 % – с 14,5 до 8,7 %. В том числе, со странами АСЕАН – на 3,0 – с 7,5 % (103,1 млрд долл.) до 4,5 % (61,8 млрд долл.); со странами ЕАЭС – на 1,8 – с 4,4 % (60,0 млрд долл.) до 2,6 % (36,0 млрд долл.); с Индией, Ираном и Пакистаном – на 1,1 – с 2,6 % (36,2 млрд долл.) до 1,5 % (21,7 млрд долл.).

Таблица 3

Изменение уровней защищённости национального хозяйства Китая от внешних и внутренних угроз при реализации большого евразийского партнёрства

<i>Государства – участники БЭАП</i>	<i>Защищённость национальной экономики Китая в рамках экономического патроната со стороны правительства и Народного банка Китая = 100 %</i>			
	<i>изменение уровня защищённости экономики в рамках экономической кооперации</i>		<i>изменение уровня защищённости экономики в рамках экономического противоборства</i>	
	<i>без учёта реализации БЭАП</i>	<i>прирост с учётом реализации БЭАП</i>	<i>без учёта реализации БЭАП</i>	<i>прирост с учётом реализации БЭАП</i>
Бруней	0,015	0,001	0,023	-0,009
Сингапур	1,093	0,110	0,734	-0,294
Лаос	0,059	0,006	0,106	-0,042
Вьетнам	0,940	0,094	1,341	-0,538
Малайзия	1,291	0,130	1,617	-0,650
Мьянма	0,111	0,011	0,158	-0,063
Таиланд	0,816	0,082	1,062	-0,426
Филиппины	0,619	0,062	0,929	-0,373
Камбоджа	0,292	0,029	0,535	-0,214
Индонезия	0,571	0,057	0,726	-0,291
Россия	3,258	0,332	1,041	-0,418
Белоруссия	0,123	0,012	0,126	-0,050
Казахстан	0,386	0,039	0,347	-0,139
Киргизия	0,043	0,004	0,138	-0,055
Армения	0,015	0,002	0,006	-0,003
Индия	1,711	0,172	-1,152	0,459
Пакистан	0,251	0,025	-0,204	0,082
Иран	0,202	0,020	0,117	-0,047
ИТОГО	11,796	1,189	7,649	-3,072
<i>Справочно</i>				
ЕС	13,38	0	-2,73	0

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития Китая и структуре его товарооборота возможны отрица-

тельные приросты уровня защищённости национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Индией и Пакистаном.

К 2025 году уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства Китая с государствами – участниками БЕАП, может уменьшиться на 3,07 п. п. – с 7,64 до 4,57 % – от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патронажа со стороны Правительства и Народного банка этой страны (см. табл. 3) [12].

Список литературы

1. Гордиенко Д. В. Глобальные интеграционные проекты: изменение уровня экономической безопасности государств мира при их реализации. М.: Аргмак-Медиа, 2018. 338 с.

2. Гордиенко Д. В., Сафонов М. С. Реинтеграция или дезинтеграция. Как защитить национальные интересы? М.: Науч. б-ка, 2018. 384 с.

3. Гордиенко Д. В. Оценка изменения уровня экономической безопасности России при реализации инициативы Экономического пояса Шёлкового пути // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник ИНИОН РАН / отв. ред. В. И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 65–80.

4. Гордиенко Д. В., Празднов Г. С. Обеспечение экономической безопасности Китайской Народной Республики при реализации стратегии Экономического пояса Шёлкового пути // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, вып. 2. С. 377–392. DOI: 10.24891/ni.14.2.377.

5. Гордиенко Д. В., Гордиенко Ю. Д. Реализация стратегии Экономического пояса Шёлкового пути и обеспечение экономической безопасности Китайской Народной Республики // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018. Т. 6, № 9. С. 4–19.

6. Гордиенко Д. В., Гордиенко Ю. Д. Оценка изменения уровня экономической безопасности стран – членов Шанхайской организации сотрудничества при реализации стратегии Экономического пояса Шёлкового пути // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018. Т. 6, № 10. С. 35–47.

7. Гордиенко Д. В., Празднов Г. С. Изменение уровня защищённости национального хозяйства Китайской Народной Республики при реализации стратегии Экономического пояса Шёлкового пути в рамках экономической кооперации стран – членов Шанхайской организации сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, вып. 3. С. 574–588. DOI: 10.24891/ni. 14.3.574.

8. Гордиенко Д. В., Гордиенко Ю. Д. Реализация стратегии Экономического пояса Шёлкового пути: изменение уровня защищённости национального хозяйства Китайской Народной Республики в рамках её экономической кооперации со странами – членами Шанхайской организации сотрудничества // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018. Т. 1, № 11. С. 38–51.

9. Гордиенко Д. В., Празднов Г. С. Изменение уровня защищённости национального хозяйства Китайской Народной Республики при реализации стратегии Экономического пояса Шёлкового пути в рамках экономического противоборства со странами – членами Шанхайской организации сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, вып. 5. С. 972–984. DOI: 10.24891/ni.14.5.972.

10. Гордиенко Д. В., Гордиенко Ю. Д. Реализация стратегии Экономического пояса Шёлкового пути: изменение уровня защищённости национального хозяйства Китайской Народной Республики в рамках её экономического противоборства со странами – членами Шанхайской организации сотрудничества // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018 Т. 1, № 12. С. 36–49.

11. Гордиенко Д. В., Гордиенко Ю. Д. Оценка изменения уровня экономической безопасности государств – участников Всестороннего регионального экономического партнёрства // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018. Т. 9, № 12. С. 44–58.

12. Гордиенко Д. В., Гордиенко Ю. Д. Оценка изменения уровня экономической безопасности государств – участников Большого евразийского партнёрства // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018. Т. 6, № 12. С. 26–46.

УДК 338.26(510)

Наталья Никитична Коледенкова,

канд. экон. наук, ст. науч. сотрудник

Центра социально-экономических исследований Китая,

Институт Дальнего Востока РАН,

г. Москва, Россия,

e-mail: koledenkova@ifes-ras.ru

Развитие центральных районов Китая в 13-й пятилетке (2016–2020)

В статье рассмотрено изучение новой стратегии развития центральных районов Китая в 13-й пятилетке (2016–2020) в условиях ускоренного создания модернизированной производственной

системы КНР. Анализируется влияние инвестиционной политики, её отражение в развитии региона.

Ключевые слова: *Китай, центральные районы, 13-й пятилетний план, инвестиционная политика*

Natalia N. Koledenkova,

Candidate of Economic Science,

Older Science Collaborator of Centre Social-Economic Research China,

Institute of Far Eastern Studies RAS,

Moscow, Russia,

e-mail: koledenkova@ifes-ras.ru

The Development of the Central Areas of China in the 13th Five-year Plan (2016–2020)

The article focuses on the study of a new strategy for the development of the Central regions of China in the 13th five-year plan (2016–2020) in the conditions of accelerated creation of the modernized production system of China. The influence of investment policy on the development of the region is analyzed.

Keywords: *China, Central regions, 13th five-year plan, investment policy*

Стратегической целью Китая является модернизация экономической системы, принятая на XIX съезде КПК (2017), которая предполагает ускоренное развитие производственной системы, обеспечивающей скоординированное развитие реального сектора экономики. Для её решения планируется проведение политики согласованного развития регионов, поскольку в начале XXI века разрыв в уровне экономического развития между внутренними и приморскими регионами страны был настолько значителен, что стал угрожать экономической и социальной стабильности [5]. Для этого предполагается усиливать меры по формированию новой архитектуры масштабного освоения Западного региона Китая, путём углубления реформ ускорять темпы возрождения северо-восточной и других старых промышленных баз, за счёт инноваций содействовать опережающему развитию Восточного региона и через выявление преимуществ центрального региона осуществлять его подъём. Развивать регион Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, по высоким стандартам строить новый район Сюньань.

Стимулировать развитие экономического пояса вдоль реки Янцзы с ориентиром на проведение крупномасштабных мероприятий по охране экологии и отказе от экстенсивного освоения территорий, тем самым создавать новый, более эффективный механизм согласованного развития регионов [2].

Экономический пояс вдоль реки Янцзы охватывает такие провинции центральных районов Китая, как Аньхой, Цзянси, Хубэй и Хунань, т. е. районы среднего течения р. Янцзы. Наряду со строительством Экономического пояса Шёлкового пути и Морского шелкового пути, а также интегрированным развитием Пекина, Тяньцзиня и Хэбэя построение стратегии «Экономический пояс реки Янцзы» – это одна из трёх основных стратегий развития, принятых Китайским правительством. Поскольку крупнейшая река Азии пересекает восточные, центральные и западные районы страны с обширными территориями, то Экономический пояс р. Янцзы имеет огромный потенциал развития. Как отмечают в Китае, это проект должен стать стержневым для нового этапа политики реформ и открытости, одновременно должен стать важной основой дальнейшего развития центральных районов.

В 2018 году Председатель КНР Си Цзиньпин, на симпозиуме по продвижению развития Экономического пояса р. Янцзы, проходившем в г. Ухане провинции Хубэй, призвал содействовать развитию экономического пояса вдоль реки Янцзы, тем самым способствовать высококачественному развитию экономики страны. Как отмечается в докладе о работе Правительства на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей /ВСНП/ 13-го созыва (2018), контексте развития Экономического пояса вдоль реки Янцзы разработаны и введены в действие соответствующие программы, запущен ряд важнейших проектов.

В соответствии с программой строительства Экономического пояса вдоль реки Янцзы был принят план развития городских кластеров вдоль среднего течения реки Янцзы, то есть на территории центрального региона с тем, чтобы создать новый двигатель экономического роста и продвижения урбанизации. Новые города появятся около г. Ухань в провинции Хубэй, около группы городов Чанша – Чжучжоу – Сянгань в провинции Хунань, вокруг озера Поянху в провинции Цзянси. Эти городские кластеры охватят в общей сложности 317 тыс км², создав Экономический пояс р. Янцзы.

Как отмечается в программе Госсовета КНР по концепции развития городов вдоль Янцзы, они станут ключевыми направлениями реализации стратегии «Рост Центрального Китая» [3].

По данным британского мозгового центра Economist Intelligence Unit (EIU), города центрального региона обладают благоприятными условиями для экономического развития. Города провинций Хубэй, Хэнань, Хунань, Аньхой находятся на высоких позициях рейтинга развивающихся городов Китая. Первое место занял г. Сучжой провинции Аньхой, за ним следует г. Юэян провинции Хунань. В этих городах получили развитие высокотехнологичные отрасли промышленности, чему способствовала политика Китайского правительства по развитию городских кластеров вдоль р. Янцзы [1].

Как следует из вышесказанного, в общей стратегии регионального развития в годы 13-й пятилетки (2016–2020) особое место занимают проблемы развития Центрального региона, который по территориальному принципу относится к внутренним районам страны. Как было заявлено в материалах 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва (2018), это стало новой опорой экономического роста КНР. В состав центральных районов Китая включены провинции Шаньси, Аньхой, Цзянси, Хэнань и Хунань.

В результате последовательной реализации поставленных задач по региональному развитию страны Центральный регион в годы 13-го пятилетнего плана добился успехов в экономическом развитии. По такому ключевому показателю, как валовой региональный продукт, в провинциях Центрального Китая происходит интенсивное развитие. Только за 2016–2017 годы валовой региональный продукт в провинциях Шаньси увеличился с 1305,0 до 1442,8 млрд юаней, т. е. на 247,8 млрд юаней; в провинциях Аньхой – с 2440,7 до 2701,8 млрд юаней; в провинциях Цзянси – с 1849,9 до 2000,6 млрд юаней; в провинциях Хэнань – с 4047,2 до 4455,2 млрд юаней; в провинциях Хубэй с 3266,5 до 3547,8 млрд юаней; в провинциях Хунань – с 3255,1 до 3390,3 млрд юаней.

За последние десять лет (2008–2017) ВРП в провинциях Шаньси увеличился в 2,1 раза; Хэнань – в 2,47 раза; Хубэй – в 3,1 раза; Хунань – в 2,9 раза; Аньхой – в 3,0 раза;

Цзянси – в 2,87 раза. Если по объёму валового регионального продукта первое место занимает провинция Хэнань, то по темпам прироста на первом месте провинция Хубэй.

Растёт показатель валового регионального продукта на душу населения Центрального Китая, который составил в 2008 году в провинциях Шаньси – 21 506 юаней; Хэнань – 19 181 юаней; Хубэй – 19 858 юаней; Хунань – 18 147 юаней; Аньхой – 14 448 юаней; Цзянси – 15 900 юаней; то в 2016 году соответственно Шаньси – 35 532 юаней; Хэнань – 42 575 юаней; Хубэй – 55 665 юаней; Хунань – 46 382 юаней; Аньхой – 39 561 юаней; Цзянси – 40 400 юаней; в 2017 году соответственно 42 060, 46 674, 60 199, 49 558, 43 401, 43 424 юаней. Лидером валового регионального продукта на душу населения является провинция Хубэй, заметно опередив другие провинции центрального региона [6].

По итогам проведённого статистического анализа приходим к выводу, что валовой региональный продукт на душу населения увеличился во всех провинциях в первые годы 13-го пятилетнего плана, что свидетельствует об улучшении экономического положения в регионе.

Тем не менее, проблема бедного населения не была решена. Только в провинции Хубэй за 2018 год численность бедного населения была сокращена на 1,05 млн чел. Уровень бедности в данной провинции сократился до 2,4 %. По итогам последних пяти лет почти 5 млн чел. провинции Хубэй вышли из черты бедности. В 2019 году местное правительство планирует сократить численность бедного населения на 900 тыс чел.

Политика Правительства Китая в сфере промышленного производства в регионе в рассматриваемый период была направлена на модернизацию производства с акцентом на повышение качества и эффективности. Динамично росла передовая обрабатывающая промышленность, получили развитие отрасли промышленности в таких сферах, как энергетическое оборудование, оборудование для рельсового транспорта, автомобили на новых источниках энергии, телекоммуникационное оборудование, роботостроение. Преобразовывались и модернизировались традиционные производства. Стимулировалась работа в сфере ликвидации избыточных и технически отсталых производств.

В результате в годы 13-й пятилетки происходит рост производства основных видов промышленной продукции. В 2017 году

в Центральном регионе добыча угля составила 1138,0 млн т (32,3 %) всей добычи угля страны; произведено электроэнергии 1329,8 млрд кВт (20,5 %), в том числе гидроэнергии – 243,7 млрд кВт; производство стали достигло 174,6 млн т (21,0 %); металлорежущих станков – 111,0 тыс. шт. (18,2 %); автомобилей – 5,373 млн единиц (18,5 %), в том числе легковых – 1,646 (13,8 %); крупных и средних тракторов – 108,7 тыс. шт. (31,5 %); холодильников – 40,4 млн шт. (47,2 %) всего производства страны.

В годы 13-го пятилетнего плана для сельского хозяйства был характерен устойчивый рост производства. Валовая продукция земледелия, животноводства, лесного и рыбного хозяйства в 2017 году достигла 2789,2,4 млрд юаней (25,5 %) всего сельскохозяйственного производства страны. Регион остаётся второй сельскохозяйственной базой страны. Центральный Китай – это крупная зерновая база, важный район по производству масличных культур, хлопка, мяса. На его долю приходится около 31,5 % сбора зерна в стране, в том числе более 40 % пшеницы всего сбора пшеницы в целом в КНР ириса – около 40,0 % и масличных культур 40 % [6].

Главной задачей сельскохозяйственного производства региона по-прежнему остаётся наращивание совокупной производственной мощности, способной обеспечить население продовольствием, где основой является зерновая отрасль. Пять провинций Центрального Китая среди 13 являются ключевыми районами страны по производству зерна. Это провинции Хэнань, Хубэй, Хунань, Аньхой и Цзянси. На долю этих ключевых районов по производству зерна приходится часть задания по подъёму валового сбора зерна Китая к 2020 году, которая составит 1/3. Общенациональная задача обеспечения прироста производства зерна к 2020 году перед этим регионом – проведение модернизации зернового комплекса.

Развитие региона во многом определяется инвестиционной политикой, которая в 2016–2018 годах была направлена на обеспечение устойчивого роста экономического потенциала региона. В последние годы растёт объём инвестиций в развитие экономики Центрального Китая. В 2015 году из 56,199 трлн юаней, которые были направлены на развитие регионов Центрального региона, было инвестировано 14,311 трлн юаней, то есть на долю центральных районов приходится 25,1 % от общего объёма ин-

вестиций страны. В 2017 году объём инвестиции в развитие региона увеличился до 16,614 трлн юаней, удельный вес в общем объёме инвестиций КНР повысился до 25,9 % [6].

Увеличивается объём иностранных инвестиций в развитие региона. Объём накопленных иностранных инвестиций растёт. Так, если в 2016 году объём накопленных иностранных инвестиций в провинции Шаньси составил 42,2 млрд долл.; в Аньхой – 67,3 млрд долл.; в Цзянси – 77,7 млрд долл.; в Хэнань – 82,2 млрд долл.; в Хубэй – 99,3 млрд долл.; в Хунань 58,0 млрд долл., то в 2017 году соответственно – 49,7; 86,6; 80,8; 104,5; 115,1; 163,4 млрд долл. [6]. Безусловно, притоку иностранных инвестиций способствует одобренная Госсоветом КНР «Программа по стимулированию притока иностранных инвестиций в центральные районы Китая». Благодаря этому была создана зона развития новых технологий – зона Дунху в провинции Хубэй и зона Чанша в провинции Хунань.

В ряде городов Центрального региона созданы условия для привлечения в приоритетном порядке зарубежных инвестиций, установлены для инвесторов дополнительные льготы. К таким городам относятся: Наньчан, Ганьчжоу, Чжэнчжоу, Ухань, Хэфэй, Уху, Синьсян, Цзяоцзо и Тайюань. Поощряется также участие зарубежных инвесторов в развитии средних и малых предприятий, создание ими в данном регионе производственных баз, инвестиционных компаний, центров исследований и разработок.

Развиваются связи провинций Центрального региона с внешним миром. Объём внешнеторгового оборота региона в 2017 году составил 6,8 % всего внешнеторгового оборота страны. По итогам 2018 года, объём внешней торговли провинции Хунань превысил 310 млрд долл., что на 28 % больше, чем в 2017 году. При этом объём торговли со странами и регионами стратегии «Пояс и путь» вырос на 39 % по сравнению с 2017 годом. Основными статьями экспорта и импорта провинции Хунань и стала машиностроительная и электронная высокотехнологичная продукция, на их долю пришлось 48,8 % от общего объёма внешней торговли провинции [4].

В целом развитие центральных районов Китая в годы 13-го пятилетнего плана (2016–2020) характеризуется стабильной динамикой развития в ускоренном создании модернизированной производственной системы, что позволит стать новой опорой экономического роста КНР.

Список литературы

1. В городах Центрального Китая имеется большой потенциал для роста [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. 2019. Режим доступа: <http://www.russian.people.com.cn/n3/2019/0128/c31518-9541539.html> (дата обращения: 20.01.2019).
2. Доклад Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.paper.people.com.cn/rmrb/html/2017-10/28/nbs.D110000genmrb_01.htm (дата обращения: 20.01.2019).
3. Коледенкова Н. Н. Основные проблемы развития экономики Центрального Китая // КНР: экономика регионов / отв. ред. А. В. Островский; сост. П. Б. Каменов. М.: МБА: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2015. 660 с. С. 277.
4. Объем внешней торговли Хунани подскочил на 28% [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://canetnews.ru/2019/01/29/obem-vneshnej-torgovli-hunani-podskochil-na-28/> (дата обращения: 11.01.2019).
5. Островский А. В. Особенности районирования и региональная политика в КНР // КНР: экономика регионов / отв. ред. А. В. Островский; сост. П. Б. Каменов. М.: МБА: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2015. 660 с. С. 10.
6. Чжунго тунци няньцзянь: статистический ежегодник Китая – 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexch.htm> (дата обращения: 20.01.2019).

УДК 94(510)(091)

Светлана Борисовна Макеева,

канд. ист. наук,

доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР,

Иркутский государственный университет,

г. Иркутск, Россия,

e-mail: msbmag9581@yandex.ru

Проблемы регионального развития КНР в работах китайских учёных, специалистов в области экономической географии Чэнь Цзунсина, Лю Вэйдуна, У Юдэ¹

В статье анализируется вклад китайских учёных-географов Чэнь Цзунсина, Лю Вэйдуна, У Юдэ в исследование проблем регионального развития Китая во второй половине XX – начале XXI века. Основными направлениями научно-исследовательской деятельности данных китайских учёных-географов, специалистов в области экономической географии, регионального планирования территории КНР, стали теоретические вопросы, связанные с практическим применением экономической географии, региональной экономики, экономики городов и регионов, теории выбора местоположения. Ключевыми проблемами регионального развития Китая, нашедшими отражение в работах китайских учёных-географов, были проблемы развития отдельных районов Китая, последствия экономической глобализации и применения информационных технологий для регионального пространственного развития КНР.

Ключевые слова: региональное развитие, китайские учёные-географы, районирование, пространственное планирование, проблемные районы КНР

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

Svetlana B. Makeeva,
Candidate of History Science,
Associate Professor of Department of Oriental and Asia-Pacific Regional
Studies,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: msbmag9581@yandex.ru

**Problems of Regional Development of the China in the Works
of Chinese Scientists, Specialists in the Field of Economic
Geography Chen Zongxing, Liu Weidong, Wu Yud¹**

The article analyzes the contribution of Chinese geographers Chen Zongxing, Liu Weidong, Wu Yueh to the study of the problems of China's regional development in the second half of the 20th – early 21st centuries. The main areas of research activities of these Chinese geographers, experts in the field of economic geography, regional planning of the China territory were theoretical issues related to the practical application of economic geography, regional economics, economics of cities and regions, location theory. The key problems of China's regional development, reflected in the works of Chinese geographers, were the problems of the development of certain regions of China, the consequences of economic globalization and the use of information technologies for the regional spatial development of the China.

***Keywords:** regional development, Chinese geographers, regionalization, spatial planning, problem areas of the China*

После основания Китайской Народной Республики в 1949 году возрос интерес к экономико-географическим исследованиям в китайском обществе. Китайские учёные-географы проявляли заинтересованность к советской географии. Во второй половине XX века на китайском языке было издано большое количество исследований, учебников и научно-популярных работ советских географов. Особую популярность среди теоретиков и практиков экономической географии в Китае получили работы И. А. Витвера «Экономическая география зарубежных стран», Н. Н. Баранского «Экономическая география СССР», а также ра-

¹ The study is supported by the RFBR grant. Project No. 19-011-00040 "History and methodology of re-gional studies of the Asia-Pacific region in line with modern transdisciplinary regionology".

боты по экономической географии А. И. Воейкова, Л. С. Берга, Б. Ф. Добрынина. Китайские географы использовали теоретические достижения в сфере экономической географии при изучении особенностей регионального развития Китая в условиях строительства плановой экономики, применяя методы районирования. Так как Китай обладал огромной территорией, то и анализ региональных процессов являлся предметом долгосрочных экономико-географических исследований.

В 1949 году Китайское географическое общество присоединилось к Международному географическому союзу, но долгое время организация не участвовала в международных научно-исследовательских мероприятиях. В 1950 году Геологическое общество Китая входит в состав Географического общества Китая, председателем которого с 1953 года являлся выдающийся китайский учёный-географ Чжу Кэчжэн. В процессе подготовки к основанию и открытию Китайской Академии наук, Чжу Кэчжэн направил все усилия на учреждение Научно-исследовательского института географии. В период с 1949 по 1953 год был сформирован основной штат сотрудников будущего института, приобретено оборудование для проведения специализированных географических исследований. В 1953 году был учреждён Институт географии при Академии наук, в котором организацией научно-исследовательской деятельности занимались Чжу Кэчжэн, Хуан Бинвэй и Чжоу Лисань. Этот институт превратился в крупный исследовательский центр географической науки Китая. Он развернул большие экспедиционные и исследовательские работы, направив основные усилия на изучение проблем регионального развития КНР.

В 1950-е годы Китайское правительство, осуществляя экономическое строительство КНР, уделяло особое внимание необходимости изучения региональных особенностей развития сельского хозяйства, освоения водных ресурсов. Значительная роль в этом процессе отводилась экономико-географическим исследованиям. Специалисты в области экономической географии осуществляли комплексный анализ использования бассейнов рек Хуанхэ, Хайхэ, Янцзы, а также проводили региональное обследование Синьцзяна, Цинхая и Ганьсу, Нинься и Внутренней Монголии. Географические исследования, связанные с ирригационным и транспортным строительством, составляли основное

содержание научно-исследовательских проектов географических учреждений КНР, в том числе географических факультетов университетов Китая. Сельскохозяйственное географическое районирование Китая, проведённое китайскими учёными, оказало большое влияние на развитие национального сельскохозяйственного производства в 1950–1980-е годы. В рамках районирования учитывалась уникальная природная среда Китая. Рациональное размещение сельскохозяйственного производства осуществлялось с учётом местных региональных условий и особенностей управления тем или иным районом Китая.

«Анализ работ китайских учёных по региональным проблемам исследования является актуальным, так как современный Китай демонстрирует мировому сообществу беспрецедентный продолжительный по времени экономический рост, сопровождающийся социальными преобразованиями и построением социально ориентированной экономики» [2].

Значительный вклад в исследование проблем регионального развития КНР во второй половине XX века внёс ведущий учёный-географ Чэнь Цзунсин (1943). Он занимался изучением теоретических вопросов формирования экономической географии в Китае, практикой городского и регионального планирования территории КНР. Являлся президентом Китайского общества по исследованию экологической цивилизации. Занимаясь пространственным анализом хозяйственной деятельности в КНР, Чэнь Цзунсин использовал математические методы анализа, показатели и модели регионального развития экономического пространства, принципы пространственного взаимодействия, особенности регионального экономического развития Китая в годы реформ. Изучение теоретико-методологических основ экономической географии и практическое применение в процессе регионального планирования позволило учёному в 1980-е годы проанализировать западные теории регионального развития. Чэнь Цзунсин один из первых китайских учёных, кто осуществил перевод книги американского учёного Уолтера Айзарда «Введение в регионаловедческую науку». Он дополнил данный перевод результатами своих собственных исследований регионального развития КНР. Чэнь Цзунсин уделял значительное внимание теоретическому осмыслению экологической цивилизации. Выявлял влияние политических, экономических, социальных и культурных факторов

на построение экологической цивилизации в КНР. Чэнь Цзунсин утверждал, что проблемы регионального развития Китая возможно решить при помощи охраны окружающей среды, облесения, создания зелёных зон в разных регионах Китая. Необходимо отметить значительный вклад данного учёного в исследование «зеленой экономики» Китая [4].

Проблемы регионального развития Китая нашли отражение в работах учёного-географа Лю Вэйдуна. В настоящее время он является помощником директора Института географических наук и исследований природных ресурсов Академии наук Китая. Лю Вэйдун специализируется на изучении регионального развития КНР, применении регионального анализа при моделировании устойчивого развития Китая. Необходимо отметить его вклад в изучение теории экономической географии Китая и формирование методологической базы данной отраслевой географической дисциплины. Лю Вэйдун занимался выявлением проблем регионального развития, а также анализом последствий экономической глобализации и применением информационных технологий для регионального пространственного развития КНР. Результаты его исследований нашли практическое применение в реализации планов развития Западного региона Китая, разработке стратегии регионального устойчивого развития территории КНР. Особый интерес вызывают выявленные им отдельные аспекты стратегии регионального развития провинции Гуйчжоу, провинции Ганьсу, центрального региона КНР, Западного региона КНР, специальных экономических зон развития «Кашгар и Хоргос». Основными научно-исследовательскими проектами Лю Вэйдуна являются: «Исследование в области регионального развития Китая», «Регулирование разрыва в региональном развитии КНР», «Китайская региональная основа моделирования устойчивого развития», «Исследование применения технологий виртуальной реальности в рамках пространственного планирования городских агломераций», «Исследование по реструктуризации промышленности и производственному планированию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе», «Исследование эволюции пространственной структуры регионального экономического развития Китая в условиях экономической глобализации», «Исследование влияния информатизации на организацию социально-экономического пространства». В рамках анализа проблем

Список литературы

1. Лю Вэйдун. Цзинцзи цойхуа юй дицюй фачжань чжаньлюэ ли-лунь хэ яньцзю фанфа = Теория экономического районирования и стратегия регионального развития и методы исследования. Пекин, 1988. С. 101. (Кит. яз.).
2. Макеева С. Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских учёных-регионоведов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 1. С. 226. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.1.24.
3. У Юдэ. Бу фада чжунго дицюй цзинцзи чэнчжанлунь = Теория экономического роста в слаборазвитых регионах КНР. Пекин, 2000. С. 290. (Кит. яз.).
4. Чэнь Цзунсин. Шэнтай вэньмин цзяньшэ = Строительство экологической цивилизации. Пекин, 2014. С. 568. (Кит. яз.).

УДК 304.42:327

Элеонора Арменаковна Меркулова,
канд. ист. наук, профессор, ст. науч. сотрудник, заслуженный ветеран,
Институт актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД СССР – Россия,
г. Москва, Россия

Катенарий Катенарьевич Меркулов,
д-р экон. наук,
Международная академия наук,
г. Сан-Марино, Сан-Марино;
канд. ист. наук,
Московский государственный институт международных отношений,
г. Москва, Россия;
ст. науч. сотрудник Центра научной информации и документации,
Институт Дальнего Востока РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: katenariy@gmail.com

*Посвящается светлой памяти
профессора К. А. Меркулова (1924–1999)
и профессора Э. А. Меркуловой (1933–2017)*

К вопросу о теоретической методологии международно-идеологического, общественно-идеологического, межрегионального и приграничного взаимодействия РФ – КНР на новой концептуальной основе

В духе известных установочных подходов официальных лиц РФ и КНР с одной стороны и с другой – в плане ряда новых концептуальных достижений передовых представителей науки и научной общественности России в статье тезисно рассмотрены эволюция идеологической платформы КПК и перспективы генезиса новой универсально-прогрессивной общественной и интерпатриотической идеологии как фактора культурно-цивилизационного ссоразвития и международно-идеологического и общественно-идеологического взаимодействия Отечества и Китая, в том числе на межрегиональном и приграничном уровне. Вниманию читателя кратко представлена разработанная учёными семьи Меркуловых научная модель системно-синергетического анализа перспектив генезиса новой истинно доброй биоидеологии (геоидеологии совместного социально-экологического выживания и оптимального интер-

патриотического соразвития передовых геоцентров социума) на примере «оптимального» сценария возможной эволюции идейно-политической платформы КПК в широкой перспективе. В своём доработанном варианте этот проект мог бы содействовать достойному геостратегическому соразвитию России с Китаем и другими геоцентрами на платформе подлинно достойной новой идеологии социально-экологического развития и международно-межцивилизационного соразвития как отражения «мировой идеи-мечты» об истинно добром общественном развитии и оптимальном интерпatriотизме.

Ключевые слова: *Россия, Китай, новая общественная и международная идеология*

Eleonora A. Merkulova,

*Candidate of History Science, Professor, Senior Research Lady, Veteran,
Institute of Acute International Problems of the Diplomatic Academy of the
USSR – Russia Foreign Ministry,
Moscow, Russia*

Katenariy K. Merkulov,

*Doctor of Economic Science, International Academy of Sciences,
San Marino, San Marino;
Candidate of History Science,
Moscow state Institute of international relations,
Moscow, Russia;*

*Senior Research Fellow, Center of Scientific Information and
Documentation,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: katenariy@gmail.com*

**Concerning the question of the theoretical methodology
of international ideological and socio-ideological interaction,
including interregional and cross-border cooperation,
of the Russian Federation-PRC on a new conceptual basis**

In the spirit of the well-known approaches of officials of the Russian Federation and the People's Republic of China, on the one hand, and, on the other hand, in terms of a number of new conceptual achievements of progressive representatives of science and the scientific community of Russia, the article looks at the evolution of the CPC ideological platform and the prospects for the genesis of the new universally progressive public and inter-patriotic ideology as a factor of cultural and civilizational

co-development and international ideological and social ideological interaction of Russia and China, including at the interregional and cross-border level. More specifically, the reader is briefly presented to by the scientific model of a system-synergistic analysis of the prospects for the genesis of a new true good bio-ideology (geo-ideology of joint socio-ecological survival and optimal inter-patriotic co-development of advanced geo-centers of society developed by the Merkulovs family of scientists, including) the example of the "optimal" scenario of the possible evolution of the CPC ideological-political platform in a broad perspective. In its refined version, this project could promote a decent geostrategic co-development of Russia with China and other geo-centers on the platform of a truly worthy new ideology of social-ecological development and international, inter-civilization, co-development as a reflection of "the world idea-dream" about true good social development and optimal inter-patriotism.

Keywords: *Russia, China, the new social and international ideology*

Мир и гармония являются высшими добродетелями
в небе и на земле.

Конфуций [1]

Правда и вера суть две сестры родные,
дщери одного Всевышнего Родителя,
никогда между собою в распрю прийти не могут...

А благоразумные и добрые люди должны рассматривать,
нет ли какого способа к объяснению и отращению
мнимого между ними междоусобия.

М. В. Ломоносов [7]

1. Некоторые вводные замечания теоретико-методологического порядка. В этом разделе кратко представлены некоторые ретроспективно-историософские (историко-философские) мысли и прогнозно-аналитические оценки по рассматриваемому вопросу на обозримую и широкую перспективу.

Самыми широкими социально-философскими категориями, описывающими соответственно положительные и отрицательные элементы мироздания, традиционно признаются «добро» и «зло». Не вмешиваясь во внутренние дела КПК и другого, скромно заметим, что понятие «коммунизм» (от нем. «всеобщность») охватывает и «мировое добро», и «мировое зло». А не лучше ли стремиться только к идеологии истинного добра?!

Многие трудности МКРД, его национально-государственных и других составных частей были связаны априори с самой по себе этимологией терминов «социалистическое общество» и «коммунистическое общество», что в переводе с немецкого языка, на котором писали свои труды К. Маркс и Ф. Энгельс, дословно означают соответственно «общественное общество» и «общее, всеобщее общество». Между тем, данные категории явно нуждаются в благом качественном уточнении. К сожалению, многие достойные учёные и практики задумались над этой проблемой с большим опозданием.

В этой связи велико значение различных разновидностей теории и практики «меритократии» в плане возможностей и перспектив генезиса новой истинно доброй био- и геоидеологии совместного социально-экологического выживания и оптимального интерпатриотического соразвития на примере «оптимального» сценария возможной эволюции идейно-политической платформы КПК в широкой перспективе. Показательно, что сам «ранний» Маркс полагал, что «коммунизм – не предел человеческой истории...». Точнее говоря, коммунизм, по Марксу, «есть *царство осознанной необходимости*, эпоха, опосредующая *царство естественной необходимости* – человеческую предысторию, и *царство свободы* – эпоху Гуманизма» [15].

Следует подчеркнуть, что как и феномен «глобализация», нынешние явления и процессы генезиса «постглобализма» на манер «репатриотизации», «ресуверенизации» и т. п. – также не «конец Истории» наподобие известных ранее фантазий Ф. Фукуямы и других идеологов «вечного торжества» ценностей «либерально-рыночной демократии» по сути неокapиталистического типа, а прообраз, верится, истинно оптимального социопрогресса на широкую перспективу, возможно, в направлении генезиса истинно доброго общества [11].

2. *Избранные тезисы об эволюции идейно-политической платформы КПК.* Историческая эволюция идейно-политической платформы КПК ранее уже достаточно детально была проанализирована в отечественной и зарубежной научной литературе, в том числе в ряде новейших исследований по данной теме [13]. Эволюция идеологической платформы КПК в свете решений XIX съезда КПК также хорошо известна и не требует дополнительных разъяснений [6]. Состоялась и постановка вопроса о не-

которых перспективах возможной в будущем дальнейшей идеологии КПК [3]. В этой связи подчеркнём лишь, что нарастание ряда явлений и процессов «нового авторитаризма» в КНР и популяризация разного рода проектов типа «мира по-китайски», «глобализации по-китайски» и т. п. заслуживают, помимо всего прочего, адекватного научно-идеологического и т. д. ответа со стороны подлинно прогрессивных сил и нашей Родины, и мирового сообщества, памятуя при этом о значительном потенциале истинного добра у определённой части великой китайской нации.

Равным образом, установочные подходы официальных лиц РФ и представителей научной общественности РФ к комплексу вопросов идеологии как важного фактора внутринационально-государственного и внешнего (планетарно-международного) развития также известны и не требуют детализации [8]. Отметим лишь, что постановка вопроса о важности генезиса новой общей идеологической платформы в культурно-цивилизационном соразвитии России и Китая в той или иной форме уже состоялась в ряде трудов видных отечественных учёных, в том числе С. Л. Тихвинского, В. В. Михеева, В. С. Мясникова, М. Л. Титаренко, Г. И. Чуфрина, В. Л. Ларина, Е. П. Бажанова, В. Ф. Бородича, А. В. Виноградова, Ю. М. Галеновича, И. В. Карапетянц, А. Ф. Клименко, А. И. Кобзева, Л. И. Кондрашовой, А. В. Ломанова, С. Г. Лузянина, А. В. Лукина, А. Е. Лукьянова, Н. Л. Мамаевой, К. А. Меркулова, Э. А. Меркуловой, К. К. Меркулова, Ю. В. Морозова, В. А. Никонова, А. В. Островского, Э. П. Пивоваровой, В. Я. Портякова, Е. Н. Румянцева, Е. И. Сафроновой, С. В. Уянаева и др. (не в обиду другим здесь не названным высокопрофессиональным востоковедам, геополитологам, китаеведам, социологам и учёным-международникам широкого профиля) [9]. Далее, помимо официальных документальных первоисточников КПК и КНР на этот счёт особый интерес представляют мнения о сущности современной идеологии КПК видных зарубежных экспертов. Так, по оценке профессора политологии Военно-морской академии США Ён Дэна, «национализм продолжает оставаться ключевым источником легитимности для правящей КПК» [17].

С точки зрения прогнозирования возможных вариантов дальнейшей эволюции идеологии КПК, можно гипотетически выделить следующие сценарии данного процесса: 1) «посткоммунистический уклон вправо»; 2) «неокоммунистический уклон

влево»; 3) «сохранение относительного статус-кво»; 4) «глубокий кризис системы»; 5) генезис ранее не виданного феномена (вследствие уникального системно-синергетического синтеза) совершенно нового типа общественной, социально-экологической партийно-государственной идеологии в Китае, не исключая смену названия КПК.

Никоим образом не пытаюсь вмешиваться во внутренние суверенные дела КПК, в качестве чисто научной гипотезы можно условно предположить, что относительно «здоровые силы» в КПК в широкой перспективе могут оказаться в той или иной мере восприимчивыми к генезису вышеупомянутых форм теории и практики «меритократии», включая и проект новой истинно доброй био- и геоидеологии совместного социально-экологического выживания и оптимального интерпатриотического соразвития авангарда земного социума.

3. *Итоговые краткие выводы.* В подтверждение нашей скромной научной гипотезы, степень истинности которой определит сама жизнь, история, приведём отрывок из китайской философской классики из древнего трактата «Луньюй» в поэтическом переводе В. П. Абраменко (под редакцией профессора А. Е. Лукьянова):

Спросил Цзы Чжан о Дао людей добра,
В ответ Учитель молвил: «Крута гора,
Коль не пойдёшь по круче по их стопам,
Попасть оставь надежду в Дао храм» [9].

Тут же вспоминаются и великие строки русского гения А. С. Пушкина:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в свой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал... [16].

Эти и другие цитаты отражают значительный потенциал сопряжения традиционной духовности великого русского народа и других народов нашей Родины с феноменом «духовность великой китайской нации», включая явную близость «русской культуры Глагола» (по А. С. Пушкину, как об этом много раз высказывались видные философы) и «китайской культуры Дао». Правда, при этом следует учитывать, что наряду с близкими по духу традициями социальной справедливости в культурно-цивилизаци-

онном жизнеустройстве народов нашей страны и КНР в период новейшей истории духовная культура России и Китая по-своему самобытна, своеобразна и даже специфична с точки зрения более широкой исторической ретроспективы [5].

В целом же по сути интерпатриотическая «истинно добрая мировая идея-мечта» представляет собой общее положительное наследие мировой духовности, философии, культуры, идеологии и т. д. и их достойных национальных, региональных, местных, общинных, семейных и личностных частей. Равным образом, идеи истинного добра – особо важный ориентир достойного развития явлений и процессов Возрождения и Преображения Отечества и Китая, а также других потенциально передовых геоцентров.

Ода Всемирному кодексу св. добра-доброелюбия
Э. Мирзоян гласит:

«Пусть истины доброелюбия и все благие идеалы на-
всегда восторжествуют на просторе

Родных земель и прочих достойных мировых домов-обите-
лей и красотолубивых стран!

И чистый парус свято-доброй веры воскресит пречистойшей
надежды пресвятое море

В Божественного Солнца вещей правды вечной жизни звёзд-
ный новорайский океан!» [4].

Эти истины – в числе прочих замечательных достижений философии русского и мирового «космизма» и «теокосмизма» – были достойно учтены группой отечественных учёных под руководством действительных членов Академии проблем дипломатических наук и международных отношений (г. Москва, 1998) профессора К. А. Меркулова (1924–1999) и профессора Э. А. Меркуловой (1933–2017) в процессе многодесятилетней подготовки серии фундаментальных новаторских социально-философских и других исследований. Хочется верить, что эти скромные труды внесут определённый вклад в дело теоретической доработки и практической реализации стратегии интегрального духовно-материалистического Возрождения и Преображения нашей великой Родины, Поднебесной и других (передовых) геоцентров.

Скромно перефразируя известные идеи основоположников научного социализма [10] с поправкой на идеалы истинного до-

бра, можно сказать: «Истинно добрые нормы отношений между людьми должны стать определяющими нормами истинно добрых межсемейных, межобщинных, межземских = межмуниципальных, межрегиональных, международных, межгосударственных, межцивилизационных, межконфессиональных и вообще общественных и социально-теокосмогеологических (т. е. одновременно и теологических, и космологических, и геологических, и социальных) отношений...». И это – в условиях, когда, согласно учению В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена о ноосфере, «человек впервые понял, что он – житель планеты и может – должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но в планетарном аспекте» [2] (добавим: в социально-теокосмогеологическом = мировом = вселенском = теоуниверсальном плане – на пути к Апофеозу теосферы).

Именно на этой концептуальной основе нами сформулирована гипотеза о потенциальном (по аналогии) социально-теокосмогеологическом Преображении социосистемы «истинно добрый человек – семья – община... – общество – мир» (точнее, интегрального универсального постантагонистического надпартийно-надклассового социокомплекса «истинно добрый человек – семья/род – община/организация – земство/муниципалитет – регион – народность/народ – государство – сообщество/субцивилизация – геоконфедерация = жизнедержава = мирогосударство = союз истинного добра – человечество – мир», причём уже на основе биоидеологического и т. д. социоклассификатора типа «добрые – злые» и затем, верится, «разные добрые») – на смену возобладавшей со времён Великой Французской революции триады «правые – центр – левые») в масштабе всего мироздания «после коммунизма».

Таким образом, вместо масштабных научных и общественных «дебатов» о в той или мере реальной (на данном этапе мировой истории) «китайской угрозе», – передовые представители отечественной и мировой науки и практики должны разработать такое уникальное миротворческое и доброподвижническое «концептуальное оружие», которое могло бы эффективно «ангажировать» Поднебесную (начиная с передовых подлинно достойных представителей великой китайской нации) к широкому действительно взаимовыгодному и истинно равноправному интерпатри-

отическому (в т. ч. межцивилизационному, международному, межгосударственному, межрегиональному и т. д.) сотрудничеству и с ближними соседями, и с дальними партнёрами Китая во имя реализации великой «истинно доброй мировой идеи-мечты» о совместном социально-экологическом выживании и оптимальном интерпатриотическом соразвитии различных геоцентров земного социума, начиная с его авангарда.

Конкретные основные направления, пути, формы и методы становления нового общества определит сама жизнь, История, а творческий долг достойных учёных – посылить содействовать этому благу. В этой связи – в порядке краткой презентации научной модели новой универсально прогрессивной социально-экологической и интерпатриотической идеологии – представим читателю скромный проект новой «истинно доброй» общественной идеологии, разработанной группой российских мыслителей на основе посылительного системно-синергетического синтеза всего известного авторам передового наследия земного социума. Этот проект завещан для совершенствования коллективным добрым разумом достойных экспертов. При этом *особо важное значение для возможного совершенствования системы как международных, так и межрегионально-приграничных связей РФ и КНР может иметь документ* «Проект типовой Декларации-Программы об оптимизации жизнеустройства соотечественников и земель в составе комплекса проектов-тезисов типовых (био)дипломатических документов (геодекретов, жизнезаконов и т. д.) об оптимизации конкретных сфер жизнедеятельности» [12].

В практическом плане предлагается, в частности, создать под эгидой ИДВ РАН специальную рабочую группу для концентрированной работы над проектами новой оптимальной социоидеологии как идеологии (или, точнее, био- и геоидеологии) истинно доброго общественного (социально-экологического и т. д.) развития и оптимального интерпатриотизма.

Список литературы

1. Афоризм Конфуция о мире и гармонии... // Россия и Китай в условиях глобализации / под. ред. М. Л. Титаренко; В. И. Шабалин. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 202.
2. Вернадский В. И. Размышления натуралиста: научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977. С. 24.

3. Виноградов А. В. XIX съезд КПК: великий поход к возрождению // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 1. С. 68–80.

4. Всемирная проповедь истинного добра / Э. А. Мирзоян-Меркулова [и др.] // Истинно добрая (био)стратегическая биодипломатическая инициатива / Э. А. Меркулова, К. А. Меркулов, К. К. Меркулов. М.: Спутник+, 2018. С. 419.

5. Добротолюбие. Избранное для мирян. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. 448 с.

6. Карапетьяц И. В. Роль идеологии в развитии российско-китайских отношений в контексте мировой политики // Стратегический партнёрский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения. М.: Форум, 2014. С. 67–74.

7. Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце, наблюдаемое в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук мая 26 дня 1761 года [Электронный ресурс] // Википедия. Режим доступа: <https://www.ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 05.11.2018).

8. Лузянин С. Г. Россия – Китай: формирование обновлённого мира / отв. ред. В. С. Мясников; предисл. В. А. Никонов. М.: Весь Мир, 2018. С. 20–32.

9. «Лунь юй» («Суждения и беседы») // Китайская философская классика в поэтических переводах: «Чжун юн», «Лунь юй», «Сань цзы цзин»: в 2 т. Т. 2 / В. П. Абраменко. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 208. (Подробнее: «русская культура Глагола», по авторитетной оценке профессора А. Е. Лукьянова, её наименование по А. С. Пушкину, с одной стороны, с другой – «китайская культура Дао» ранее уже были исследованы в ряде научных трудов, в т. ч. в авторстве профессора А. Е. Лукьянова и др.).

10. Маркс К., Энгельс Ф. Учредительный манифест Международного товарищества рабочих (1864) // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1955–1981. Т. 16. С. 11. (Эта ссылка на труды К. Маркса и Ф. Энгельса носит условный историософско-недогматический характер: целый ряд основополагающих постулатов марксизма исторически себя не оправдал. Вместе с тем сохраняет потенциальную значимость научно-методическое «рациональное зерно» классических идей генезиса «светлого настоящего и будущего», как и всё лучшее в учении научного социализма и других передовых социальных теорий, что явно заслуживает попытки их уникального системно-синергетического анализа и синтеза).

11. Меркулова Э. А., Меркулов К. А., Меркулов К. К. Философия истинного добра: избранные основы. М.: Спутник+, 2018. 576 с.

12. Меркулова Э. А., Меркулов К. А., Меркулов К. К. Некоторые вопросы нового мироустройства и истинно доброй био- и геостратегии Отечества и человечества (на примере био- и геостратегии оптималь-

ного евразиецентризма): инициативная научно-исследовательская разработка на правах научного доклада ИДВ РАН и другим инстанциям. М.: Спутник +, 2018. С. 41–128.

13. Меркулов К. К. Эволюция идеологии КПК и перспективы генезиса новой общей идеологической платформы как фактора культурно-цивилизационного соразвития России и Китая // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: XXIII Междунар. науч. конф. (г. Москва, 24–25 окт. 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2018. С. 134–135.

14. Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК: материалы ежегодной науч. конф. Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (г. Москва, 14 и 16 марта 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2018. 304 с.

15. Платонов С. После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 242.

16. Пушкин А. С. Я памятник себе воздвиг нерукотворный... // Русская лирика XIX века. М.: Худож. лит., 1981. С. 119.

17. Yong Deng. China's Struggle for Status. The Realignment of International Relations. Cambridge: Cambridge University Press; New York, 2008. P. 277.

УДК 327.82

Екатерина Сергеевна Пешикова,

ст. преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения

Северной Америки,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия,

e-mail: thunderstorm.k90@mail.ru

Стандартные и уникальные инструменты публичной дипломатии Китая

Статья описывает основные инструменты, используемые правительством Китая в сфере публичной дипломатии для создания позитивного облика страны на международной арене. Авторами выделены основные особенности публичной дипломатии КНР, дана классификация инструментов публичной дипломатии Китая и рассмотрен феномен панда-дипломатии.

Ключевые слова: *публичная дипломатия Китая, инструменты публичной дипломатии, цифровая дипломатия, панда-дипломатия*

Ekaterina S. Peshkova,
Senior Lecturer of Oriental
and North American Regional Studies Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: thunderstorm.k90@mail.ru

Standard and Unique Tools of Chinese Public Diplomacy

The article covers some basic tools used by Chinese government in the sphere of public diplomacy to create positive image of the state on the international arena. The authors define Chinese public diplomacy features, classify Chinese public diplomacy tools, and describe panda diplomacy phenomenon.

Keywords: *Chinese public diplomacy, public diplomacy tools, digital diplomacy panda diplomacy*

Термин «публичная дипломатия» (отангл. *public diplomacy*) является относительно молодым понятием, используемым на международной арене. В своём современном значении он впервые был употреблён в США в 1960-е годы, однако вплоть до 1990-х годов данная словарная дефиниция была фактически вытеснена словосочетанием «культурная дипломатия».

В конце XX – в начале XXI века, в эпоху развития информационных технологий и период новой геополитической трансформации, термин «публичная дипломатия» постепенно обрастает дополнительными значениями и становится одним из ключевых направлений во внешней политике Соединённых Штатов. Сегодня «публичной дипломатией» принято называть способ коммуникативного влияния государства на зарубежное общественное мнение с целью реализации определённых политических, дипломатических, военных и экономических задач [5].

Последовав примеру США, в настоящий момент многие страны стараются перенять и усовершенствовать различные инструменты публичной дипломатии для формирования собственного позитивного имиджа и продвижения своих национальных интересов в международной среде.

Китайская Народная Республика не стала исключением из правил. Являясь одной из ведущих стран Азиатско-

Тихоокеанского региона, КНР начала активно применять ведущие инструменты публичной дипломатии уже в начале 2000-х гг. Однако, стоит отметить, что данная отрасль внешней политики Китая в настоящий момент имеет и ряд уникальных особенностей, свойственных только этой стране.

Во-первых, публичная дипломатия КНР опирается на традиционные устои китайского общества и доктрину Дэна Сяопина, предполагающую наличие выжидательной стратегии в любом аспекте внешней политики. Так, основными посылами публичной дипломатии здесь названы желание поведать миру о ценностях Поднебесной, таких как невмешательство во внутренние дела государства, а также попытка добиться признания этих ценностей по всему миру.

Во-вторых, кардинальным образом отличается целевая аудитория. Публичная дипломатия Китая направлена не только на внешний мир, но и на собственных граждан [8]. По сути, Пекин обладает монополией на распространение информации внутри страны, а сама информация носит характер пропаганды.

В-третьих, Китай использует поистине уникальные инструменты публичной дипломатии, речь о которых пойдёт ниже.

Среди стандартных инструментов публичной дипломатии, широко применяемых правительством КНР, можно назвать следующие:

- 1) учреждение китайских вузов за пределами страны, образовательные обмены;
- 2) развитие СМИ и расширение международного вещания;
- 3) оказание гуманитарной помощи;
- 4) организацию и проведение событий международного уровня на территории Китая, участие в подобных мероприятиях за рубежом;
- 5) продвижение китайской киноиндустрии и литературы в других странах.

Одним из основных и наиболее действенных инструментов публичной дипломатии Поднебесной является Институт Конфуция, созданный в 2004 году и обеспечивающий продвижение китайского языка и культуры по всему миру. Институт Конфуция представляет собой глобальную международную сеть образовательных учреждений, управляющуюся Министерством образования КНР при поддержке синологических центров за ру-

бежом. Более того, начиная с 2013 года, этот инструмент публичной дипломатии стал играть особую роль в рамках новой концепции КНР «Один пояс – один путь», предполагающей формирование нового торгового маршрута XXI века. Так, именно Институт Конфуция становится площадкой не только для создания имиджа Китая и распространения языка, но и для проведения обучающих семинаров и конференций по вопросам, связанным с вышеизложенным международным экономическим проектом.

На начало 2016 года в 134 странах действовало 500 филиалов Института Конфуция и 1000 Классов Конфуция. В них проходили обучение почти 2 млн. студентов, преподавали 44 тыс. учителей, а число онлайн-слушателей курсов достигло 8 млн [6]. Образовательные учреждения Института Конфуция сегодня пользуются широкой популярностью по всему миру. Данную тенденцию иногда объясняют наличием грантовых выплат на обучение, что делает образовательный процесс более дешёвым. Это, например, стало одной из основных причин роста конкурентоспособности Института во Владивостоке [8].

Также ключевую роль в формировании общественного мнения за рубежом для каждой страны играет наличие современных СМИ, транслирующих позицию государства относительно различных мировых и внутренних событий на международной арене. Если говорить о таких странах, как Россия или Китай, то необходимо отметить, что фактически одной из основных задач русских и китайских СМИ является предоставление альтернативного взгляда на проблемы, обсуждаемые в западном обществе, преподнесение своей трактовки происходящего с целью удовлетворения национальных интересов.

О современности СМИ могут говорить следующие показатели: 24-часовой формат вещания, подача информации на нескольких мировых языках, использование социальных сетей и каналов видеохостингов, расширение сетки вещания. Именно эти факторы в свою очередь являются и важнейшими инструментами новой сферы публичной дипломатии, именуемой «цифровой дипломатией». За счёт развития интернета и преимущественно социальных сетей, правительство всех стран получило уникальную возможность оказывать воздействие на зарубежную молодёжь, анализируя при этом ответную реакцию [3]. Однако, учитывая

централизованную систему подачи информации и политику блокировки иностранных сайтов, отметим, что цифровая дипломатия КНР является поистине уникальным феноменом.

На сегодняшний день среди передовых китайских СМИ, имеющих международное значение, можно назвать государственное информационное агентство Синьхуа, круглосуточно предоставляющее новостные материалы на восьми языках и ведущее свои публичные страницы и каналы в различных социальных сетях и на популярных видеохостингах, включая Facebook, Twitter, Instagram и YouTube. В области телевидения можно отметить Центральное телевидение Китая (ССТV), включающее 50 новостных каналов на шести языках. Сегодня ССТV также применяет достаточно широкий спектр рычагов в области цифровой дипломатии, активно используя популярные платформы Интернет-пространства и приложения для смартфонов. Среди ежедневных китайских газет на международном уровне себя зарекомендовали: People's Daily, представляющая собой англоязычную версию Жэньминь жибао, газеты «Чайна Дэйли» (China Daily) и «Глобал Таймс» (Global Times) [4]. Крупнейшим китайским органом радиовещания, целевой аудиторией которого является зарубежная публика, считается международное радио Китая, распространяющее информацию на 65 языках.

В рамках публичной дипломатии Пекин активно осуществляет гуманитарные поставки, которые, в отличие от гуманитарной помощи других стран, не имеют достаточных каналов связи с профильным Агентством ООН. Правительство КНР молниеносно откликается на просьбы членов мирового сообщества о помощи. Так, например, в связи с различными природными катаклизмами, в 2004 г. Китай выделил 157 млн долл.; в 2008 году – 10 млн долл. для устранения тяжёлых последствий урагана в Мьянме; в 2017 году – 10 млн долл. на борьбу с засухой в Сомали и т. д. Кроме того, в соответствии с продвижением концепции «Один пояс – один путь» в 2017 году Пекин сообщил о готовности обеспечить Сирию продовольствием на 2 млрд юаней (порядка 300 млн долл.), а также осуществить поставки электроприборов и транспортных средств для пострадавших сирийцев на общую сумму 40 млн долл. Также традиционно власти КНР поддерживают с помощью гуманитарных поставок страны Африки и КНДР [2].

Стоит отметить, что гуманитарная помощь как инструмент публичной дипломатии Поднебесной, прежде всего, преследует две основные цели: 1) укрепление международного авторитета; 2) сокращение собственной уязвимости при возникновении чрезвычайных ситуаций в стране.

Огромное влияние на становление позитивного имиджа Китая за рубежом оказывают и международные мероприятия, проводимые на территории КНР (Олимпийские игры в Пекине – 2008, Экспо-2010 в Шанхае, конкурс красоты Мисс Мира – 2012 в Ордосе, автогонка чемпионата мира «Формулы-1»: Гран-при Китая 2018 и др.).

Ещё одной попыткой воздействовать на сознание международной публики является продвижение китайской культуры и традиций за счёт популяризации китайской литературы и кино. Однако пока данный инструмент имеет весьма скромные показатели. Несомненно, что с 2012 года отмечается небольшой рост продаж китайских книг на мировом рынке. Китайские фильмы, в свою очередь, постепенно занимают лидирующие позиции по популярности среди иностранных фильмов в США [4]. Тем не менее, в общем разрезе ни литература, ни кино фактически не оказывают значительного влияния на продвижение внешней политики Пекина. Интересным является тот факт, что американский кинопроект «Кунг-фу Панда» сумел гораздо сильнее привлечь международного зрителя к традиционным ценностям Поднебесной, нежели вся китайская киноиндустрия в целом [1].

Далее перейдём к уникальным инструментам публичной дипломатии Китая.

Во-первых, особо подчеркнём, что на сегодняшний день именно панды считаются наиболее выигрышным символом Китая для формирования позитивного имиджа страны. В отличие от дракона, который ассоциируется в странах Запада с китайской угрозой, панда представляется как образ мудрости и мира.

С 1949 года китайское правительство начало использовать панд в качестве подарка и средства демонстрации наивысшего уважения. Постепенно к началу XXI века был сформирован уникальный инструмент публичной дипломатии, более известный сегодня как панда-дипломатия. Так, в настоящее время чёрно-белый китайский медведь во всём мире является более желанным гостем, чем любое официальное лицо или деятель культуры Поднебесной.

Во-вторых, к достаточно редким инструментам публичной дипломатии можно причислить и интернет-цензуру КНР. Согласно проекту «Золотой щит», с 2003 года в Китае был ограничен доступ к ряду зарубежных сайтов. Такой подход представляет собой защиту от вмешательства зарубежных стран в процесс формирования общественного мнения внутри страны. Более того, на службе у Пекина находится целая армия блогеров, положительно высказывающихся о государственной политике в чатах и социальных сетях.

В-третьих, нередко одним из инструментов публичной дипломатии Китая называют инвестиционную деятельность Пекина. По словам руководителя Центра экономических и социальных исследований Китая Андрея Островского, сейчас Китай в среднем направляет от 150 до 170 млрд долл. инвестиций за рубеж [7]. Как правило, инвестирование относится больше к экономическим рычагам влияния на международной арене. Несомненно, что инвестиции помогают Китаю значительно расширить рынки сбыта своей продукции и получить контроль над сырьевыми ресурсами страны-реципиента. Однако масштабы китайских инвестиционных вложений и их специфика (в частности капиталовложения в инфраструктуру: строительство дорог, школ, госпиталей) позволяют говорить о том, что инвестирование поистине стало одним из инструментов оказания политического влияния и формирования положительного общественного мнения о Поднебесной за рубежом. По опросам *Pew Research Center* (2013), популярность КНР в Аргентине составляла 54 % (2007 – 32 %); Чили – 62 %; Венесуэле – 71 %; Бразилии – 65 %; Боливии – 58 %; Уганде – 59 % (2007 – 45 %); Кении – 78 % (2007 – 81 %); Гане – 67 % (2007 – 75 %); Сенегале – 77 %; Нигерии – 76 % и Южной Африке – 48 % (2008 – 37 %) [1].

В заключение хочется отметить, что сегодня публичная дипломатия Китая находится на этапе своего становления. Её уровень значительно отстаёт от уровня развития публичной дипломатии в Соединённых Штатах. Однако стоит отметить, что всего за 20 лет в этой сфере Китай значительно продвинулся вперёд, причем публичная дипломатия Поднебесной приобрела ряд уникальных черт и пополнилась своеобразным набором инструментов для продвижения собственного имиджа в современном мире.

Список литературы

1. Гушин А. Мимикрия китайского дракона [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Mimikriya-kitaiskogo-drakona-16198> (дата обращения: 24.01.2019).
2. Журавель Н. А. Реализация «мягкой силы» КНР в XXI веке (на примере предоставления гуманитарной помощи) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21–28 мая 2018 г.) / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. С. 814–819.
3. Казанцева Н. А., Пешкова Е. С., Соловьева И. Н. Внешняя политика страны региона специализации: учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2018. 160 с.
4. Кривохиж С. В. Соединённые Штаты Америки в стратегии публичной дипломатии Китая // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. 1. 2014. № 2. С. 96–98.
5. Кубышкин А. И., Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 50.
6. Кухаренко Н. В. Институты Конфуция как гуманитарная составляющая проекта «Один пояс – один путь» // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. С. 595–599.
7. Островский: зачем Китай вкладывает в Африку миллиарды долларов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.sputnik.md/radio_skazano_v_efire/20181017/22559337/Kitaj-Afrika-shelkovyj-put-kolonizacija-investicii.html (дата обращения: 24.01.2019).
8. Федорева А. Ю. Публичная дипломатия Китая // Наука сегодня: задачи и пути их решения: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вологда: Маркер, 2017. С. 188–190.

В разработанной Минтрансом Транспортной стратегии России на период до 2020 года значительное внимание уделено вопросам формирования транспортно-логистической сети в отдельных регионах страны, что позволит обеспечить единство транспортной системы этих регионов, связать в единое все виды транспорта.

Спрос на услуги логистического центра вызван острой конкуренцией между различными цепями поставок (логистическими цепями), цель которых – осуществить перевозки с минимальными транспортными затратами.

Основная цель развития транспортного комплекса Забайкальского края – создание условий для улучшения социально-экономического положения края путём снижения совокупных транспортных издержек, обеспечения растущих потребностей экономики в транспортных услугах, увеличения транспортной доступности и мобильности населения, улучшения качества транспортных услуг.

Создание благоприятных условий для деятельности экономических партнёров в настоящее время является одним из факторов поддержания экономики региона на должном уровне развития.

Создание в Читинском транспортном узле мультимодального транспортно-логистического центра (МТЛЦ) международного уровня будет способствовать реализации транзитного и экспортно-импортного потенциала Забайкальского края, расширению устойчивости торгово-экономических связей с Китаем, включая создание совместных предприятий и реализацию международных проектов, развитию и углублению процессов сотрудничества в рамках Сибири и Дальнего Востока.

Практически это приведёт к снижению транспортных издержек предприятий торговли, предприятий строительной индустрии края, в итоге – к снижению розничных цен на продукты питания и строительные материалы, что повысит уровень жизни населения в регионе.

Забайкальский край расположен на границе с КНР. В настоящее время Забайкальский край – это динамично развивающийся край, крупный административный и индустриальный центр. Через Читинскую – столицу края – проходят все важнейшие воздушные трассы, Транссибирская железнодорожная магистраль и т. д. На

сегодняшний день многие предприятия Забайкальского края вовлечены в производственно-торговые отношения с зарубежными предприятиями и организациями [2].

Анализ внешнеторгового оборота Забайкальского края показывает, что основными торговыми партнёрами являются КНР и Монголия, которые не присоединились к санкциям. Зарубежные партнёры заинтересованы во взаимовыгодном сотрудничестве.

В Китае на сегодняшний день логистика признана одной из наиболее перспективных отраслей, определяющей экономическое развитие страны.

Для снижения совокупных транспортных издержек, организации взаимодействия различных видов транспорта, повышения эффективности работы поставщиков продукции и торговых предприятий уже давно назрела потребность в создании логистического центра на территории Забайкальского края, а именно в столице края – Чите.

Создание мультимодального транспортно-логистического центра (МТЛЦ) международного уровня в г. Чите будет способствовать реализации транзитного и экспортно-импортного потенциала Забайкальского края, расширению устойчивости торгово-экономических связей с Китаем, включая создание совместных предприятий и реализацию международных проектов, развитию и углублению процессов сотрудничества в рамках Сибири и Дальнего Востока.

«На территории края перевозки осуществляются с помощью основных видов транспорта (железнодорожный, автомобильный, авиатранспорт), в Чите зарегистрировано около 70 транспортных компаний, часть из которых являются филиалами российских общесетевых компаний» [1]. Все они действуют разрозненно, а транспортно-логистический центр позволит диспетчеризировать их деятельность, что упростит поиск транспортной организации клиентами и оптимизирует деятельность самих транспортных организаций.

Особое значение логистический центр имеет для предприятий малого бизнеса, у которых масса проблем с заключением договоров с поставщиками продукции.

Таким образом, мультимодальный логистический центр можно определить как специализированную структуру, предназначенную для оптимизации маршрутов следования и переработ-

ки грузопотоков, поступающих из КНР в РФ через пограничный переход Маньчжурия – Забайкальск, а также предоставления необходимой информации для распределительной деятельности и контроля за продвижением груза.

Читинский МТЛК будет предоставлять клиентам следующие основные виды услуг:

- содействие таможенной очистке грузов; оформление таможенной декларации и товарно-сопроводительных документов;
- погрузочно-разгрузочные работы;
- ответственное хранение грузов в крытых складах;
- хранение тяжеловесных, строительных и крупногабаритных грузов на открытых площадках;
- сортировка грузов и формирование отправок;
- предоставление охраняемой стоянки для большегрузных автомобилей;
- услуги станции технического обслуживания автомобилей;
- услуги автотранспортного предприятия: перевозка и экспедирование грузов под таможенным контролем, подвоз и развоз грузов клиентам;
- сдача помещений в аренду;
- комплексное транспортно-экспедиционное обслуживание клиентов;
- информационно-логистическое сопровождение перевозочного процесса, контроль и слежение за продвижением грузов;
- услуги консалтингово-аналитического и инновационно-технологического центров по выбору рациональных видов транспорта, оптимальных маршрутов транспортировки;
- внедрение новейших сквозных логистических технологий доставки грузов;
- обеспечение координации и взаимодействия видов транспорта, управление цепями поставок;
- услуги выставочного комплекса по организации международных выставок, круглых столов, конференций.

В городах Читинской области и соседних регионах (Чита, Шилка, Чернышевск, Борзя, Могоча, Улан-Удэ, Иркутск, Красноярск) возможно создание немногочисленных, хорошо оснащённых дилерских центров.

Важнейшая роль в деле обеспечения экономических интересов государства принадлежит таможенной службе. Участвуя

в регулировании внешнеторгового оборота и осуществляя контролирующую и фискальную функцию, таможенная служба регулярно пополняет государственный бюджет, тем самым способствует решению экономических проблем. Лица, перемещающие товары и транспортные средства через таможенную границу Российской Федерации в соответствии с таможенным законодательством России, обязаны представлять их таможенному органу для таможенного оформления и таможенного контроля. В настоящее время огромное количество грузов, поступающих из КНР, направляются в Москву для таможенного оформления, что значительно увеличивает транспортную составляющую в цене товаров. Поэтому создание в Чите международного мультимодального транспортно-логистического центра, который будет иметь на своей территории склад временного хранения, поможет решить эту проблему.

На склад временного хранения могут быть помещены любые иностранные товары, в том числе ввезённые на таможенную территорию РФ с нарушением установленных в соответствии с законодательством РФ о государственном регулировании внешнеторговой деятельности запретов на ввоз. За хранение груза на СВХ, с момента помещения груза и до момента предоставления документов о выпуске товара, взимается сбор.

Неотъемлемой частью маркетинговой политики логистического центра является дальнейшее отслеживание вагонов с продукцией в пути следования и своевременная доставка груза согласно договору.

Для формирования и стимулирования спроса на услуги МТЛЦ необходима реклама в средствах массовой информации на радио и телереклама, печатная реклама (стикеры, буклеты), наружная реклама.

Создание мультимодального логистического комплекса обеспечит приток инвестиций на развитие инфраструктуры края, создание новых рабочих мест, рост налоговых поступлений в бюджет региона.

Для оценки эффективности инвестиций определён срок окупаемости проекта. По предварительным расчётам, срок окупаемости проекта создания логистического центра в Чите составит 4,6 года, что показывает экономическую целесообразность его создания. К тому же, анализируя опыт реализации инвести-

ционных проектов с иностранным капиталом на территории Забайкальского края, можно с уверенностью предположить возможность участия в финансировании данного проекта иностранных инвесторов.

Анализ безубыточности выполнен в целях определения объёма переработки грузов, при котором логистический центр покрывает свои расходы, не имея прибыли, но и не неся убытков (точка безубыточности). Точка безубыточности соответствует 1,5 млн т груза.

На сегодняшний день успешность международного и приграничного партнёрства во многом зависит от конкретных шагов по созданию благоприятных условий, чему, несомненно, будет способствовать МТЛЦ. Развитие международных транспортно-логистических центров выступает важным условием для интеграции нашего края в мировую транспортную систему.

Список литературы

1. Верхотуров С. А. Критерии развития транспортно-логистического кластера на территории Забайкальского края // Транспортная инфраструктура Сибирского региона: материалы V Межвуз. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИргУПС, 2014. Т. 1. С. 128.
2. Железнов Д. В., Светлакова Е. Н., Долгополова М. А. Создание логистического центра по переработке скоропортящихся грузов на станции Забайкальск // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. 2006. № 4. С. 204–207.

Рассматривая современную политическую систему КНР, мы можем отметить существенные успехи, главный из которых заключается в сохранении политической стабильности при осуществлении первых шагов в направлении строительства правового государства. С другой стороны, возникают новые проблемы, по-прежнему есть потенциальная угроза стабильности в политической и экономической сферах, возрастает вероятность попыток их устранения без внимания к слабым росткам демократизации.

К началу XXI века модель политической системы КНР сложилась в формулу «правящая партия – народ-хозяин – управление страной на правовой основе» [10]. Основными опорами системы были названы четыре института: собрания народных представителей, многопартийное сотрудничество и политические консультации под руководством КПК, национальные автономии и массовое самоуправление на местах.

В 2002 году XVI съезд КПК представил положение о «внутрипартийной демократии как миссии партии» [8]. В марте 2004 года на втором заседании ВСНП X созыва в Конституцию был внесён тезис о том, что «государство уважает и обеспечивает права человека» (ст. 33) [7]. В опубликованной в октябре 2005 года в Китае «Белой книги о формировании политической демократии» утверждалось, что «Коммунистическая партия возглавляет демократическую власть: решительно держит её в руках в интересах народа, опираясь на народ и гарантируя народу право быть хозяином» [1].

Заняв высший пост в компартии по итогам XVI съезда в 2012 году и государстве по результатам утверждения на Первой сессии ВСНП 12-го созыва в 2013 году, Си Цзиньпин принял ряд решений, формально не выходящих за рамки, очерченные Общей программой Устава КПК (выбор «пути социализма с китайской спецификой», создание его «теоретической системы», установление «социалистического строя с китайской спецификой»), но крайне важных для управления государством и внутренней политики в целом.

Оказавшиеся столь важными решения можно условно разделить на четыре группы:

1. Ужесточение и повышение эффективности контроля в партии и государстве (прежде всего, борьба с коррупцией).

извне. С другой стороны, антагонистические интересы лидеров могут задерживать принятие решений и тормозить скорость социально-экономических процессов, а принадлежность к какой-либо из группировок делает неформальные связи более важными, чем законность и социальная необходимость.

Интересную классификацию партийной элиты КНР предложил в 2012 году А. Т. Габуев [5]. Он разделил элиту на четыре группировки, обозначив каждую по аналогии с карточными мастями. Так появились «трефы» («шанхайцы», «принцы», «золотая молодёжь») – часто это дети прежних лидеров КНР, в том числе подвергшихся опале в период «культурной революции», «червы» («комсомольцы»), сделавшие партийную карьеру, начиная с молодёжных организаций и региональной работы; «пики» («силовики») – новое поколение генералитета из Народно-освободительной армии Китая, Народной вооружённой милиции Китая (внутренних войск) и других силовых структур; «бубны» (будущие лидеры) – представители предполагаемого шестого поколения руководителей. Нужно сказать, что группа будущей элиты сейчас просматривается гораздо менее явно, чем при передаче власти Си Цзиньпину, поскольку решения, принятые XIX съездом КПК в 2017 году, позволяют продлить полномочия политических лидеров без определённых ограничений, таким образом, вопрос о потенциальных преемниках снимается с актуальной повестки дня. Как и любая классификация, приведённая выше не является абсолютно точной и универсальной. Кроме того, её нельзя считать научной, скорее публицистичной. Тем не менее, она крайне полезна для того, чтобы представить характер взаимоотношений внутри КПК.

Официальные взаимоотношения гораздо более формализованы и соответствуют партийно-государственной иерархии, характерной для систем советского типа. Высшие руководящие органы КПК – Всекитайский съезд партии и её Центральный Комитет. Пленум ЦК партии избирает Политбюро, Постоянный Комитет Политбюро ЦК и всех членов Секретариата ЦК, которые исполняют функции и полномочия ЦК между пленумами.

Согласно практике, утвердившейся после «культурной революции», Всекитайской съезд партии проводится каждые пять лет в октябре или ноябре. В задачи съезда входит внесение поправок и изменений в устав КПК, а также избрание ЦК партии, рассмо-

торый продолжает пребывать в неустойчивой и двусмысленной позиции противоречия между капиталистическими принципами экономического развития и идеологической работой, осуществляемой Коммунистической партией.

Также необходимо отметить, что согласно Уставу высший идеал и конечная цель партии – «достижение коммунизма» [11]. Такая грандиозная цель, разделённая на не менее важные задачи, безусловно, требует финансирования. Теоретически правящая партия и государственные учреждения Китая обособлены, но поскольку партия стоит во главе государства, фактически партийное финансирование соотносится с государственными и корпоративными бюджетными линиями. Согласно положениям, действующими с 1989 года, расходы партийных ячеек подлежат чёткому контролю, согласованию с вышестоящими структурами КПК и утверждению секретарём местного парткома и главой финансового отдела в начале каждого года, исходя из «принципов рабочих нужд и экономии», с целью минимизации финансовых злоупотреблений [3].

Как известно, в КНР действует институт многопартийного сотрудничества и политических консультаций, которым руководит КПК, а восемь демократических партий имеют в политической жизни страны вспомогательный статус. Отмечается, что главная цель в сотрудничестве с ними – длительное сосуществование, взаимные контроль и доверие, стремление вместе разделять славу и позор.

Формально все партии организационно самостоятельны, имеют свой устав, выборные органы, собственную социальную базу и печатные органы, а также официальный сайт в интернете.

Во время своего создания партии имели некоторые различия в программах и ориентирах деятельности, но сейчас их уставные документы практически идентичны. Все они «выступают за воссоединение родины», «служат обеспечению общественной стабильности», «следуют основному курсу социализма» и, безусловно, «признают руководство КПК», руководствуются её идеями, оказывают правящей партии помощь в строительстве «демократической современной социалистической джаржавы».

Таким образом, очевидно, что каждая организация разделяет идеологию КПК, сохраняя преемственность в риторике и идеологии. Некоторые различия можно отметить лишь в социальной

принадлежности членов партий (в основном, это разные сферы интеллигенции), а также в месте и времени создания (но в любом случае, до образования КНР в 1949 г.).

Лидеры партий принимают участие в совещаниях по основным вопросам государственной политики, в процессе согласования кандидатур на важные государственные посты, в заседаниях сессий Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) и Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП).

Представители разных политических партий входят в состав Всекитайского комитета НПКСК, на сессии они могут присутствовать при обсуждении важных для страны вопросов и формулировать свои предложения и идеи для передачи депутатам высшего законодательного органа – ВСНП, хотя собственно права голоса при принятии политических решений не имеют. Кроме того, сессии указанных органов проводятся лишь раз в год, а представители КПК составляют не менее 70 % в любой коллегиальной структуре. В последнее время демократические партии инициировали ряд расследований по вопросам здравоохранения, образования, социального неравенства – серьезным и актуальным проблемам, борьба с которыми ведётся под эгидой КПК. Доклады по результатам расследований напрямую поступают в ЦК Компартии Китая или Госсовет КНР и помогают сформулировать или скорректировать политику и законодательство [9]. Каждая демократическая партия может делегировать одного своего представителя в число заместителей председателя ВК НПКСК, правда, у КПК – их 11 из 24.

Вскоре после съезда КПК в Пекине прошли съезды всех остальных восьми партий. В последнее десятилетие они проводятся значительно масштабнее, вероятно, чтобы подчеркнуть наличие многопартийности, особенно для иностранных наблюдателей. Нужно отметить, что принимаемые на съездах решения не только не оппонируют КПК, но и закрепляют в их уставах все изменения, принятые на съезде правящей партии. Проходящие съезды, как правило, отмечаются приветствием, а часто и присутствием лидеров государства – руководителей КПК. В 2017 году приветствия направлялись от имени Ван Хунина – члена ПК Политбюро ЦК КПК, главного организатора партийного строительства. Таким образом, функционирование всех совре-

менных политических партий КНР организуется, финансируется и идеологически поддерживается из единого центра.

Официально действующие партии Китая, помимо КПК, есть не что иное, как демонстрация политического единства, при этом главным принципом провозглашается гармония и мирное сосуществование всех политических сил. Согласно Уставам всех демократических партий, все они преследуют общие с КПК цели. При заметной на взгляд западного наблюдателя архаичности политической конструкции и стиля принимаемых решений, современность Китая невозможно рассматривать в отрыве от КПК, которая претендует на представительство интересов всего общества и исключает предположения о возможной оппозиционной активности.

Список литературы

1. Белая книга о формировании политической демократии [Электронный ресурс] // People.cn. Режим доступа: <http://www.politics.people.com.cn/GB/1027/3783369.html> (дата обращения: 06.02.2019).
2. Бородич В. Стратегический маневр Си Цзиньпина // Азия и Африка сегодня. 2017. № 10. С. 13.
3. Бюджет партии и финансовая стратегия КНР [Электронный ресурс] // Анатомия Китая. Политика. Государство. Власть. Режим доступа: <http://www.finansy-china.tass.ru> (дата обращения: 12.01.2019).
4. Выступление Си Цзиньпина на XIX съезде КПК 18 октября 2017 г. (полный текст доклада) [Электронный ресурс] // AfterShock. Режим доступа: <https://www.aftershock.news/?q=node/587636&full> (дата обращения: 09.02.2019).
5. Габуев А. Масти китайской власти [Электронный ресурс] // Коммерсант. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 06.02.2019).
6. Как избирались делегаты 19-го съезда КПК [Электронный ресурс] // Китай. Режим доступа: http://www.kitaichina.com/rxinwen/201710/t20171007_800106282.html (дата обращения: 02.03.2019).
7. Конституция КНР 1982 г. (изм. 12.04.1988, 29.03.1993, 15.03.1999, 14.03.2004, 11.03.2018) [Электронный ресурс] // Chinalaw.center. Режим доступа: https://www.chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 06.02.2019).
8. Материалы XVII съезда Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс] // Интелрос. Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/10/22/itogovye_materialy_vsekitajjskogo_szda_kpk.html (дата обращения: 06.02.2019).

9. Многопартийный Китай: не секрет, но не все знают. О партийной системе КНР [Электронный ресурс] // Regnum. Режим доступа: <https://www.regnum.ru/news/2388007.html> (дата обращения: 06.01.2019).

10. Нгуен Суан Кыонг. Политические реформы в Китае в первые годы XXI века // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 159–166.

11. Устав Коммунистической партии Китая (принят с частичными поправками XIX Всекитайским съездом КПК 24 октября 2017 года) [Электронный ресурс] // Синьхуа. Режим доступа: http://www.russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (дата обращения: 06.02.2019).

12. Li Cheng. The Chinese Communist Party: Recruiting and Controlling the New Elites // Journal of Current Chinese Affairs. 2009. No. 3. Pp. 13–33.

УДК 339.727.24

Татьяна Григорьевна Терентьева,
науч. сотрудник,
Институт Дальнего Востока РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: tgteren@yandex.ru

Китайские прямые инвестиции в России. Дальневосточный вектор

В статье рассматриваются состояние и особенности инвестиционной деятельности китайских компаний на территории России, в частности, в Дальневосточном Федеральном округе. Проанализированы факторы, мешающие и способствующие развитию китайского бизнеса. Показаны отраслевые приоритеты прямых инвестиций Китая на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: *Россия, Китай, Дальневосточный федеральный округ, инвестиционная деятельность, российско-китайские инвестиционные проекты, отраслевые приоритеты*

*Tatyana G. Terentyeva,
Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS,
Moscow, Russia,
e-mail: tgteren@yandex.ru*

Chinese Direct Investment in Russia. Far Eastern Vector

The article discusses the state and features of investment activity of Chinese companies in Russia, in particular in the far Eastern Federal district. The factors hindering and contributing to the development of Chinese business are analyzed. The sectoral priorities of China's direct investment in the far East are shown.

Keywords: *Russia, China, far Eastern Federal district, investment activity, Russian-Chinese investment projects, industry priorities*

Одним из приоритетных направлений внешнеэкономической деятельности Китая в XXI веке стала весьма успешная реализация государственной стратегии «выход за рубеж», главной компонентой которой является вывоз капитала. Внешние инвестиции расцениваются руководством Китая как важное средство интеграции страны в мировую экономику, приобретения современных технологий, устойчивого импорта полезных ископаемых, а также улучшения возможностей роста экспорта страны.

За последнее десятилетие Китай на мировом рынке капитала позиционируется не только как один из крупнейших в мире реципиентов прямых инвестиций, но и как страна, занимающая одно из ведущих мест в их экспорте.

С 2002 по 2017 год объём китайских внешних прямых инвестиций увеличился с 2,7 млрд до 158,3 млрд долл. [13]. В настоящее время можно констатировать о беспрецедентном их росте, что является особенностью вывоза прямых инвестиций Китая. Такой рост позволил Китаю значительно улучшить свои позиции в рейтинге крупнейших мировых инвесторов. В 2002 году по вывозу прямых инвестиций в мире Китай находился на 26-м месте; в 2010 году – на 5-м; в 2017 году – на 3-м месте (после США и Японии) [12].

Российско-китайское инвестиционное сотрудничество, являясь важной составляющей внешнеэкономического взаимодей-

ствия, на нынешнем этапе своего развития не отличается тем масштабом и динамизмом, который демонстрирует Китай в мире.

В целях активизации и расширения масштабов присутствия китайских инвесторов в России на правительственном уровне был принят ряд важных постановлений и решений. В данном контексте особое значение имеет подписанное в ноябре 2006 года российско-китайское межправительственное Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений, что заложило основу правовой базы инвестиционного сотрудничества между двумя странами. Документ предусматривает взаимный допуск капиталовложений в соответствии с законодательством принимающей стороны, а также предоставление каждой из сторон на своей территории инвестициям другой стороны национального режима или режима наибольшего благоприятствования. Принятое Соглашение стало юридической базой для двустороннего инвестиционного сотрудничества, отсутствие которой являлось, по результатам опросов как российских, так и китайских бизнесменов, одной из серьёзных причин, осложнявших взаимные капиталовложения.

Основополагающим документом, заложившим основу вывоза капитала из Китая в Россию, является и принятый в июне 2009 года. План российско-китайского инвестиционного сотрудничества (документ был подписан главами двух государств), в котором отражены основные направления взаимодействия. В Плане прописаны приоритетные сферы для китайских инвестиций в Россию, такие как топливно-энергетическая отрасль (нефтедобыча, проекты в геологоразведке и добыче природного газа, строительство заводов сжижения природного газа, производство нефтегазовой продукции глубокой переработки и др.); машиностроение; транспорт и логистика; сельское хозяйство; информационные технологии и телекоммуникации; лесная отрасль; банки и страхование и др. [10].

Для финансовой поддержки инвестиционных проектов Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) и Китайской инвестиционной корпорацией (China Investment Corporation, CIC) в 2012 году был создан *Российско-Китайский инвестиционный фонд* (РКИФ), главной задачей которого является обеспечение высокой доходности его инвесторам. Уставной фонд составил 2 млрд долл. (по 1 млрд долл. от РФПИ и CIC), дополнительно

2 млрд долл. планировалось привлечь от внешних инвесторов. Более 70 % капитала Фонда инвестируется в проекты на территории России и стран СНГ, остальные 30 % – в Китае [8].

Одним из серьёзных проектов Российско-китайского инвестиционного фонда стало подписанное в 2016 году соглашение с китайской компанией Tus-Holdings о создании Российско-китайского венчурного фонда (РКВФ), способствующего развитию потенциала торгово-экономического, инвестиционного и научно-технического сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Согласно достигнутым договорённостям, целевой размер РКВФ установлен до 100 млн долл., который может быть увеличен по мере необходимости. В капитале фонда также примут участие другие институциональные инвесторы из России и Китая. Главная задача РКВФ – сфокусировать свою деятельность на поиске привлекательных инвестиционных возможностей среди высокотехнологичных компаний и стартапов на территории России с потенциалом последующего развития на рынке КНР, включая такие направления, как информационные технологии в финансовом секторе, big data (управление и анализ очень больших объёмов данных), облачные технологии, биотехнологии, новые материалы.

Для привлечения к инвестиционному сотрудничеству крупных государственных корпораций в 2014 году по инициативе глав государств создана *Российско-Китайская межправительственная комиссия по инвестиционному сотрудничеству*, действующая с российской стороны под председательством Первого заместителя председателя Правительства РФ И. И. Шувалова, с китайской – заместителя Премьера Государственного Совета КНР Чжана Гаоли. В рамках Комиссии также был создан Консультативный комитет предпринимателей, в который входят представители крупнейших российских и китайских компаний. Но, как показывает практика, крупные китайские компании, как правило, принимают решения на основании оценки ожидаемой доходности инвестиций и связанных с ними рисками.

Помимо крупного бизнеса, который составляет основу китайских инвестиционных проектов в России, в последние годы создаются условия для привлечения компаний малого и среднего бизнеса. Для формирования благоприятной деловой среды, а также с целью создания лучших условий для развития сотрудниче-

ства малого и среднего бизнеса двух стран ежегодно проводится деловой форум малых и средних предприятий России и Китая в формате «Год – в Китае, год – в России» (первый форум состоялся в апреле 2015 г. в Пекине). Основное внимание участников форумов сконцентрировано именно на практических инструментах и механизмах взаимодействия. На форумах, в первую очередь, рассматриваются инвестиционные проекты в области высоких технологий и машиностроения, а также переноса китайских производственных мощностей на территорию России, в том числе на Дальний Восток. Однако нельзя не отметить, что пока компаниям малого и среднего бизнеса сложнее преодолевать различного рода административные и законодательные барьеры на территории РФ.

Несмотря на проведение регулярных встреч на высоком уровне, принятие различного рода постановлений, проведение двусторонних мероприятий, в настоящее время российско-китайское инвестиционное сотрудничество не отвечает уровню сложившихся политических и торговых отношений двух стран и находится на низком уровне. В 2017 году объём китайских прямых инвестиций в Россию составил лишь 1,5 млрд долл., что соответствует 1 % от общего объёма, а общий объём накопленных инвестиций за все годы – 13,9 млрд долл., это 0,8 % [2]. Отметим, что по числу инвестиционных проектов в 2017 году Китай впервые стал лидером, обойдя Германию, возглавлявшую список в 2015–2016 годах [1]. Этому способствовали введенные западными странами санкции и их уход с российского рынка инвестиций.

В настоящее время главными направлениями инвестиционной деятельности китайских инвесторов в России по-прежнему являются в большей степени разработка полезных ископаемых, лесное хозяйство, энергетика, торговля, а также бытовая электротехника, связь, строительство и сфера услуг.

Для изменения ситуации в инвестиционной сфере и выявления недостатков функционирования для китайских бизнесменов проводятся различного рода опросы и мониторинги. Основной проблемой негативно влияющей на инвестиционную привлекательность России, по мнению китайских инвесторов, являются высокие административные барьеры. Серьёзными проблемами были названы и такие, как нестабильная макроэкономическая ситуация – 57 % от общего количества опрошенных респонден-

тов; проблемы правоприменения – 43 %; падение покупательной способности российских потребителей – 29 %; коррупция – 14 %; санкции и сложная геополитическая обстановка в отношении с западными странами – 14 %; сложные процедуры регистрации собственности, регистрации марок – 14 %. Были отмечены и факторы привлекательности российского рынка, такие как наличие на территории России крупных запасов природных ресурсов (71 %); степень развития инфраструктуры (43 %); доступ к высоким технологиям (43 %); ёмкость российского внутреннего рынка (29 %) [7].

По результатам исследования можно резюмировать, что в основном китайский бизнес в той или иной степени заинтересован в инвестиционном сотрудничестве с Россией. Однако для этого необходимо создать благоприятные условия, в частности, убрать административные барьеры, упростить процедуры регистрации и др. Без этого основу российского инвестиционного сотрудничества с Китаем и в дальнейшем будут составлять проекты, связанные с добычей полезных ископаемых, хотя Россия в большей степени заинтересована в проектах в высоких технологиях, сельском хозяйстве, в развитии туризма. Наиболее важной составляющей для привлечения иностранных инвестиций на территорию России является, прежде всего, стабильность и прозрачность экономической ситуации в стране.

Китайские инвестиции на Дальнем Востоке РФ. В результате сложившейся экономической ситуации, когда западными странами в отношении России стали применяться экономические санкции, «развитие Сибири и Дальнего Востока в качестве национального приоритета на весь XXI век» приобретает конкретные очертания, что находит своё отражение в создании в регионе более благоприятных условий для внешних инвестиций, в том числе китайских.

Несмотря на территориальную близость, длительную историю экономического и внешнеторгового сотрудничества, объём инвестиций, поступающих на Дальний Восток из Китая, в настоящее время, как и в целом, не соответствует двусторонним возможностям.

Для реализации стратегии регионального развития России и Китая в сентябре 2009 года Президентом Российской Федерации и Председателем Китайской Народной Республики

была утверждена *Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР*. Компетентными ведомствами, координирующими выполнение Программы, являются Министерство экономического развития РФ и Государственный комитет по развитию и реформам КНР.

С российской стороны в Программе принимают участие 11 регионов Дальнего Востока и Байкальского региона, с китайской – три провинции (Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь) и один автономный округ (Внутренняя Монголия). Всего в программе представлены 205 проектов, которые в основном направлены на перспективное инвестиционное сотрудничество. Большинство производственных проектов, связанных с их реализацией на территории России, относятся к отраслям и сферам деятельности с низким технологическим уровнем: освоение минерально-сырьевых ресурсов – 27; отрасли лесопереработки – 22; легкой и пищевой промышленности – 13; промышленности строительных материалов – 14. В то же время большая часть проектов на территории Китая приходится на высокотехнологические отрасли, такие как обрабатывающая промышленность – 41, машиностроение и приборостроение – 18, химическая промышленность – 17 [9].

Несмотря на принятие Программы, в последующие годы уровень китайских инвестиций на территории Дальнего Востока оставался на довольно низком уровне. Так, на конец 2014 года из 40 реализуемых проектов на территории ДФО только в 11 присутствовал китайский капитал, из них 9 связаны с добычей и первичной переработкой природных ресурсов (4 – добыча и первичная переработка цветных и драгоценных металлов, 4 – лесопромышленный комплекс, 1 – первичная переработка и транспортировка нефти), практически не размещая свой капитал в обрабатывающие производства. Китайские компании проявляют также интерес к проектам в области жилищного строительства, в данной сфере с участием китайского капитала реализуется 2 проекта. Наибольшее количество проектов осуществлялось в Забайкальском крае (4), Еврейской автономной области (3) и Магаданской области (2) [4].

По мнению китайских бизнесменов, основными факторами, оказывающими негативное влияние и затрудняющими инвести-

ционную деятельность в ДФО, являются: несовершенство и нестабильность законодательства; непредсказуемость изменений законодательства и возможность неоднозначной трактовки ряда законов, неразвитость инфраструктуры, слабо развитая логистика, отсутствие ёмкого рынка [5].

Для создания более привлекательных условий для инвестиционной деятельности в регионе в 2014 году был подписан Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития (ТОР) в Российской Федерации», которые представляют собой экономические зоны с особыми условиями для организации несырьевого производства, ориентированного, в том числе и на экспорт. Самое важное – закон предоставляет иностранным инвесторам льготные налоговые условия, упрощённые административные процедуры и другие привилегии. На конец 2017 года на территории Дальнего Востока и Забайкалья создано 18 ТОРов [6]. В 2015 году сделан ещё один шаг, упрощающий инвестиционную деятельность в регионе, был принят закон «О свободном порте Владивосток» (СПВ). Создание благоприятных условий нашло отражение, прежде всего, в росте объёмов привлечённых инвестиций. В 2017 году ДФО стал лидером по росту привлечённых инвестиций. Более половины 17 % прироста инвестиций обеспечили резиденты ТОРов и СПВ, в том числе иностранные, вложившие в экономику Дальнего Востока более 90 млрд р., что составляет 26 % всех иностранных инвестиций, пришедших в Россию за год [Там же]. Самыми эффективными по итогам года стали ТОРы «Белогорск», «Южная Якутия» и «Кангалассы». По заявлению главы Министерства РФ по развитию Дальнего Востока, инвестиции Китая в Дальневосточный федеральный округ сохраняется на уровне 80 % от общего объёма зарубежных вложений, но увеличивается количество инвесторов из КНР [11].

Анализируя развитие ситуации китайской инвестиционной деятельности в России и в частности в Дальневосточном Федеральном округе, можно резюмировать, что благодаря действиям руководства двух стран, оказывающих на постоянной основе необходимое содействие в проведении различного рода мероприятий на всех уровнях, приглашая на них заинтересованных российских и китайских представителей, а также благодаря созданию целого ряда механизмов поддержки совместных

11. Яндекс-новости. Политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.yandex.ru/story/Investicii_KNR_v_DFO_sostavlyayut_80_ot_obshhikh_inostrannykh_vlozhenij--5d1d825292dabce1de3d78606ef57bfd (дата обращения: 15.01.2019).

12. Catalogue of Industries for Guiding Foreign Investment [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fdi.gov.cn/1800000121_33_11652_0_7.html (дата обращения: 17.01.2019).

13. Nian zhongguo duiwai zhijie touzi niadu tongji gongbao = Ежегодный статистический бюллетень прямых иностранных инвестиций в Китае. Пекин, 2018. С. 5. (Кит яз.).

ВЗГЛЯД ИЗ КИТАЯ

УДК 327

Лян Чжэньпэн,
аспирант кафедры международных отношений,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия,
e-mail: 1263187243@qq.com

Тенденции направления развития теории китайской внешней политики на глобальном уровне

На фоне непрерывно изменяющейся региональной и глобальной обстановки в области китайской внешнеполитической практики возникает переход от традиционных к современным подходам для адаптации к урегулированию нового типа международных отношений. В данной статье рассматриваются китайские подходы в процессе разработки внешней политики. Автор приходит к выводу, что во внешней политике КНР происходят изменения.

Ключевые слова: КНР, теоретические подходы к реализации внешней политики Китая

Liang Zhenpeng,
Postgraduate Student of International Relations Department,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia,
e-mail:1263187243@qq.com

The Trend of the Development of the Theory of Chinese Foreign Policy in the Global Level

Against the background of a continuously changing regional and global situation, Chinese foreign policy emerges a transition from traditional approaches to modern approaches to adapt to settling a new type of international relations. This article examines Chinese approaches in the process of developing foreign policy, and the author came to the conclusion that a change occurred in the PRC foreign policy.

Keywords: PRC, Chinese theoretical approaches of foreign policy

Начало 1990-х годов было отмечено переоценкой значения марксизма как теоретической основы развития Китая на современном этапе с одновременным расширением заимствования западных теорий международных отношений и их введением в китайский научный оборот. По мнению Ван Ичжоу, «период с 1978 г. до начала 1990-х годов, в течение которого наблюдалось заимствование опыта изучения западных международных отношений в Китае, заложил прочные основы дальнейшего развития китайской теории международных отношений» [1]. Несмотря на то, что марксизм не рассматривается как альтернативная парадигма в изучении современных международных отношений, он остаётся полезной теорией, раскрывающей непрерывную борьбу за власть и экономическое расширение в процессе капиталистической модернизации и глобализации.

Трудно отрицать, что западные концепции международных отношений занимают сегодня доминирующее место в системе теории мировых международных отношений. Вместе с тем со времени основания государства в Китае формировалась и своя система доктрин международных отношений на основе анализа марксистской философии как научного взгляда на практическую внутреннюю и внешнюю ситуацию. Вступая в XXI век, китайское руководство во главе с Председателем КНР Ху Цзиньтао (2002–2012) следовало выработке китайской теории международных отношений, которая характеризуется восстановлением концепций традиционной культуры государства, сочетанием конкретной внутренней и внешней ситуации страны с марксистской теорией, хотя практически пока что находится на начальной стадии своего развития. «Китайские международные политологи в современном контексте, во всё большей степени стремятся объединить традиционную культуру Китая и марксистско-ленинское мышление, и это направление является главной тенденцией китайской теории международных отношений» [2].

С 2013 года китайская теория международных отношений под руководством Председателя КНР Си Цзиньпина переживает новый прорыв. Он связан не только с усилением роли традиционных концепций в формировании и осмыслении внешней политики и развитии страны, но и с тем, что Китай активно берёт на себя большую ответственность и обязанности на мировой арене.

собственное учение «морального реализма». В то же время он отметил, что мораль является фундаментом для развития китайской современной теории международных отношений. Когда национальная сила достигает уровня ведущей или растущей страны, мораль оказывает серьёзное влияние на международные нормы.

В новой внутренней и международной обстановке Китай активно стремится к поиску общих ценностей и общих концепций развития с другими странами в мировом сообществе, что находит отражение в лозунге о создании сообщества единой судьбы человечества на основе концепций «равенства и взаимодоверия, толерантности и взаимообучения, сотрудничества и взаимной выгоды, беспристрастия, справедливости и мирного развития», а также в стремлении развивать сотрудничество на основе приверженности принципам «совместного выживания, сосуществования, совместного управления, совместного использования и совместного строительства» [7]. Совместное выживание означает, что страны способны выживать только совместно, составляя мировое сообщество. Под сосуществованием понимается существование статуса каждого государства в мировом сообществе, тесно связанное с растущей зависимостью друг от друга в рамках международного сообщества. Что касается совместного использования, то это является признанием того, что Китай приблизительно за сорок лет добился феноменальных экономических результатов после политики реформы и открытости в 1978 году и вошёл в ряд ведущих экономик мира, а также того, что китайские достижения не обошлись без мировой поддержки. Китай выступает не только участником, но и активным строителем мирового сообщества, готов предлагать общественные блага для совместного развития и общего успеха, нести ответственность за управление и строительство международной жизни.

Представителем данного концептуального подхода является известный китайский учёный Цзинь Инчжун. Он предложил теорию «симбиоза», полагая, что «пропаганда взаимного уважения в международном обществе совпадает с идеей уважения к независимости и субъективности человечества и государств и других акторов. Несмотря на то, что данная теория признаёт статус личных интересов, власти в мировом сообществе, борьба за интересы и власть и их реализация не обойдётся без отношений типа симбиоза» [8].

Китайская теория международных отношений переживает серьёзные перемены на современном этапе, обогащаясь новыми идеями и подходами. Китайские учёные и эксперты объединили западные теории международных отношений и свой международный опыт, формируя собственные теории международных отношений. Это обеспечивает прочную основу в теоретическом плане для дальнейшего продвижения общественной мысли Китая в осмыслении мирового порядка. Вышеуказанные подходы к созданию китайских теорий международных отношений не противоречат друг другу, а в значительной степени дополняют друг друга. Они в целом представляют перспективную картину развития китайской теории по международным отношениям.

В китайских теориях международных отношений появляется преемственность идеологии по линии использования собственных культурных ресурсов и других аспектов «мягкой силы». Во-первых, сочетание марксизма с китайской практикой имеет большое значение для создания руководящей китайской дипломатической теории с китайской спецификой. Во-вторых, создание китайской внешнеполитической теории на основании западных теоретических достижений в области международных отношений и китайских традиционных культурных ресурсов обеспечивает теоретическую фундаментальную основу для дальнейших шагов КНР на мировой арене.

Список литературы

1. 王逸舟. 过渡中的中国国际关系学 // 世界经济与政治. 2006年第4期. 第9页. = Ван Ичжоу. Переход китайской теории международных отношений // Мировая экономика и политика. 2006. № 4. С. 9.
2. 参见郭树勇: 从国际主义到新国际主义 - 马克思主义国际关系思想发展研究. 北京: 时事出版社, 2006年. 页码392页= Го Шуюн: От интернационализма к новому интернационализму: исследование развития марксистских международных отношений. Пекин: Пекинское изд-во по текущим делам, 2006. 392 с.
3. 秦亚青. 关系与过程: 中国国际关系理论的文化建构. 上海: 上海人民出版社. 2012年. 第12页 = Цинь Яцин. Отношения и процесс: конструируемые китайские теории международных отношений с точки зрения культуры. Шанхай. Шанхайское народное изд-во, 2012. С. 12.
4. 闫学通. “崛起困境”与中国外交新特征 // 人民论坛网. 2014年12月10日. = Янь Сюэтон. Восстание предикамента и новые характеристики дипломатии Китая [Электронный ресурс] // Сеть форум

Жэньминь. 2014. Режим доступа: <http://theory.people.com.cn/n/2014/1210/c112851-26183122.html> (дата обращения: 07.02.2019).

5. Zhang Feng. The Tsing hua Approach and the Inception of Chinese Theories of International Relations // The Chinese Journal of International Politics. 2012. Vol. 5, no. 1. Pp. 95–96.

6. 闫学通. 道义现实主义的国际关系理论 // 国际问题研究. 2014年第5期. 第107页 = Янь Сюэту. Теория международных отношений нравственного реализма // Международные исследования. 2014. № 5. С. 107.

7. 习近平在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话 // 新华网. 2017年12月1日. = Доклад Си Цзиньпина в заседании руководства КПК КНР и политических партий стран мира [Электронный ресурс] // Синьхуаван. 2017. 1 дек. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2017-12/01/c_1122045658.htm (дата обращения: 07.02.2019).

8. 金应忠. 为什么要倡导共生型国际体系 - 与熊李力先生对共生性学说理论批判的商榷. 社会科学. 2014年第9期. 第3-10页. = Цзинь Инчжун. Почему мы должны выступать за симбиотическую международную систему: обсуждение с господином Сюн Лили о критике теории симбиоза // Социальные науки. 2014. № 9. С. 3–10.

УДК 130.2:323(510)

Ни Цзяоцзяо,

*аспирант кафедры востоковедения
и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия;*

*ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы,
Маньчжурский институт университета Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, КНР,
e-mail: jiaoni@yandex.ru*

Татьяна Николаевна Кучинская,

*д-р филос. наук, доцент,
зав. кафедрой востоковедения и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: kuchinskaya_t@mail.ru*

Специфика построения региональных брендов АРВМ в условиях российско-китайского межрегионального взаимодействия

Статья посвящена исследованию содержания, понятий и сущности региональных брендов. Рассматривается стратегия регионального брендинга в условиях международного взаимодействия регионов КНР и РФ. В результате проведённого анализа авторы обозначают наиболее перспективные направления развития международных брендов АРВМ и определяют условия их реализации.

Ключевые слова: *региональный бренд, брендинг, АРВМ, межрегиональное взаимодействие РФ и КНР*

Ni Jiaojiao,

*Postgraduate Student of Oriental
and North American Regional Studies Department,
Transbaikal State University,*

Chita, Russia;

*Senior Lecturer of Department of Russian Language and Literature,
Manzhouli Branch of Inner Mongolia University,
Manzhouli, China,*

e-mail: jiaoni@yandex.ru

Tatiana N. Kuchinskaya,

*Doctor of Philosophy, Associated Professor;
Head of Oriental and North American
Regional Studies Department,*

Transbaikal State University,

Chita, Russia,

e-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

Specifics of Brand Building in PRC's Autonomous Region Inner Mongolia in Terms of Russian-Chinese Inter-Regional Cooperation

The article is devoted to the study of the content, concepts and essence of regional brands. The strategy of regional branding in the conditions of international interactions of the PRC and RF regions is considered. As a result of the analysis the authors designate the most promising directions for the development of international brands of ARIM and determine the conditions for their implementation.

Keywords: *regional brand, branding, ARIM, inter-regional interaction of the Russian Federation and People's Republic of China*

В условиях интенсификации региональных интеграционных процессов и всепроникающей глобализации межрегиональные обмены и сотрудничество между Китаем и Россией продолжают расширяться, в том числе в рамках стратегического партнёрства двух стран. В этом процессе региональные бренды – это своего рода опосредованный механизм осуществления международной коммуникации и транслятор национальных ценностей. Кроме того, региональный бренд – это двигатель отдельно взятой индустрии и составной элемент позиционирования имиджа и конкурентоспособности региона в национальном и международном пространстве.

Бренд региона – это «совокупность непреходящих ценностей, отражающих неповторимые оригинальные потребительские характеристики региона и сообщества, получившие общественное признание и известность, пользующиеся стабильным спросом потребителей. Он формируется на основе его ярко выраженного позитивного имиджа, будучи высшим проявлением эмоциональных потребительских предпочтений, важнейшим фактором конкурентных преимуществ региона, активом регионального потенциала» [2].

На современном этапе в различных странах активно развивается такое направление, как «брендинг», или «брендирование», то есть направленное создание имиджа предметов и явлений. В целом брендинг – это новая деловая философия, заключающаяся в создании и поддержании притягательности и престижа территории, а также привлекательности сосредоточенных на ней ресурсов и возможностей их реализации [3].

Позиционирование региона – это воссоздание привлекательного образа региональных брендов, повышающего их конкурентоспособность. Цель позиционирования – выделить ключевые характеристики региональных брендов, выявить и создать чёткие ориентиры, указывающие на территориальную особенность бренда, определиться с его перспективными направлениями развития. Позиционировать бренд региона можно только путём продвижения его локальных отличий, отвечающих определённым стратегическим целям.

По мнению китайских авторов, с точки зрения целеполагания процесса брендирования функции региональных брендов сводятся к двум основным. Так, с одной стороны, региональные бренды обладают способностью объединять потенциал различных производственных факторов. Благодаря уникальному мультипликативному кластерному эффекту бренд региона за сравнительно короткое время способен привлечь инвестиционные, кадровые, организационные и другие виды ресурсов для дальнейшего развития. С другой стороны, созданные региональные бренды посредством силы аттракции увеличивают объёмы доходов местных предприятий [9].

В целом региональный брендинг – достаточно сложный многофункциональный комплекс действий, который должен учитывать в себе множество факторов. Формирование бренда реги-

она предполагает учёт общности его культурно-исторических и пространственно-природных условий, полиэтничной и поликонфессиональной структуры его населения, а также необходимости взаимодействия как с внешней, так и с внутренней средой.

На современном этапе развития Китай достаточно активно применяет брендинговые стратегии для развития территорий (регионов, городов, зон и т. п.) и предприятий. Своей спецификой обладает брендинг приграничных регионов КНР, направленный на развитие международного имиджа и межкультурной коммуникации.

Расширение торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества между Китаем и Россией открыло новые возможности для развития приграничных территорий Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ). Руководство КНР уделяет особое внимание построению международных брендов АРВМ в рамках формирования инновационных региональных стратегий развития. Так, согласно решению Госсовета КНР «О дальнейшем содействии эффективному социально-экономическому развитию АРВМ», изданному в июне 2011 года, «АРВМ как стратегическая территория является важным плацдармом открытости КНР на северном направлении, региональное развитие АРВМ опирается на формирование ключевых портов и парков кооперации; ускоренном строительстве международных транспортных каналов, внешних окон и пограничной открытой экспериментальной зоны». Пространственно-региональное развитие АРВМ направлено на углубление торгово-экономического сотрудничества и обменов с Россией, Монголией и другими странами; играет ключевую роль во внутренних и внешних межрегиональных взаимодействиях, стремясь создать новую архитектуру национального пространства, отличающуюся открытостью на северном направлении и обслуживанием связей с внутренним материковым Китаем» [1].

Инициированный в 2013 году Генеральным секретарём Си Цзиньпином цивилизационный проект «Экономический пояс Шёлкового пути» включал в себя стратегию развития «Степного пути», направленного на укрепление трансграничного экономического сотрудничества с российскими Сибирью и Дальним Востоком [6]. В рамках строительства «Степного пути» развитие АРВМ и его взаимодействия с Забайкальским краем РФ

имели очень высокую стратегическую ценность для реализации потенциала сотрудничества в областях энергетики, туризма и транспорта, способного обеспечить экономическую и ресурсную взаимодополняемость регионов, соответственно, обусловило перспективные направления построения региональных брендов АРВМ в условиях российско-китайского межрегионального сотрудничества. Кратко охарактеризуем каждый из них.

1. Энергетический региональный бренд АРВМ.

В энергетическом сотрудничестве с Внутренней Монголией Забайкальский край обладает значительными преимуществами, отражающимися в его географическом положении и богатых природных ресурсах. Общая протяжённость государственной границы с КНР в Забайкальском крае составляет 1095,3 км. Выгодное геополитическое положение края является базовым потенциалом межрегионального взаимодействия, отводя Забайкалью роль «трансграничного коридора российско-китайского сотрудничества». По данным общего объёма промышленного производства за 2017 год, горнодобывающая отрасль занимает лидирующее место (55,6 %) в общем объёме производства на территории Забайкальского края РФ.

Согласно закону Забайкальского края «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 и программе социально-экономического развития края на 2010–2014 годы», принятому Заксобранием 25.11.2009 г., выработка основных стратегических направлений развития региона и его программа преследуют несколько целей. Одним из приоритетов выступает сокращение разрыва в социально-экономическом развитии между Забайкальским краем и другими регионами СФО и России [7]. Достичь экономического роста предполагалось, прежде всего, за счет развития горнорудной отрасли (освоение месторождений, инвестирование в промышленное производство, создание промышленных зон и др.). Усилен акцент на приграничное сотрудничество. Проект предполагал создание 30–40 зон промышленного, сельскохозяйственного, строительного и торгового типа с размещением на них предприятий и организаций с иностранным, смешанным и российским капиталом [8].

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., утверждённой Правительством РФ 13.02.2019 года, Забайкальский край как субъект

Дальневосточного экономического макрорегиона РФ рассматривается как приоритетная геостратегическая территория, перспективные направления экономической специализации которой включают также добычу полезных ископаемых, производство готовой продукции, транспортировку и хранение. Смещение приоритетов социально-экономического развития приграничных регионов РФ и КНР обуславливает трансформацию традиционной модели сотрудничества.

Сформировавшаяся модель китайско-российского энергетического сотрудничества предполагала расширение импорта в КНР дефицитных сырьевых товаров, таких как сырая нефть, мазут, железная руда, уголь, древесина и т. д.; продвижение политики субсидирования импорта некоторых сырьевых товаров в рамках приграничной торговли. Данная модель больше не может удовлетворять требованиям современного этапа китайско-российского сотрудничества и требует значительной трансформации, в том числе посредством ребрендинга энергетической сферы приграничных регионов.

Так, инновационными практиками в данной сфере в АРВМ выступает развитие трансграничной станции передачи энергии по модели «технология + энергия», направленной на удлинение производственной цепочки и увеличение добавленной стоимости энергетической отрасли региона. Инновационная технология также нацелена на строительство нового бренда АРВМ – «трансграничной базы производства энергии». Кроме того, зона высокотехнологичных редкоземельных элементов города Баотоу, АРВМ, основанная в 1990 году, в настоящее время занимается технической индустриализацией новых редкоземельных материалов и созданием соответствующих известных брендов. Создание брендов энергетической сферы сопровождается фундаментальными разработками и развитием инфраструктуры. В данной зоне не только учредили научно-исследовательский институт материаловедения Баотоу на базе Шанхайского транспортного университета, но и биржу полезных ископаемых Баотоу, крупномасштабную электронную торгово-презентационную площадку и инновационную предпринимательскую платформу обслуживания на базе «Интернет +» и др.

2. Туристический бренд АРВМ.

Автономный район Внутренняя Монголия обладает значительными туристическими ресурсами, включающими природ-

но-географический, культурно-исторический и другие виды потенциала. Развитию туристического бренда АРВМ способствовали усовершенствованная транспортная инфраструктура региона, в том числе удобное международное сообщение, а также диверсификация международной туристической продукции, увеличение крупных международных культурных мероприятий и гуманитарных обменов. В реализации внешнеэкономической деятельности правительство АРВМ придаёт особое значение именно туристической индустрии, развивая межрегиональное сотрудничество между ключевыми международными портами России и Китая (Шивэй – Олочи, Аргунь – Пригорск, Маньчжурия – оз. Байкал). Согласно статистике в 2015 году АРВМ принял 510 тыс. российских туристов, что составляет 32 % от общего количества побывавших в Китае россиян. Число китайцев, покидающих международные порты АРВМ, насчитывает 810 тыс. чел. Это показатель того, что Россия является излюбленным местом для китайских туристов.

Трансграничное сотрудничество КНР в области туризма характеризуется локальностью, комплексностью и всесторонностью. При создании трансграничных брендов туристического сотрудничества, по мнению китайских экспертов, необходимо принимать во внимание экономические, политические, культурные и многие другие факторы. Кластерный характер международного туристического бренда – залог успешного развития отрасли и региона в целом. Туристические предприятия КНР интегрируют существующие региональные туристические ресурсы, разрабатывают индивидуальные туристические маршруты и сосредотачиваются на создании туристических проектов с учётом культурной специфики, при этом ориентируясь на взаимодополняемость туристической продукции России и Китая, а также максимизируют ценность региональных туристических ресурсов Китая и России, чтобы привлечь больше зарубежных туристов [4].

3. Транспортный бренд АРВМ.

С начала политики реформ и открытости до 2018 года в АРВМ было создано 6 пограничных переходов КНР – РФ: железнодорожный порт Маньчжурия (满洲里铁路口岸), таможенный переход Маньчжурия (满洲里公路口岸), порт водного транспорта Хэйшанькоу (黑山水云口岸), порт водного транспорта Шивэй (室韦水云口岸), таможенный переход Эрка (二卡公路口岸), порт водного транспорта Хулеету (胡列也吐水云

口岸), на которые приходится 65 % грузооборота китайско-российского наземного транспорта; и 3 воздушных пункта пропуска: пункт Хух-Хото (呼和浩特航空口岸), пункт Хайлар (海拉尔航空口岸), пункт Маньчжурия (满洲里航空口岸). Пограничные сухопутные порты АРВМ, крупнейшие в Китае, расположены в приграничном треугольнике «Китай – Россия – Монголия» и являются транспортным узлом Евразийского моста и воротами Китая в Россию, страны СНГ и Европы.

Дальнейшее развитие регионального транспортного бренда АРВМ направлено на более полное использование потенциала экспериментальной открытой зоны г. Маньчжурия, с уже отработанными механизмами управления налогообложением, финансами и торговлей, а также на создание экспериментальной платформы для реформирования открытого АРВМ для России. В рамках данных мероприятий планируется развитие международного трансграничного коридора, соединяющего Россию, Монголию, Центральную Азию, Северо-Восточную Азию, а также китайские внутренние и прибрежные районы КНР. Центральные и местные власти КНР особое внимание уделяют строительству порта Маньчжурия – Забайкальск (满洲里—后贝加尔斯克), порта Шивэй – Орочи (室韦—奥洛契), железной дороги Хайлар – Хейшаньтоу (海拉尔—黑山头), трансформацию международного порта Хух-хото (呼和浩特国际航空口岸) в крупную внутреннюю транзитную станцию по пути в Россию [5].

В целом в условиях растущей конкуренции в мировой торговле региональные бренды АРВМ обладают определённой степенью устойчивости в китайско-российском трансграничном сотрудничестве и являются его ключевым нематериальным активом. Поэтому для предприятий АРВМ более реальным является использование региональных ресурсов и географических преимуществ для создания брендов регионального сотрудничества. В трансграничном сотрудничестве между АРВМ и приграничными регионами РФ формирование региональных брендов может способствовать эффективному развитию потенциала двухстороннего сотрудничества в области энергетики, туризма и транспорта, а также поможет реализовать значительный экономический, культурный и социальный трансграничный потенциал данной территории, тем самым повышать конкурентоспособность данного региона.

Список литературы

1. Гоуюань гуаньюй цзинь и бу цу цзинь Нэймэнгу цзинци шэу-эй ю хао ю куай фачжань дэ жогань ицзянь = Мнение Госсовета КНР о дальнейшем содействии эффективному социально-экономическому развитию АРВМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.cn/zwgk/2011-06/29/content_1895729.htm (дата обращения: 18.02.2019). (Авт. перевод).
2. Кучинская Т. Н. Региональный брендинг как инструмент позиционирования имиджа Забайкальского края в системе межрегиональных связей РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 13. С. 116–122.
3. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова. Ростов н/Д.: ИОНЦ РАН, 2012. С. 27–63.
4. Ли Сюе. Чжуне куацзин лююю хэцзойцюй цзяньшэ таньтао = Рассмотрение вопроса о строительстве китайско-российской трансграничной туристической зоны сотрудничества // Международная торговля. 2018. № 2. С. 32–35. (Авт. перевод).
5. Ли Ян. Чжунемэн куацзин цюйюй хэцзо чжун дэ динвэй юй фэнгун буцзой = Позиционирование и предложение о приграничном региональном сотрудничестве между Китаем, Монголией и Россией // Вестник Института Хулун-Буир. 2017. № 5. С. 32–36. (Авт. перевод).
6. Нэймэнгу: дацзао Чжун-Мэн-Э цзинци цзоулан хэсинь шуню = АРВМ: строительство основного узла экономического коридора Китай – Монголия – Россия [Электронный ресурс] // Жэньмин. 2017. 26 сент. Режим доступа: <http://www.nm.people.com.cn/n2/2017/0926/c192247-30777415.html> (дата обращения: 18.02.2019). (Авт. перевод).
7. О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года и программе социально-экономического развития Забайкальского края на 2010–2014 годы: закон Забайкальского края: принят Законодательным Собранием Забайкальского края 25.11.2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+z17fIg7vLu4fDg5uDI8vH/I03lI0Ig7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&nd=175027859&page=1&rdk=2#I0 (дата обращения: 18.02.2019).
8. Стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья [Электронный ресурс] // Коллекция “REVOLUTION”. 2015. 14 апр. Режим доступа: https://www.revolution.allbest.ru/international/00542273_0.html (дата обращения: 18.02.2019).
9. Суй Юе. Цяньтан цюйюй пиньпай дуй цюйюй цзинци дэ дайдун цзоюн = Анализ ведущей роли региональных брендов в региональном экономическом развитии // Шане яньцзю. 2017. С. 59–64. (Авт. перевод).

УДК 330.352.3

Сергей Леонидович Сазонов,

канд. экон. наук, вед. науч. сотрудник,

Институт Дальнего Востока РАН,

г. Москва, Россия,

e-mail: sazonovch@mail.ru

Чэнь Сяо,

аспирант,

Институт Дальнего Востока РАН,

г. Москва, Россия,

e-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru

Автомобильное сообщение по маршруту Экономического коридора «Китай – Монголия – Россия»

РФ, КНР и Монголия приступили к реализации нового крупного автодорожного проекта, который будет иметь не только региональное значение, но и в перспективе новый маршрут может стать ещё одной веткой евразийского транзитного пути между Китаем и странами ЕС. В дальнейшем предполагается, что из Улан-Удэ автомобильный маршрут протянется далее в Иркутск и Новосибирск – таким образом, российские сибирские регионы соединятся автомобильной сетью с КНР и Монголией.

Ключевые слова: *Россия, Китай, Монголия, экономический коридор, автомобильные дороги, пограничные переходы, контрольно-пропускной пункт, транзитные перевозки*

Sergey L. Sazonov,

*Candidate of Economic Science, Leading Researcher
Institute of Far Eastern studies of the RAS,*

Moscow, Russia,

e-mail: sazonoich@mail.ru

Chen Xiao,

Postgraduate Student,

Institute of Far Eastern studies of the RAS,

Moscow, Russia,

e-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru

Highway Connection along the Route Economic Corridor “Russia – China – Mongolia”

Russia, China and Mongolia have launched a new major road project, which will have not only regional significance, but in the future the new route can become another branch of the Eurasian transit route between China and the EU. In the future, it is assumed that the road route from Ulan-Ude will extend further to Irkutsk and Novosibirsk – thus, russian Siberian regions will be connected by road network with China and Mongolia.

Keywords: *Russia, China, Mongolia, economic corridor, roads, border crossings, checkpoint, transit traffic*

На основе решений, принятых на полях саммитов ШОС (Уфа, июль 2015 г. и Ташкент, июнь 2016 г.), была разработана и утверждена «Программа развития Экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» (КМРЭК), которая ориентирована на сопряжение инициатив ЭПШП (КНР), ЕАЭС (РФ) и программы «Великий степной путь» (Монголия) и направлена на развитие и объединение российских и китайских автомобильных дорог с сетью автомобильных магистралей Монголии. Для ослабления нагрузки на железнодорожные магистрали Монголии в 2017 году китайские строительные компании закончили строительство автомобильной дороги протяжённостью 124 км по маршруту КПП Замын-Удд – Сайншанд, которая после введения в эксплуатацию позволила запустить полноценное движение по автомобильной магистрали Улан-Батор (Монголия) – КПП Эрэн-Хото (КНР) протяжённостью 660 км [10].

Новая магистраль не только увеличит пропускную способность китайско-монгольского погранперехода Эрэн-Хото – Замын-Удд, но и позволит объединить сеть автомобильных дорог Китая, РФ и Монголии по маршруту Улан-Удэ – Улан-Батор – Пекин – Тяньцзинь протяжённостью 2,2 тыс. км. В 2017 году через КПП Эрэн-Хото – Замын-Удд в Европу по 15 железнодорожным маршрутам проследовало 569 поездов, а их количество в 4 раза превысило общее количество составов, которые пересекли КПП за последние 4 года. В 2017 году из Китая через Эрэн-Хото транзитом проследовало 48,7 тыс. контейнеров с грузами на общую сумму 2,6 млрд долл. [13]. В конце 2017 года из Гуанси-Чжуанского автономного района (ГЧАР) через город центрального подчинения Тяньцзинь был введен в эксплуатацию новый маршрут автомобильных перевозок через территорию Монголии в города ДФО РФ.

Ранее перевозки грузов в этом направлении осуществлялись железными дорогами Китая и России, что приводило к удлинению трассы маршрута на лишние 1 тыс. км, поскольку грузовые поезда должны были совершать лишний пробег до китайско-российского КПП Суйфэньхэ – Гродеково для въезда на территорию РФ. В итоге новый автомобильный маршрут автомобильных перевозок по территории трёх стран позволил на 75 % сократить протяжённость маршрута, т. е. до трёх дней, а также снизить стоимость логистических затрат на 15 % по сравнению со стоимостью грузоперевозок железными дорогами. С введением в эксплуатацию этого автомобильного коридора протяжённостью более 3 тыс. км появилась возможность альтернативного железнодорожным перевозкам прямого автомобильного транзита из городов ГЧАР через города Тяньцзинь и Пекин в монгольский г. Улан-Батор и российский г. Улан-Удэ (с возможностью дальнейшего транзита грузов в Москву и далее в страны Европы) [17]. В 2018 году в рамках создания КМРЭК монгольская компания “Chinggis international group” с помощью китайских автодорожных компаний продолжила начатое в конце 2015 года строительство скоростной автомобильной магистрали Алтанбулаг – Улан-Батор – Замын-Ууд, которая пройдёт параллельно действующей по этому маршруту трассе АН-3. Ожидается, что магистраль с общим объёмом финансирования в 12 млрд долл. будет введена в эксплуатацию в конце 2019 – начале 2020 года, а её протяжённость составит более 1 тыс. км [11].

Межправительственное соглашение о международных автомобильных перевозках по сети азиатских автомобильных дорог, предусматривающее осуществление автотранспортных транзитных перевозок между КНР и РФ по новому экономическому коридору между Китаем и Россией через центральные и западные районы Монголии (а также предоставление Монголии, не имеющей выхода к морю, доступ к морским портам), позволило активизировать перевозку грузов автомобильным транспортом из РФ в КНР (транзитом через территорию Монголии) по маршруту Улан-Удэ – Кяхта (РФ) – Алтанбулаг – Дархан – Улан-Батор – Налайха – Чойр – Сайншанд – Замын-Удд (Монголия) – Эрэн-Хото – Пекин – Тангу – Тяньцзинь (КНР). *Важные и перспективные для сибирских автомобильных перевозчиков маршруты:* 1) Новосибирск – Барнаул – Горно-Алтайск – Ташанта (РФ) – Уланбайшинт – Ховд – Ярантай (Монголия) – Такэшикан – Урумчи – Кашгар (Каши) – Хонкираф (КНР); 2) Барнаул – Урумчи (СУАР, КНР) и Веселоярск (Алтайский край) – Тачэн/Зимунай (СУАР, КНР) [4].

Основные маршруты автомобильных перевозок в рамках реализации «Программы развития Экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» [4; 7]

В начале 2016 года решением Государственного совета КНР на китайско-монгольской границе на территории Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ, Алашаньский аймак) был

создан автомобильный контрольно-пропускной пункт (КПП) Улицзи. Правительство Китая планирует в ближайшие годы превратить его в центр международной региональной торговли, а продукция компаний Центрального и Северо-Восточного Китая будет экспортироваться в Россию, страны Центральной Азии и Европы, одновременно будет развиваться приграничная торговля с Монголией. В 2017 году продолжались работы по строительству китайских (Чуаньцзин – КПП Ганьцимаоду – 87 км) и Цзиньцюань – Чуаньцзин – 93 км) и монгольской железных дорог в направлении крупнейшего автомобильного погранперехода Ганьцимаоду (甘其毛都) – Гашуунсухайт на границе Китая и Монголии общей протяжённостью 4,6 тыс. км, который наравне с КПП Эрэн-Хото также будет вносить свой вклад в развитие автомобильного грузопотока в Россию и расширение объёмов евразийских транзитных перевозок. В 2017 году через КПП проследовало около 0,5 млн автомобильных средств, а общий объём обработанных на КПП грузов по сравнению с 2016 годом вырос на 16 % и составил 17 млн т [12].

Расширение масштабов автомобильных транзитных перевозок между КНР и РФ по экономическому коридору между Китаем, Монголией и Россией способствует росту внешнеторгового оборота АРВМ – в 2017 году его объём по сравнению с 2016 годом вырос на 22,8 % и составил 94,2 млрд юаней (14,7 млрд долл.), а крупнейшими партнёрами в торговле с АРВМ стали РФ и Монголия [14]. В 2018 году ВРП АРВМ достиг 1,73 трлн юаней (около 255 млрд долл.), увеличившись на 5,3 % по сравнению с 2017 года; общий объём экспорта и импорта автономного района достиг 103,44 млрд юаней (около 15,3 млрд долл.), увеличившись на 9,9 % в годовом исчислении, а объём внешней торговли АРВМ впервые превысил отметку в 100 млрд юаней [1]. В частности, объём импорта АРВМ по сравнению с 2017 года вырос на 7,5 % до 57 млрд юаней, а объём экспорта составил 37,87 млрд юаней (прирост на 14,4 %).

Основными торговыми партнёрами АРВМ в 2018 году стали Монголия, РФ и Австралия – на их долю пришлось 56,2 % от общего объёма внешнеторгового оборота автономного района. В 2018 году объём внешней торговли АРВМ со странами, прилегающими к маршруту «Один пояс – один путь» достиг 69,93 млрд юаней (увеличение на 14,6 % по сравнению с пре-

для обеспечения соответствия автомобильной транспортировки опасных грузов международным стандартам ООН. В ходе переговоров специалисты обсудили график работ по возведению пограничных мостовых переходов между городами Хэйхэ и Благовещенск через реку Гранитная (Хубутухэ) в районе автомобильных КПП Полтавка – Дуннин и Покровка – Логухэ [6].

В связи с увеличением перекачки нефти по российско-китайскому нефтепроводу Сковородино – Дацин объёмы перевозки нефтепродуктов по ДВЖ снизился, что предоставляет возможность российскому автомобильному транспорту нарастить объёмы экспорта газа из РФ. Контейнеры для транспортировки КПП являются эффективным средством при континентальной транспортировке в условиях отсутствия газопроводной сети. Ёмкости выдерживают давление в пределах 200–250 бар, а цилиндры связаны в один модуль (контейнер), что делает их пригодными к перевозке большого количества газа на 1-й автомобильной платформе. Вариант транспортировки КПП в провинции СВК по российским дорогам не требует привлечения инвестиций в строительство инфраструктуры, поскольку при перевозке КПП используется уже имеющаяся дальневосточная автомобильная сеть, примыкающая к приграничным провинциям и позволяющая связать газовые месторождения РФ с китайскими потребителями. В начале 2015 года через КПП Забайкальск – Маньчжоули была осуществлена тестовая поставка российского КПП, в феврале 2017 года через КПП было перевезено 32,5 т КПП, начались регулярные поставки КПП из России в Китай [9]. В июле 2015 года на китайско-российской границе 1-я российская автомобильная цистерна с 11 т КПП пересекла КПП Полтавка – Дуннин, в январе 2017 года по понтонному мосту через реку Амур в районе КПП Тунцзян – Хайюйдао из РФ в Китай было переправлено 190 т КПП, китайская сторона в дальнейшем планирует ежемесячно ввозить из РФ более 100 т КПП [3].

Реализация плана переброски КПП в КНР может продуцировать и макроэкономический эффект для РФ – после введения в эксплуатацию магистрального российско-китайского газопровода маршруты автомобильной перевозки КПП легко можно переориентировать на доставку в морские порты для последующей экспортной поставки в юго-восточные провинции Китая, страны ЮВА и АТР. В феврале 2017 года через КПП Забайкальск – Маньчжоули в северо-восточные провинции КНР на-

чались автомобильные поставки российского СУГ (сжиженного углеводородного газа) [8] и в начале 2018 года общий объём ввезённого в Китай российского СУГ составил 1,7 тыс. т общей стоимостью около 900 тыс. долл. [15].

Особенно рост поставок СУГ российским автомобильным транспортом был отмечен в декабре 2017 года, когда температура воздуха в провинциях СВК опустилась до отметки ниже -30°C , и Правительство КНР было вынуждено перебрасывать дополнительные объёмы газа из провинции Гуандун (7,25 млн m^3 газа ежедневно) для отопления 1,5 млн домохозяйств СВК [16]. Китайские импортеры считают, что российский СУГ имеет свои преимущества – низкая цена, отсутствие примесей, достаточное содержание пропана и высокая эффективность сгорания. Также СУГ в качестве экологически чистого источника энергии может компенсировать дефицит природного газа, что эффективно не только с точки зрения затрат, но и удобно в плане перевозок. При использовании СУГ в качестве автомобильного топлива выбросы окиси углерода и углеводородных соединений уменьшаются на 95 и 75 % соответственно, чем при использовании дизельного топлива и бензина [2]. Регулярный импорт СУГ из России позволит снизить издержки на использование СУГ в Китае и заметно улучшить ситуацию с поставками газа на китайский рынок. Весь поставленный автомобильным транспортом в 2017 году из России СУГ полностью предназначался для использования жителями Маньчжоули, а с 2018 года по мере увеличения объёма импорта российский СУГ стал постепенно поступать на рынки внутренних регионов Китая.

Список литературы

1. ВВП Внутренней Монголии вырос в 2018 году на 5,3 процента [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.finance.rambler.ru/realty/416> (дата обращения: 30.01.2019).
2. В 2017 году через КПП Маньчжоули из России было ввезено свыше 1700 тонн СУГ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-01/09/content_50206617.htm (дата обращения: 30.01.2019).
3. «Китайско-российский Шелковый путь замерзшей реки» – канал поставок нефтяного газа из России в Китай [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-02/26/content_37881939.htm (дата обращения: 30.01.2019).

4. Межправительственное соглашение по сети азиатских автомобильных дорог [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/asian_highway_network.pdf (дата обращения: 15.01.2019).

5. Объём внешней торговли Внутренней Монголии достиг рекордного максимума в 2018 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russian.china.org.cn/business/txt/2019-01/18/content_74386842.htm (дата обращения: 15.01.2019).

6. Россия и Китай обсудили механизмы успешного развития рынка международных автомобильных перевозок двух стран [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.logistics.rustransportation/news> (дата обращения: 08.02.2019).

7. Состояние, проблемы и перспективы автоперевозок в сообщении с КНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.mar.asmar.ru/6\(130\)_16/41.htm](http://www.mar.asmar.ru/6(130)_16/41.htm) (дата обращения: 30.01.2019).

8. СУГ – сжиженный углеводородный газ (от англ.: Liquefied petroleum gas (LPG) – смесь сжиженных под давлением лёгких углеводородов с температурой кипения от –50 до 0 °С [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gasoil-center.ru/szhizhennyj-uglevodorodny> (дата обращения: 30.01.2019).

9. Через погранпереход Маньчжоули начался регулярный импорт СУГ из России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russian.china.org.cn/business/txt/2017-02/21/content_40332012.htm (дата обращения: 30.01.2019).

10. Юй Чжочао. Китайско-монгольские отношения переживают лучший период за всю историю // Россия и Китай. 2017. № 15. С. 26.

11. Bhattacharya S. (China Daily). In step with the steppe [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cndy/2018-03/24/content_35909097.htm (дата обращения: 15.01.2019).

12. China, Mongolia trade continues to boom in 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/a/2018_01/02/WS5a4b5011a31008cf16da4b1b.html (дата обращения: 15.01.2019).

13. Erenhot sees record number of China-Europe cargo trains [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.china.org.cn/business/2018-01/26/content_50316395.htm (дата обращения: 30.01.2019).

14. Inner Mongolia trade volume hits record high in 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/19/WS5a619888a3106e7dcc135585.html> (дата обращения: 15.01.2019).

15. Manzhouli imports over 1,700 tons of LPG from Russia in 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/08/WS5a530fe7a31008cf16da5c19.html> (дата обращения: 30.01.2019).

16. Xie Jun. Gas providers to boost supplies [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globaltimes.cn/content/1080148.shtml> (дата обращения: 30.01.2019); Cold snap hits North and Northeast China, temperatures tumbling [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globaltimes.cn/content/1080322.shtml> (дата обращения: 30.01.2019).

17. Zhang Min. (Chinadaily.com.cn). New Tianjin road cuts transportation time, cost to Mongolia, Russia [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-11/28/content_26922236.htm (дата обращения: 30.01.2019).

УДК 811.008 (СКИТ)

Сунь Янь,

канд. филос. наук, доцент,

Хэйлунцзянский институт иностранных языков,

г. Харбин, КНР,

e-mail: sunyannushi@126.com

Валентина Сергеевна Морозова,

д-р филос. наук, доцент, руководитель Читинского филиала ИДВ РАН,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия;

приглашённый профессор,

Высшая школа экономики – филиал

Национального исследовательского университета,

г. Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: morozova1550@mail.ru

Принцип диалогичности культур в приграничном межкультурном взаимодействии Китая и России

Статья анализирует принцип диалогичности культур в общем векторе развития межкультурного взаимодействия РФ – КНР в социокультурном пространстве приграничья. Авторы делают акцент на необходимости признания культурной сферы приграничного сотрудничества как чрезвычайно важной части общего направления культурной политики в приграничье, приводят в качестве примеров действующие совместные культурные проекты, а также делают вывод о том, что принцип диалогичности региональных культур выстраивает схему дополняемости, но не выбора роли каждой, придаёт ей качество конкурентоспособности и повышает степень эффективности культурной политики в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия России и Китая.

Ключевые слова: *межкультурное взаимодействие РФ – КНР, российско-китайское приграничье, региональная культура, принцип диалогичности культур, культурная политика*

Sun Yan,

*Candidate of Philosophy Science, Associate Professor;
Heilongjiang Institute of Foreign Languages,
Charbin, China,
e-mail: sunyannushi@126.com*

Valentina S. Morozova,

*Doctor of Philosophy, Associate Professor, the Head of Chita Branch RAS
Institute of Far Eastern Studies,
Transbaikal State University,
Chita, Russia;
Visiting Professor;
Higher School of Economics – Branch National Research University,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: morozova1550@mail.ru*

The Principle of Cultures Dialogics in Russian-Chinese Cross-Border Intercultural Interaction

Article analyzes the principle of cultures dialogics in the general vector of Russia-China intercultural interaction development in the sociocultural space of the borderland. Authors emphasize the necessity of recognition the cultural sphere of cross-border cooperation as an extremely important part of the general direction of cultural policy in the border area, give examples of existing joint cultural projects, and also conclude that the principle of regional cultures dialogics builds a scheme of complementarity, but not the choice of the role of each, which gives it the quality of competitiveness and increases the effectiveness of cultural policy in the sociocultural space of Russian-Chinese cross-border cooperation.

Keywords: *Russian-Chinese intercultural interaction, Russian-Chinese borderland, regional culture, the principle of cultures dialogics, cultural policy*

Сегодня, когда в мировом масштабе набирает обороты процесс глобализации, становится очевидной активизация международного культурного взаимодействия. Однако культурный диалог разных стран характеризуется своей спецификой. Так чем же от-

личается культурный диалог Китая и России, двух крупнейших держав-соседей? Длительные дружественные отношения между КНР и РФ, тесные культурные связи сближают наши народы. Китайско-российский межкультурный диалог, имея многовековую историю и богатые традиции, между тем, в разные исторические периоды претерпевал разную интенсивность и имел разное содержание. Эта тема становится всё более актуальной также и в контексте предпринимаемых попыток философской рефлексии принципа диалогичности региональных культур приграничных территорий, которые, структурируя социокультурное пространство приграничья, выступают главными акторами в процессе межкультурного взаимодействия. При этом важно учесть, что пространство приграничья уже давно не играет роли форпоста, но формирует специфичное пространство пересечения социокультурных практик России и Китая.

Как считает Лу Чуньюе, профессор Хэйхэского университета, «приграничное сотрудничество – это одна из форм международной деятельности регионов, состоящая из совокупности согласованных действий органов государственной власти всех уровней, находящихся на сопредельных территориях, ...общественных организаций, научных и учебных заведений, деятельность которых направлена на... экономический и социальный прогресс приграничных регионов государства...» [2]. Таким образом, приграничное сотрудничество затрагивает самые разные стороны деятельности, включая экономическую, социальную и культурно-образовательную составляющие. Авторы данной работы делают акцент на необходимости признания культурной сферы приграничного сотрудничества как чрезвычайно важной и необходимой части общего вектора культурной политики приграничья.

Россия и Китай в настоящее время находятся в состоянии стратегического партнёрства, у них нет территориальных претензий друг к другу. Растёт уровень двусторонней торговли (внешнеторговый оборот между Россией и Китаем с 1995 по 2010 г. вырос более чем в 13 раз), значительно преобладает контактная функция в соотношении явлений границы [1]. Однако в силу того, что современный этап межкультурного взаимодействия России и Китая осложняется недостаточной осведомленностью взаимодействующих субъектов друг о друге, необходимо найти способ, нивели-

рующий этот пробел. Например, в качестве одного из основных механизмов транслятора культуры можно использовать гуманитарный ресурс образования, который позволит осуществить реализацию совместных проектов и программ в сфере межкультурного взаимодействия приграничных территорий РФ – КНР.

С Россией граничит Северо-Восточный регион КНР (провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, восточная часть автономного района Внутренняя Монголия). Непосредственно приграничные города с Россией – Маньчжурия, Хэйхэ, Суйфэнхэ и Хуньчунь. Со стороны Российской Федерации приграничными являются Приморский край, Амурская область, Хабаровский край, Еврейская АО, Забайкальский край. Безусловно, учитывая большую протяжённость приграничных регионов, можно говорить о них как о «главных воротах страны», о выполнении ими роли контактных центров, характеризующихся особой формой региональной культурной идентичности. Именно поэтому необходимо признать, что одного лишь экономического развития данных территорий недостаточно для реализации полномасштабного межкультурного диалога. Осмысление принципа диалогичности контактирующих культур дополнит общепризнанную парадигму развития экономик приграничных регионов целями социокультурного соразвития российско-китайского приграничья.

Выделенный приоритет межрегиональной культурной политики России и Китая учитывает общее пространство межкультурного взаимодействия двух стран и обосновывает целесообразность использования принципа диалогичности региональных культур приграничья на основе целостности региональных культур по обе стороны границы и схемы дополняемости, но не выбора роли каждой.

Говоря о различиях между двумя культурами, России и Китая, мы всё-таки считаем, что они хотя и весьма существенны, но всё же не столь велики, как, например, различия между Китаем и странами Запада. Культура России, действительно, является культурой, лежащей на стыке двух культурных традиций (западной и восточной), самостоятельной ветвью европейской культуры с сильным азиатским компонентом (и в этом смысле она может рассматриваться в качестве евразийской культуры) [3]. Благодаря такому своеобразию русской культуры во многом

облегчен и её диалог с другими культурами, в том числе и с культурой Китая [5]. Можно выделить также и общие черты, которые характеризуют приграничные социокультурные пространства России и Китая как культурно схожие:

- глубокие исторические корни культурных традиций региона;

- наличие опыта сохранения и трансляции региональных культурных ценностей;

- активность членов регионального сообщества в становлении его культуры.

В 2015 году в КНР была принята региональная стратегия «О создании сухопутного экономического коридора Китай – Монголия – Россия и Морского шёлкового пути», в которой подчёркивается роль сотрудничества между провинцией Хэйлуцзян, КНР и Забайкальским, Хабаровским и Приморским краями со стороны РФ [4]. Что касается межкультурного взаимодействия Китая и России, то здесь может быть выделен целый ряд факторов, обуславливающих его своеобразие: цивилизационный, исторический, политический, экономический, социальный, географический и др. Богатый потенциал культурного многообразия Забайкалья и китайского региона Дунбэй позволяют данным территориям развиваться не только в рамках своей страны, но и в поле современной системы международных отношений.

В географическом плане наиболее близко друг к другу расположены города Хэйхэ (провинция Хэйлуцзян) и Благовещенск (Амурская область). В этих городах направления культурного обмена и сотрудничества очень развиты. Например, ежегодно проводится «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства». В августе 2016 года она проходила уже в седьмой раз. Несомненно, для развития китайского города Хэйхэ это оказывает огромное влияние: развивает торговые отношения, увеличивает поток туристов, что в конечном итоге приносит экономическое благополучие этому городу [6]. Вместе с этим также можно назвать и ряд приоритетных культурных проектов со стороны Забайкальского края (например, проект трансграничного туристического парка «Восточные ворота России “Забайкальск – Маньчжурия”»). Принцип диалогичности региональных культур приграничья служит основой для продолжения успешной реализации данных проектов, одновременно нацеливая на дальнейшую

выработку совместных проектов и программ в области межкультурного взаимодействия РФ – КНР.

Таким образом, принцип диалогичности региональных культур выстраивает схему дополняемости, но не выбора роли каждой, придаёт ей качество конкурентоспособности и повышает степень эффективности культурной политики в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия России и Китая. Вышесказанное позволяет утверждать, что сама модель «диалогичности региональных культур приграничья» вполне может выступить в качестве интегрированной части культурной политики приграничных регионов, позволив включить ее в общую стратегию сохранения и развития национальной культуры.

Список литературы

1. Андреев А. Б. Геополитические особенности трансграничного взаимодействия России и Китая (на примере юга Восточной Сибири и севера Китая): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Улан-Удэ, 2012. 21 с.
2. Ли Чуньюе. Понятие приграничного сотрудничества в исторической ретроспективе (по китайским и российским источникам) // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Ю. Лавров. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 157.
3. Лоу Жучжуан. Особенности процесса межкультурной коммуникации между Россией и Китаем в сети Интернет: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.02. М., 2003. 24 с.
4. Се Илин. Потенциал приграничного сотрудничества между Забайкальским краем и провинцией Хэйлунцзян // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конференции / отв. ред. А. Ю. Лавров. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 193–205.
5. Чжан Цзиньин. Межкультурная коммуникация между Китаем и Россией. Даляньский университет иностранных языков [Электронный вариант]. Режим доступа: <https://www.docviewer.yandex.ru/?url> (дата обращения: 07.02.2019).
6. 物友网. 2016年第七届黑河中俄文化大集展会[Электронный вариант]. Режим доступа: <http://www.exhibit.56ye.net/show-45989.html> (дата обращения: 04.02.2019).

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 332.1

Анастасия Васильевна Делюга,
инженер,
Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН,
г. Чита, Россия;
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: n.delyuga@gmail.com

Регионы трансграничного взаимодействия с КНР: экономическое развитие и экологическая нагрузка

В статье выполнен сравнительный анализ динамики показателей, характеризующих уровень экономического развития и негативного воздействия на окружающую среду в регионах Востока РФ, вовлечённых в процессы трансграничного взаимодействия с КНР. Установлено, что рассматриваемые регионы характеризуются неравномерностью экономического развития и распределения экологической нагрузки, а также возрастающей в последние годы дифференциацией по эколого-экономическим показателям. Выявлено, что интенсификация российско-китайского сотрудничества не оказала заметного позитивного влияния на динамику исследуемых показателей в анализируемых регионах, жители некоторых природно-ресурсных регионов Востока РФ по-прежнему живут в условиях повышенной антропогенной нагрузки.

Ключевые слова: *регионы трансграничного взаимодействия, российско-китайское сотрудничество, негативное воздействие на окружающую среду*

Anastasiya V. Delyuga,
Engineer,
Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS,
Chita, Russia;
Undergraduate,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: n.delyuga@gmail.com

The Regions of Trans-Border Interaction with China: Economic Development and Environmental Pressure

This article gives an analysis of the dynamics of economic and environmental pressure per capita indicators in the Eastern regions of trans-border interaction with China. It is established that these regions are characterized by uneven economic development and distribution of environmental pressure. The author demonstrates that gaps between regions increased in most cases in recent years. It is revealed that the intensification of Russian-Chinese cooperation has not had a significant positive impact on the dynamics of the analyzed indicators, the inhabitants of some eastern regions still live in conditions of increased environmental pressure.

Keywords: *regions of trans-border interaction, Russian-Chinese cooperation, environmental pressure*

Большинство природно-ресурсных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, несмотря на вовлечённость в процессы трансграничных отношений с быстрорастущей экономикой КНР, характеризуются невысоким уровнем социально-экономического развития [4] и тенденциями экологически неравноценного обмена [5]. Значительная часть российско-китайских проектов, реализуемых на российской стороне, связаны преимущественно с освоением её минерально-сырьевых ресурсов, экологические последствия от их реализации достаются населению природно-ресурсных регионов Востока РФ – жители данных территорий живут в условиях повышенной антропогенной нагрузки [11]. Кроме того, показатели качества экономического роста в восточных регионах РФ по определённым видам негативного воздействия (например, в отношении сбросов сточных вод) на окружающую среду хуже, чем у сопредельных китайских провинций [10].

Целью статьи выступает оценка эколого-экономического положения регионов Востока РФ, вовлечённых в процессы трансграничного взаимодействия с КНР. В работе также выполнен сравнительный анализ динамики показателей, характеризующих уровень экономического развития и негативного воздействия на окружающую среду. В исследовании были выделены следующие временные интервалы:

- 2005–2009 гг. (период устойчивого экономического роста в большинстве регионов РФ);
- 2009–2016 гг. (период, характеризующийся наличием кризисных явлений в экономике большинства регионов и интенсификацией процессов трансграничного сотрудничества с КНР в восточных регионах РФ).

Для оценки уровня экономического развития регионов был использован валовой региональный продукт (ВРП) в расчёте на душу населения (в ценах 2005 года), при этом для учета региональных различий покупательной способности национальной валюты была выполнена его переоценка с использованием методологии, описанной в работе А. Г. Гранберга и Ю. С. Зайцевой [5].

Регионы трансграничного взаимодействия с КНР в значительной степени дифференцированы по среднедушевому ВРП, при этом последние годы характеризуются изменением величины разрыва: в 2005 году произошло увеличение в 1,6 раза; в 2016 году – 2,3 раза. Кроме того, анализируемые регионы значительно отстают от среднероссийских показателей: только в Иркутской области среднедушевой ВРП превосходил среднероссийский уровень в 2009 и 2016 годах (см. табл. 1). Несмотря на невысокий уровень экономического развития, скорость экономического роста за 2005–2016 годах во всех рассматриваемых регионах опережает среднероссийскую (31,7 %) в 1,1–2,5 раза, за исключением Республики Бурятия и Хабаровского края, в которых среднедушевой ВРП вырос лишь на 9,3 и 26,0 % соответственно. Необходимо отметить, что в период расширения трансграничного сотрудничества с КНР на Востоке РФ (2009–2016) ситуация изменилась. Так, в 2005–2009 годах скорость экономического роста отставала от среднероссийской в двух приграничных регионах (Республика Бурятия, Хабаровский край); за период с 2009 по 2016 год – во всех, за исключением Иркутской области.

Таблица 1

ВРП в расчёте на душу населения в РФ и восточных регионах, вовлечённых в трансграничное взаимодействие с КНР

Регионы	Среднедушевой ВРП (в ценах 2005 г.), тыс. р.			Изменение среднедушевого ВРП, %		
	2005	2009	2016	2005–2009	2009–2016	2005–2016
Амурская обл.	75,1	92,2	100,8	22,7	9,4	34,3
Еврейская АО	66,5	85,5	91,5	28,5	7,0	37,5
Забайкальский кр.	63,4	84,3	90,5	33,0	7,2	42,6
Иркутская обл.	101,5	133,8	182,9	31,9	36,7	80,2
Приморский кр.	72,2	90,9	99,3	25,9	9,3	37,6
Р. Бурятия	71,4	79,6	78,0	11,6	-2,0	9,3
Хабаровский кр.	85,7	95,1	107,9	11,0	13,5	26,0
РФ в целом	114,6	131,9	150,9	15,1	14,4	31,7

Примечание. Полужирным начертанием выделены значения у регионов, характеризующихся лучшей по сравнению со среднероссийской динамикой.

Экономика регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока имеет устойчивую сырьевую специализацию [8], ключевыми отраслями этих территорий в контексте развития трансграничных отношений с КНР выступают следующие: добывающая и лесная [1; 7]. Показатели негативного воздействия на окружающую среду в расчёте на душу населения в некоторых из них превосходят общероссийский уровень в несколько раз. Так, наибольшую экологическую нагрузку испытывают жители Иркутской области, подушевые показатели которой в 2016 году превышают среднероссийский уровень: по величине выбросов загрязняющих атмосферу веществ – в 2,2 раза, по сбросам загрязнённых сточных вод – в 2,1 раза. Исследуемые регионы характеризуются не только высоким уровнем дифференциации по уровню экономического развития, но и неравномерностью в распределении экологической нагрузки, при этом в последние годы величина разрыва между субъектами растёт (см. табл. 2).

Таблица 2

Наибольшие и наименьшие значения среднедушевых показателей экологической нагрузки в восточных регионах, вовлечённых в трансграничное взаимодействие с КНР

<i>Вид экологической нагрузки</i>	<i>Год</i>	<i>Наибольшее значение</i>	<i>Наименьшее значение</i>	<i>Разница, раз</i>
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, кг/чел.	2005	197,2 (Иркутская обл.)	89,8 (Р. Бурятия)	2,2
	2009	228,8 (Иркутская обл.)	84,4 (Хабаровский кр.)	2,7
	2016	266,0 (Иркутская обл.)	85,3 (Хабаровский кр.)	3,1
Сброс загрязнённых сточных вод, м ³ /чел.	2005	319,8 (Иркутская обл.)	63,0 (Р. Бурятия)	5,1
	2009	261,4 (Иркутская обл.)	46,6 (Р. Бурятия)	5,6
	2016	213,0 (Иркутская обл.)	31,4 (Забайкальский кр.)	6,8

На протяжении всех периодов Иркутская область отличалась высокими возрастающими показателями негативного воздействия на атмосферу, в последние годы ухудшение ситуации наблюдается и в Амурской области, где выбросы загрязняющих веществ за период с 2009 по 2016 год на одного жителя увеличились на 21,3 % (см. рис. 1).

Кроме того, необходимо отметить, что темпы роста эмиссии загрязняющих веществ в атмосферу (43,1 %) в этом приграничном регионе в 2005–2016 годах опережали темпы экономического роста (34,3 %). В целом по РФ среднедушевая экологическая нагрузка за 2005–2016 годы снизилась на 16,8 %, такую же тенденцию имели Еврейская АО, Хабаровский, Забайкальский и Приморский края. В Республике Бурятия, Иркутской и Амурской областях – обратная ситуация.

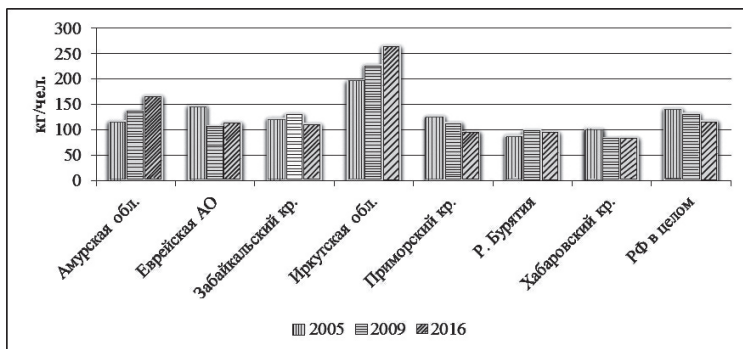

Рис. 1. Подушевые показатели экологической нагрузки в РФ и восточных регионах, вовлечённых в трансграничное взаимодействие с КНР. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников

В настоящее время большинство рассматриваемых регионов не испытывают дефицита водных ресурсов, однако проблема загрязнения воды в некоторых населённых пунктах этих территорий стоит очень остро. Несмотря на снижение, количество сбросов загрязнённых сточных вод в расчёте на душу населения в трёх регионах (Иркутская область, Приморский и Хабаровский края) значительно превышало среднероссийский уровень на протяжении 2005–2016 годов (см. рис. 2). Еврейская АО – единственный из рассматриваемых регионов, в котором отмечается рост данного показателя экологической нагрузки, общий объём сбросов неочищенных стоков за период с 2005 по 2016 год в этом регионе остался на одном уровне (14 млн м³), а численность населения уменьшилась на 12,2 % (с 189 до 166 тыс. чел.).

Для выявления возможного влияния фактора приграничного положения на динамику показателей экологической нагрузки рассмотрим данные табл. 3: в 2005–2009 годах у четырёх регионов динамика выбросов загрязняющих атмосферу веществ была хуже среднероссийской, в 2009–2016 годах – у пяти; при этом необходимо отметить, что в 2009–2016 годах среднероссийская динамика была лучше, чем в предыдущем периоде, чего нельзя сказать об анализируемых регионах.

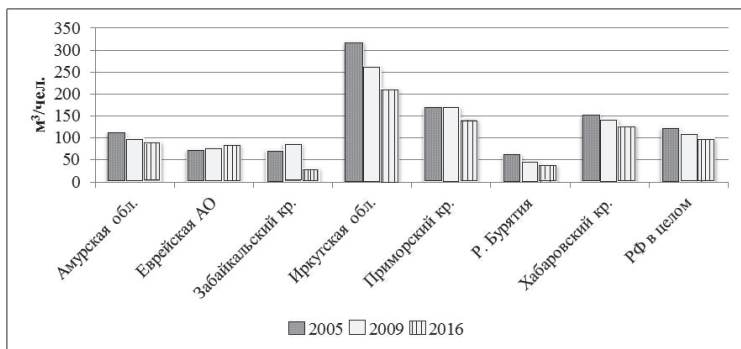

Рис. 2. Подушевые показатели экологической нагрузки в РФ и восточных регионах, вовлечённых в трансграничное взаимодействие с КНР. Сбросы загрязнённых сточных вод

Таблица 3

Регионы трансграничного взаимодействия с КНР, характеризующиеся худшими по сравнению с общероссийскими темпами роста экологической нагрузки

Показатель	2005–2009	2009–2016
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу в расчёте на душу населения	Амурская обл., Забайкальский кр., Иркутская обл., Р. Бурятия	Амурская обл., Еврейская АО, Иркутская обл., Р. Бурятия, Хабаровский кр.
Сброс загрязнённых сточных вод в расчёте на душу населения	Еврейская АО, Забайкальский кр., Приморский кр., Хабаровский кр.	Амурская обл., Еврейская АО

Что касается динамики среднедушевых сбросов загрязнённых сточных вод, то произошло уменьшение числа регионов, характеризующихся худшей по сравнению со среднероссийской динамикой – четыре против двух (в 2005–2009 и 2009–2016 гг. соответственно). Необходимо отметить, что относительно благополучная региональная ситуация в отношении данного вида негативного воздействия на окружающую среду может быть обусловлена не реальным снижением уровня данного вида эко-

логической нагрузки, а низким качеством её мониторинга. Так, например, выявлены случаи нарушения природоохранного законодательства в Приморском [3] и Забайкальском [2] краях.

Проведённое исследование позволяет заключить, что регионы трансграничного взаимодействия с КНР в значительной степени дифференцированы как по уровню экономического развития, так и по негативному воздействию на окружающую среду. Интенсификация российско-китайского сотрудничества (2009–2016) не оказала явного позитивного влияния на динамику эколого-экономических показателей, жители некоторых природно-ресурсных регионов Востока РФ по-прежнему живут в условиях повышенной антропогенной нагрузки. Наиболее неблагоприятная ситуация в отношении выбросов загрязняющих атмосферу веществ и сбросов загрязнённых стоков наблюдается в Иркутской области.

В настоящее время решение проблем социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока находится в центре внимания государственной власти. На территории Дальнего Востока приняты значительные новации в экономико-правовом поле и созданы различные институты развития (ТОР, СПВ и др.) [1], также планируется распространение механизмов поддержки и преференций на территориях Забайкальского края и Республики Бурятия [9]. В перспективе предпринятые меры государственной поддержки могут способствовать повышению уровня социально-экономического развития территорий Дальнего Востока, формированию и развитию конкурентных преимуществ этих регионов перед сопредельными приграничными территориями КНР, а также ослаблению сырьевой направленности хозяйственной деятельности.

Список литературы

1. Антонова Н. Е., Ломакина Н. В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 1. С. 43–56.
2. В Забайкальском крае природоохранный прокурор вскрыл факты сброса миллионов кубометров загрязнённых стоков в р. Хилок [Электронный ресурс] // Байкальская межрегиональная природоохранная прокуратура. Режим доступа: <https://www.baikalproc.ru/v-zabajkalskom-kraye-prirodoohrannyj-prokuror-vskryl-fakty-sbrosa-millionov-kubometrov-zagryaznyonnyh-stokov-v-r-hilok> (дата обращения: 21.02.2019).

УДК 130:323 (510)

Кристина Сергеевна Дубровская,
аспирант кафедры востоковедения
и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: hatkova@inbox.ru

Социокультурный аспект стратегического управления приграничными территориями Северо-Востока КНР

В статье исследована специфика понятия «граница» в научных трудах западных и восточных специалистов. Представлено содержание управленческих стратегий КНР, реализуемых в приграничных северо-восточных территориях. Проанализирована возможность заимствования опыта китайской стороны в стратегически значимом регионе Дальнего Востока РФ, в том числе и в Забайкальском крае.

Ключевые слова: граница, стратегическое управление приграничьем, межкультурное взаимодействие РФ – КНР, социокультурная безопасность, национальные меньшинства

Kristina S. Dubrovskaya,
Postgraduate Student of Oriental

and North American Regional Studies Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: hatkova@inbox.ru

Sociocultural Aspect of Strategic Management in Border Areas of China's North-East

The article investigates the specifics of “border” concept in the scientific works of Western and Eastern specialists. The content of the PRC management strategies implemented in the border North-Eastern territories is presented. The author analyzes the possibility of borrowing the experience from Chinese side in strategically important region of the Russian Far East, including Transbaikal region.

Keywords: border, strategic border management, inter-cultural interaction between Russia and China, sociocultural safety, national

туры. В этой связи необходимость стратегического управления социокультурной составляющей приграничных районов является не менее важной задачей, чем решение политических и экономических вопросов.

Китай является огромной многоэтнической страной, 56 этнических групп сформировали «множественную интеграцию» этнических отношений в многолетнюю практику исторической жизни. Признание «диверсифицированной» национальной культуры является ключевым вопросом, связанным с национальной безопасностью, экономическим развитием, социальной стабильностью и долгосрочной стабильностью в целом. Это характерно для Северо-Восточного пограничного региона, где культурное многообразие представлено традициями шаманской культуры, влиянием тибетского буддизма и христианства. В то время как этнические меньшинства в северо-восточных территориях КНР создают и признают свою собственную культуру, они также неизбежно вступают в контакт с другими культурами, что способствует межкультурному обмену.

Сегодня вместе с активизирующимися процессами глобализации возникают новые межкультурные противоречия и конфликты. Некоторые развитые страны поддерживают культурную концепцию «универсальных ценностей», пропагандируют культурную гегемонию в глобальном масштабе. Северо-Восточный приграничный регион в экономической зоне Северо-Восточной Азии является основным регионом для вторжения и проникновения западной культуры.

В Северо-Восточном регионе проживает более 10 этнических меньшинств, таких как маньчжуры, монголы, корейцы, эрочун и хеча, однако многие культуры национальных меньшинств постепенно исчезают. Среди них одна из самых малочисленных этнических групп Китая – хеча. В сложившейся ситуации китайское руководство осуществляет стратегическое управление приграничными территориями Северо-Востока КНР посредством следующих мероприятий:

1. Проведение экономической политики, направленной на развитие северо-восточных приграничных районов, принимая во внимание географические особенности, безопасность экономического развития, а также географические преимущества.

2. Популяризация китайского языка в северо-восточных пограничных районах. Для содействия созданию взаимно встроженных социальных структур, а также осуществления межэтнических обменов необходимо развивать образование на национальных языках общего пользования. Таким образом, в районах проживания этнических меньшинств необходимо укреплять двуязычное образование, популяризировать китайский язык и повышать культурную самобытность Китая [3].

3. Ускорение строительства объектов общественного культурного обслуживания, популяризация культурной самобытности Китая. Создание музеев, строительство основных культурных парков, проведение выставок каллиграфических работ. Использование современных средств массовой информации, таких как кабельное телевидение и интернет, с целью повышения чувства принадлежности жителей северо-восточной пограничной области к китайской культуре.

4. Развитие китайской культурной идентичности в школьном образовании посредством проведения тематических мероприятий, культурных лекций, поэзии, чтения и конкурсов. Создание тематических кампусов, включающих элементы китайской культуры, использование рекламных щитов культурного содержания на территории кампусов.

Китайская культура и национальная культура дополняют друг друга, представляя собой беспроигрышный симбиоз. Однако только высокий уровень идентификации всех этнических групп китайской культуры может способствовать её укреплению внутри страны и активному продвижению китайской культуры вовне [3].

Опыт китайского стратегического управления приграничными территориями может быть заимствован российской стороной ввиду схожести социокультурных характеристик и свойств данных территорий. Согласно государственной программе Забайкальского края «Развитие культуры в Забайкальском крае (2014–2020 годы)» среди основных её задач выделены:

1. Создание условий для повышения качества и разнообразия услуг, предоставляемых в сфере культуры и искусства, удовлетворения потребностей в развитии и реализации культурного и духовного потенциала жителей Забайкальского края.

Перемены в языковой обстановке Сянгана за последние 35 лет повлияли не только на изменение самобытности китайского народа, проживающего в Сянгане, но и на его отношение к английскому языку и путунхуа. С окончанием колониального периода Сянгана позиции путунхуа в общественной жизни бывшей британской колонии стали укрепляться, постепенно вытесняя из употребления кантонский диалект китайского языка, а английский язык закрепился на территории не только как язык бывшей верховной власти, но и в качестве международного языка, что соотносимо с международным статусом Специального административного района Китая.

В настоящее время кантонский диалект китайского языка, английский и путунхуа являются основными языками коммуникации в Сянгане. Согласно официальной статистике за 2016 год, 88,6 % населения Сянгана в возрасте от 5 лет и старше используют кантонский диалект для повседневного общения; 4,3 % населения говорят на английском языке и 1,9 % китайцев Сянгана используют для коммуникации путунхуа [6].

Если проследить за тенденцией использования этих трёх языков с 2006 по 2016 год, можно заметить небольшой спад использования кантонского диалекта (на 1,2 %) и увеличение числа говорящих на путунхуа и английском на 1и 1,5 % соответственно. Данные указывают на постепенное вытеснение кантонского диалекта в сянганском обществе, что, вероятно, более отчётливо проявит себя в долгосрочной перспективе. Увеличение популярности английского языка может быть связано с международным лидерством Сянгана прежде всего в сфере экономики, а повышение востребованности путунхуа объяснимо с точки зрения постепенного «китаизирования» Сянгана.

Китай постоянно расширяет использование культурных, образовательных и дипломатических инструментов для повышения своей привлекательности во всём мире. Известный экономический прогресс Китая сопровождается неуклонным расширением его культурного и дипломатического влияния, особенно в развивающихся странах. Путунхуа является одним из основных инструментов так называемой мягкой силы Китая, то есть одним из способов его культурного влияния на мировой арене. Как пишет отечественный социолог О. А. Селиверстова, занимающаяся языковой политикой в контексте концепции «мягкой силы»,

ство, так как на сегодняшний день сянганцы гордятся своим происхождением, своим языком и чувствуют свою культурную уникальность по сравнению с материковым Китаем, о чём свидетельствуют высокие показатели использования кантонского диалекта китайского языка и результаты проведённых интервью:

– 88,9 % населения Сянгана используют кантонский для повседневной коммуникации [6];

– «Во время нашего официального общения мой профессор всегда говорил со мной по-английски, но он хотел побудить меня говорить на кантонском, изучать кантонский, потому что мы были в Гонконге» (из интервью со студентом из Пекина);

«Всё-таки это разные культуры, разные языки между северными китайцами и сянганцами, между гуандунским наречием и языком, функционирующим в Сянгане» (из интервью со студентом из Сянгана).

Тем не менее, можно утверждать, что пекинский стандарт китайского языка путунхуа всё-таки оказывает благоприятное влияние на сянганское речевое сообщество, сближение с материковым Китаем мотивирует сянганцев изучать язык с целью повышения своей конкурентоспособности на рынке труда: «Для меня это (путунхуа) открывает больше возможностей в будущем» (из интервью со студентом из Сянгана).

Хотя путунхуа на территории Сянгана менее распространён чем кантонский диалект и английский язык, как отмечено в результатах настоящего исследования, наибольшее изменение в отношении произошло в случае путунхуа: роль и статус китайского языка возросли за последние два десятилетия. После смены суверенитета связь между Сянганом и материком стала более тесной благодаря интенсивному обмену на коммерческом, социальном и индивидуальном уровнях.

«Мягкая сила» Китая является мощным инструментом как межгосударственного, так и межрегионального влияния Китайской Народной Республики и продвижения её интересов за пределы своих границ. Будучи одним из главных трансляционных средств любой культуры [3], язык, являясь одной из основных составляющих концепции «мягкой силы», влияет на изменение целевого общества. Так, внедрение путунхуа в сянганское речевое сообщество способствует трансформации идентичности сянганцев. В настоящее время это влияние малозаметно, так как

УДК 33.05

*Татьяна Олеговна Корягина,
аспирант кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,*

e-mail: kitay_koriagina@bk.ru

*Денис Сергеевич Саранин,
магистрант кафедры экономики и менеджмента,
Ляонинский нефтехимический университет,
г. Фушунь, КНР,*

e-mail: razorlive94@mail.ru

Торгово-экономический диалог России и провинции Хэйлунцзян: вызовы и перспективы

Статья посвящена комплексному исследованию проблемы торгово-экономического диалога России и провинции Хэйлунцзян через призму российско-китайского приграничного сотрудничества. В работе уделяется особое внимание анализу перспектив и вызовов по установлению гармоничного приграничного взаимодействия России и провинции Хэйлунцзян. В заключение авторами предпринимается попытка эксплицитировать ряд мероприятий, способствующих развитию отношений России и Китая.

Ключевые слова: *приграничное сотрудничество РФ – КНР, торгово-экономические отношения, экономический диалог России и провинции Хэйлунцзян*

были представлены либерализация внешнеэкономической деятельности, стимулирование РФ к глобализации и сотрудничеству с другими странами.

Что касается китайской стороны, политик и реформатор Дэн Сяопин выдвинул политику реформ открытости в стимулировании экономического роста, одним из результатов сформировался общий выход Китая на международную экономическую арену. На уровне провинций стали разрабатываться и осуществляться стратегии расширения масштабов и разнообразия форм внешнеэкономической деятельности, привлечения иностранных инвестиций и технологий, призванных обеспечить ускоренный и устойчивый экономический рост страны.

Конец XX века является отправной точкой в развитии китайской экономики и её выхода на международный уровень. При этом китайская сторона также активно стимулирует и поощряет приграничное сотрудничество Китая с другими странами, включая Россию. Гармоничные добрососедские отношения России и Китая обусловлены тесным культурным взаимодействием, в котором «процесс взаимопроникновения культур наиболее активен именно на стыке границ» [1]. В данном ключе диалог культур «в современных условиях выступает как диалог политический», диалог экономический и торговый, который является связующим звеном в установлении гармонизации российско-китайских отношений [5].

Приграничное сотрудничество России и Китая занимает важное место в модернизации региональных реформ, развивающих экономическую ситуацию двух стран. На уровне прямых контактов, установленных между Россией и Китаем, основными регионами и городами, осуществляющими торговую деятельность, являются приграничные регионы Сибири, Дальнего Востока и китайские города северо-восточных провинций, в частности, провинции Хэйлуцзян. История сотрудничества России и провинции Хэйлуцзян начинается незадолго до формирования торгово-экономических отношений между двумя странами. После Октябрьской революции 1917 года начинается отток мигрантов из России в Харбин. В то время Харбин постепенно стал населяться «русскими харбинцами», которые оказали огромную поддержку в строительстве Китайско-Восточной железной дороги и заложили основной фундамент для создания побратимских отношений между Россией и провинцией Хэйлуцзян.

Однако торгово-экономические отношения между Россией и северо-восточной провинцией вышли на новый уровень только после 2000-х годов, которые знаменуются несколькими масштабными событиями, а именно: в октябре 2008 года правительство провинции Хэйлунцзян предложило проект создания российско-китайской торгово-экономической зоны на острове Большой Уссурийский; 23 сентября 2009 года главы Китая и России официально ратифицировали «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)». В «Программе» указывается 65 объектов сотрудничества в 8 сферах, в том числе 20 проектов, непосредственно связанных с провинцией Хэйлунцзян, и 29 проектов, имеющих отношение к Хэйлунцзян. Общее число совместных проектов составляет 75 % [3].

Приграничное сотрудничество России и провинции Хэйлунцзян преимущественно развивается в нескольких направлениях: деревообрабатывающая промышленность, энергетика, пищевая промышленность и образовательная деятельность. За последние несколько лет значительно увеличилось количество партнёрских вузов между Россией и Китаем и международных программ по обмену студентов и школьников. Создаются совместные образовательные учреждения, первым из которых был Китайско-Российский институт, открытый в 2011 году. Институт образовался благодаря сотрудничеству «Новосибирского государственного университета и Хэйлунцзянского университета и создан при финансовой поддержке Министерства образования КНР и правительства провинции Хэйлунцзян» [2]. В области электроэнергетики и природного газа сотрудничество России и провинции Хэйлунцзян также многообещающе. Создаются совместные ТЭК и ГЭС на территориях приграничного сотрудничества.

Вслед за развитием научно-технического прогресса отношения в области развития инфраструктуры начали играть огромную роль в стимулировании и создании благоприятной обстановки для улучшения экономического фактора двух стран. Принято считать, что в Китае довольно дешёвая рабочая сила, которая является двигателем всей экономики страны. Предприятия из провинции Хэйлунцзян могут оказывать поддержку в строительстве крупных объектов на территории России. Поэтому строительство

инфраструктуры в России может повлиять на развитие общей экономики двух стран. Российские компании также заинтересованы в создании своих агломераций на территории Хэйлунцзяна, так как экономические связи приграничных регионов характеризуются существенным рыночным обоснованием взаимной заинтересованности смежных территорий.

Развитие туризма, который повлечёт за собой создание коммуникаций, транспортной инфраструктуры, городского строительства, торговли, сферы питания и проживания, культурного досуга и др., сможет повысить уровень жизни населения приграничных регионов и способствовать созданию рабочих мест в сфере услуг. Создание эффективных каналов, влияющих на создание благоприятной обстановки в области туризма, сможет разрешить множество вопросов, которые стесняют экономическую ситуацию в обеих странах. Во-первых, хорошо проработанная структура туризма может повлиять на устранение «острых» границ между двумя народами, взаимопроникновение и взаимообогащение культурными ценностями регионов-побратимов положительно повлияют на развитие экономического фактора и становление общих культурных ценностей. Туризм является одной из простых систем развития экономики в стране, поэтому улучшение и продвижение туристической отрасли поддержит уровень жизни населения в провинции Хэйлунцзян и в приграничных регионах России.

Торговые отношения провинции Хэйлунцзян и России в транспортной сфере являются основополагающими в создании эффективного сотрудничества между РФ и КНР. Площадь России занимает примерно 17 100 000 км², страна является крупнейшей в мире, расположена в Восточной Европе и Северной Азии, поэтому транспортная сфера для России очень важна. Китай находится на третьем месте после России и Канады по территориальному делению, поэтому и для Китая транспорт и транзитные каналы являются основной областью развития.

При всех существенных перспективах, очерчивающих путь создания гармоничного приграничного сотрудничества между Россией и провинцией Хэйлунцзян, также существует ряд проблем, которые требуют тщательного пересмотра и разрешения. Несмотря на большое количество подписанных соглашений и постановлений между приграничными районами, процент их

которые смогут способствовать развитию торговых отношений России и провинции Хэйлунцзян:

1. Развитие рынка, расширение масштабов торговых отношений России и провинции Хэйлунцзян. Во-первых, необходимо создавать и реализовать центры выставок по продажам импортных товаров, которые могли бы стимулировать общую конъюнктуру рынка на Дальнем Востоке и Сибири, а также в приграничных территориях Хэйлунцзяна; сформировать сеть путей сообщений товарно-денежных отношений между Россией и провинцией Хэйлунцзян, а также непрерывно расширять рыночное пространство. Во-вторых, важно детально прорабатывать форму торговых отношений в рамках мелкомасштабной торговли и развивать давальческую торговлю, торговлю на условиях консигнации и прочие свободные формы торговли.

2. Обмен специалистами в целях повышения научно-технического обеспечения будет способствовать естественному развитию торгово-экономического сотрудничества России и провинции Хэйлунцзян. Научно-техническое обеспечение торгово-экономического сотрудничества России и Хэйлунцзян составляет лишь 6 % от общей торговли двух стран, в рамках двустороннего сотрудничества России с другими странами – не менее чем 40 %. Отсюда следует, что необходимо повышать уровень использования науки и техники в торговом сотрудничестве между Россией и провинцией Хэйлунцзян, усиливать и расширять научно-техническое сотрудничество с Китаем, которое является источником роста для повышения уровня и качества сотрудничества России с северо-восточной провинцией.

3. Стимулирование взаимовложения, поощрение развития торгово-экономического сотрудничества. В первую очередь необходимо поощрять и поддерживать инвестиции китайских партнёров, которые вкладывают в российскую инфраструктуру, и осуществлять давальческую торговлю за пределами государства.

4. Использование услуг обслуживания, создание благоприятной обстановки торгово-экономического сотрудничества. В первую очередь административные органы правительства должны разрабатывать планы по созданию благоприятной обстановки торгово-экономического сотрудничества России и Китая, укреплять контакты соответствующих органов в стране и за ру-

бежом, тем самым формируя высококачественное обслуживание для зарубежных партнёров. Во-вторых, следует целесообразно развивать области юридических услуг, укреплять механизм арбитражности международного права по урегулированию конфликтов, разрешать возникшие споры, при этом защищая собственные законные права и интересы. Всестороннее укреплять построение правовой системы в надежде на то, чтобы создать крепкую и благоприятную обстановку для честной конкуренции и законодательства.

На основе всего вышесказанного следует заключить то, что существует множество путей для разрешения препятствий торгового сотрудничества между Россией и провинцией Хэйлунцзян, а также для создания новых перспектив в реализации торговых отношений Китая и России.

Список литературы

1. Горобец Л. А. Своеобразие взаимодействия культур России и Китая в Дальневосточном регионе: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2015. С. 4.
2. Интернационализация российских вузов: китайский вектор / Н. Е. Боровская [и др.]; Российский совет по междунар. делам. М.: Спецкнига, 2013. С. 36.
3. Лу Чуньюе. История, современное состояние и перспективы социально-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян и Дальнего Востока России в конце XX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Благовещенск Благовещ. гос. пед. ун-т., 2013. С. 45.
4. Супрунович Б. П. Внешняя торговля России в 90-е годы (развитие, регулирование, проблемы) // Финансы: теория и практика. 1997. Вып. 4. С. 96.
5. Фомина М. Н., Борисенко О. А. Анализ исследований природы диалога: от диалога культур к политическому диалогу [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 9. Режим доступа: <http://www.human.snauka.ru/2015/09/12499> (дата обращения: 07.02.2019).
6. Экономическое сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке / Н. Е. Антонова [и др.] // Пространственная экономика. 2009. № 3. С. 136.

УДК 327

*Анастасия Андреевна Семеничева,
магистрант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: st071099@student.spbu.ru*

**Экономическая дипломатия КНР в рамках проекта
«Один пояс – один путь»**

В данной статье рассмотрен проект «Один пояс – один путь», а также предпринята попытка анализа экономической дипломатии Китая как инструмента продвижения своих интересов в сотрудничестве со странами – участниками проекта.

Ключевые слова: шелковый путь, КНР, экономическая дипломатия

*Anastasia A. Semenishcheva,
Undergraduate,
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: st071099@student.spbu.ru*

**Chinese Economic Diplomacy within the Project
“One Belt – One Road”**

In this article the project “One Belt – One Road” is considered. The author attempts to analyze the economic diplomacy of China as instrument of advancing the interests in cooperation with the participating countries of this project.

Keywords: silk road, PRC, economic diplomacy

В 2018 году инициатива «Один пояс – один путь», провозглашённая Си Цзиньпином в 2013 году, отметила свой пятилетний юбилей. Данный проект стал важнейшим аспектом стратегии внешней политики Китая в нынешнем столетии. «Один пояс – один путь» включил в себя два проекта: «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской шёлковый путь XXI века», – чтобы «сформировать международные отношения нового типа, отлича-

тельной чертой которых станет выгодное для всех сотрудничество» [4]. Данная инициатива является важнейшим инструментом «дипломатии великой державы с китайской спецификой» (中国特色大国外交). Однако проект вызвал широкой резонанс мнений в мировом сообществе, в связи с этим данный вопрос требует пристального изучения.

Инициатива «Один пояс – один путь». География проекта остаётся открытой: участие могут принимать все страны, издревле расположенные на сухопутном и морском шёлковых путях, и дружественные страны – соседи Китая, в первую очередь страны Центральной Азии, Россия, страны Южной и Юго-Восточной Азии. Весьма вероятно, в перспективе подключение к этому процессу стран Ближнего Востока и Восточной Африки, даже стран Европы, СНГ и некоторых стран Африки.

У России особых привилегий для участия в проекте нет: как и любая другая страна, Россия должна «продать» Китаю свои предложения по сотрудничеству. Условно такие предложения можно разделить на несколько направлений:

1. Сотрудничество КНР и ЕАЭС.
2. Сотрудничество в сфере грузовых перевозок, развитие транспортных коридоров.
3. Сотрудничество в финансовой сфере.
4. Углубление дипломатических отношений.

Экономическая дипломатия. Экономика практически в любых межгосударственных отношениях, совместных проектах является основой сотрудничества. Экономическая дипломатия стала закономерным явлением в международных отношениях при возрастающей роли экономических факторов. В некоторых странах дипломаты до 60 % своего времени уделяют экономическим вопросам. Подобная дипломатия является составной частью внешней политики государства и его международной деятельности, при этом именно внешняя политика определяет цели и задачи экономической дипломатии, которая представляет собой совокупность практических мероприятий, средств и методов, используемых для осуществления внешней политики.

Задачи, которые должны решаться при помощи экономической дипломатии, могут быть следующими:

– достичь стратегических целей страны на международной арене;

- обеспечить равноправные условия интеграции в мировое хозяйство, а в лучшем случае – выгоду и привилегии в международном торгово-экономическом сотрудничестве;
- защитить и лоббировать интересы отечественного бизнеса на глобальном рынке;
- содействовать привлечению эффективных внешних ресурсов в национальную экономику [6].

Экономическая дипломатия Китая в рамках Шёлкового пути. В 2014 году Китай объявил о том, что выделит 40 млрд долл. на создание Фонда Шёлкового пути, который будет заниматься финансированием проектов «Пояс и путь». Кроме того, в январе 2016 года в Пекине начал работу инициированный Китаем Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

По сообщениям и подсчётам китайских СМИ, начиная с 2013 года, более 100 стран и международных организаций позитивно откликнулись на инициативу. В её рамках было подписано около 50 межправительственных соглашений о сотрудничестве. Китайские компании инвестировали около 50 миллиардов и построили 56 зон торгово-экономического сотрудничества в 20 странах стратегии «Пояс и путь», создав в общей сложности 180 тысяч рабочих мест для жителей этих государств.

Заместитель главы государственного комитета по реформам и развитию Нин Цзичжэ в преддверии форума «Один пояс – один путь» 2017 года заявил, что общий объём зарубежных инвестиций Китая в следующие пять лет составит около 600–800 млрд долл. При этом основная часть инвестиций пойдёт в страны вдоль стратегии «Пояс и путь» [2].

В мае 2017 года на форуме по международному сотрудничеству были представлены дорожные карты с планами развития. Китайская сторона объявила о таком способе инвестирования и финансирования, как наращивание вложений в Фонд Шёлкового пути, а также о создании комплексных сервисных платформ в научной, технической и экологической областях.

Задуманный изначально как логистический проект по ускоренной доставке китайских товаров из Азии в Европу, проект Нового Шёлкового пути через четыре года вырос в полноценную программу экономического развития прилегающих к маршруту территорий при участии Китая.

В октябре 2009 года Греция сдала в аренду половину крупнейшего в своей стране морского порта Пирея китайской компа-

– строительство газопровода «Сила Сибири» из России в Китай.

По информации Министерства иностранных дел КНР, министр иностранных дел Ван И рассматривает Россию в качестве важного стратегического партнёра в проекте «Новый Шёлковый путь» – китайская сторона открыта для сотрудничества с Евразийским экономическим союзом и заинтересована в развитии Северного морского пути [1].

Для Китая важно показать открытый характер проекта, представлять его как инструмент сотрудничества, выгодного для всех стран региона. Поэтому Китаем проводятся различные экономические форумы, конференции, одной из тем которых является проект Шёлкового пути.

Так, 5–10 ноября в Шанхае прошла Первая китайская международная выставка импортных товаров, где приняли участие главы государств и правительств 18 стран, в том числе председатель КНР Си Цзиньпин, премьер-министр РФ Д. А. Медведев. На выставке были представлены такие крупные проекты, как Транзитные контейнерные перевозки по направлению Китай – Европа – Китай, Тяньваньская АЭС, Восточная газовая программа и др. [3].

В мае 2019 года ожидается проведение второго форума «Пояс и путь» в Пекине, на котором будут подведены итоги работы во всех областях, связанных с реализацией проекта «Один пояс – один путь».

В целом можно отметить, что инициатива «Один пояс – один путь» стала громким заявлением Китая мировому сообществу. Данный проект – новый формат китайской дипломатии, а экономическая основа – главный его компонент. Правительство Китая проводит экономическую дипломатию, чтобы сотрудничество в рамках Шёлкового пути имело имидж сотрудничества, выгодного для всех его участников. Однако стоит отметить, что проект находится на стадии развития и ещё не все цели сформированы, поэтому необходимо проводить дальнейшие исследования и анализ действий Китая в рамках проекта «Один пояс – один путь».

Список литературы

1. Место России в китайском проекте «Новый Шелковый путь» // Морские вести России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.morvesti.ru/analitics/detail.php?ID=69891> (дата обращения: 05.02.2019).

Dmitry N. Solomin,

Postgraduate Student of Oriental and North American Regional Studies

Department,

Transbaikal State University,

Chita, Russia,

e-mail: sdn75rus@gmail.com

Impact of Cultural Factors on National Innovativeness in Frame of Hofstede Model (the Case of Chinese Culture)

The comprehensive transformations taking place in China are of increasing interest to the scientific community of various countries. Understanding of the depths of the rich traditional Chinese culture and its impact on the ongoing innovation by representatives of foreign, domestic and Chinese scientists would be incomplete without the study of its reflection by native speakers – Chinese people. This article dwells on the comments of Chinese researchers on the positive and negative factors of the interconnection of traditional culture and innovativeness of China on the basis of the Hofstede method of cultural measurement.

Keywords: *traditional culture, Hofstede model, Chinese culture, innovativeness*

Взаимосвязь между культурой и инновацией является одним из важных философских вопросов, так как с точки зрения истории человеческой цивилизации инновация выступает основной движущей силой социального прогресса, а культура – движущей силой инноваций и глубинной причиной их развития. Богатая своим содержанием традиционная культура Китая выдержала многовековую проверку временем и сохранила свои отличительные особенности до наших дней. Однако способность традиционной культуры к сохранению своих жизненных сил связана и с адаптацией к современному развитию и постоянному внедрению новых идей и инноваций. Осуществляя всестороннее творческое преобразование, китайская традиционная культура становится мощной движущей силой современного социокультурного развития Китая. Современные китайские философы исследуют факторы культурной среды, способствующие развитию собственных инноваций.

Одной из часто применяемых методик изучения различий между национальными культурами, в том числе и их инноваци-

работе [2]. Согласно мнению исследователей, китайская культура имеет достаточно высокий показатель дистанции от власти (80), 12-е место из 74 стран. Этот результат связан с господствовавшей в Китае на протяжении тысячелетий феодальной системой, поскольку с момента установления централизации власти в период династии Цинь власть монархии под лозунгом «Вся поднебесная не во власти Правителя» (普天之下莫非王土，率土之滨莫非王臣) продолжалась до конца правления династии Цин. Затем в период династии Западная Хань главенствовал лозунг «Разрушить 100 школ, уважая только конфуцианство» (罢黜百家，独尊儒术). Так что ведущая идея правления феодальной иерархии – конфуцианство – отстаивало иерархическую этическую систему и социальные отношения, в которых правители и подчинённые, отцы и сыновья, братья, а также мужья и жёны – все должны были демонстрировать «смирение, порядок и уважение» (长幼有序，尊卑有别).

Авторитаризм, этатизм и послушание, всё ещё глубоко укоренившиеся у китайцев, также влияют на развитие инноваций в КНР. Авторы отмечают, что в то время как инновациям требуется дух свободного исследования, преданности истине и смелым идеям, в своих изысканиях китайские молодые учёные не могут в полной мере использовать свой творческий потенциал. Согласно модели Хофстеде, властный авторитет, присущий традиционной культуре Китая, подавляет свободную конкуренцию и новаторские идеи, необходимые для формирования инноваций.

По параметру «избегание неопределённости» китайская культура занимает 68-е место в общем рейтинге. Причиной тому также является конфуцианская культура, которая всегда учила смирению, безопасности, игнорированию личных интересов ради общественного спокойствия с явной консервативной тенденцией и низкой терпимостью к неопределённости. Конфуцианство подчёркивает, что люди должны строго соблюдать порядок, чтобы поддерживать легитимность власти правителя и стабильность общества. Конфуцианские концепции о том, что «инициатива наказуема» (木秀于林，风必摧之；枪打出头鸟), заставляют людей «заставаться», терять свою индивидуальность и стремиться к стабильному и консервативному жизненному состоянию. Однако инновации реализуют люди, которые умеют задавать вопросы, нарушать правила и готовы стать первопроходцами.

тельные различия между мужчинами и женщинами. Доля женщин на руководящих должностях в Китае во всех сферах жизни всё ещё намного ниже, чем среди мужчин. Более того, в системе рыночной экономики ценности всего общества более материализованы и утилитарны, а власть и богатство являются показателями для измерения индивидуального успеха. Традиционная китайская концепция «тому, кто прилежно учится, обеспечен успех в будущем» (学而优则仕) мотивирует обучению знаниям, началу официальной карьеры, управлению страной и содержит политический оттенок. Этот акцент на социальном статусе и власти соответствует характеристикам маскулинности.

Инновационный процесс является долгим и трудным, и он сталкивается с различными неудачами и трудностями, поэтому требует духа настойчивости. В Китае с древних времён говорят: «Небо поможет, когда неустанно самосовершенствуешься» (天行健, 君子当自强不息). Этот агрессивный, цепкий боевой дух отражает позитивное отношение к жизни, заставляя не бояться неудач, в том числе и в области инновационных изысканий. Кроме того, рациональное мышление как характеристика маскулинности также помогает создавать разумные правила и нормы, делая полномочия и обязанности исследовательской группы ясными, а их инновационную деятельность упорядоченной.

Параметр Хофтеде «стратегическое мышление» помещает китайскую культуру в число лидеров, так как китайская культура представляет типичную стратегическую культуру. Примечательно, что одним из первых названий данного параметра было «конфуцианский динамизм». Китайская традиционная культура придаёт значение таким качествам, как усердие, бережливость, настойчивость, настроена на долгосрочную перспективу развития. Хорошо известные в Китае выражения «Капля воды камень точит» (滴水穿石) и «Юйгун гору сдвинул» (愚公移山) показывают, что китайцы придают большое значение упорству и настойчивости. Кроме того, в традиционном китайском образовании уделяется внимание накоплению знаний: такие выражения, как «Без единого шага нет и тысячи миль» (不积跬步无以致千里), «Дорога длинна, но я буду прилагать усилия и там, и тут» (路漫漫其修远兮, 吾将上下而求索) показывают, что китайцы практичны, трудолюбивы и настойчивы в своём обучении, обладают неутомимым духом. Инновации не достигаются в од-

ночасье, а содержат в себе качественные изменения, связанные с накоплением знаний из прошлого. Поэтому китайская традиционная культура, связанная со стратегическим планированием, может обеспечить прочную базу для производства инноваций.

Таким образом, китайские исследователи отмечают, что согласно показателям Хофстеде, китайская традиционная культура формирует модель, способную как положительно, так и отрицательно повлиять на инновационность Китая. Так, негативное влияние оказывает высокая дистанцированность от власти: следование за авторитетом создаёт препятствия механизму конкуренции; высокая степень избегания неопределённости не придает мышлению исследователей гибкости. В то же время высокая степень коллективизма также может оказывать, как положительное, так и отрицательное влияние на инновационность. Такой дух трудолюбия и настойчивости, как типичная маскулинная характеристика, может помочь исследователям преодолеть трудности и построить рациональную и упорядоченную инновационную систему, в рамках которой на основе стратегического планирования, скрупулёзного накопления и обобщения знаний создать основу для качественных изменений и формирования эффективной национальной инновационной системы.

Список литературы

1. Вэй Шумин, Лю Цзюньвэнь. Цун Hofstede дэ вэньхуа шицзяо кань чжун го вэньхуа дуй дасюэшэн чуансинь нэнли дэ инсян = Влияние китайской культуры на инновационные способности студентов колледжа с точки зрения теории культурных измерений Хофстеде // Хэйлунцзян. 2010. № 12. С. 34. (Кит. яз.).

2. Дэн Бо, Лю Вэньян. Ши лунь чжунго чуаньтун вэньхуа дуй кэци чуансинь дэ инсян = Влияние традиционной китайской культуры на научно-технические инновации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.xzbu.com/3/view-4687639.htm> (дата обращения: 09.01.2019). (Кит. яз.).

3. Дэн Хоупин. Чуаньтун вэньхуа дуй кэци чуансинь нэнли дэ инсян // Ухань лигун дасюэ сюэбао = Влияние традиционной культуры на инновационные способности науки и техники // Журнал Уханьского технического университета. 2007. № 8. С. 42. (Кит. яз.).

4. Ляо Шаоган. Цзюй гаосинь цзишу фачжань дэ чуансинь вэньхуа цяншэ чуи. Кэци юй гуаньли = О построении инновационной культуры на основе развития высоких технологий // Технологии и управление. 2006. № 2. С. 43. (Кит. яз.).

5. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations – Software of the Mind. 3rd edition. New York: McGraw-Hill, 2010. P. 471.

6. Hofstede-insights [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hofstede-insights.com/country/china> (дата обращения: 09.01.2019). (Англ. яз.).

УДК 316.485.26

*Юлия Александровна Шитикова,
ассистент кафедры языковой подготовки,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: shitikovayuliya@mail.ru*

Роль терроризма в системе национальных интересов КНР

Статья акцентирует внимание на отношении КНР к вопросам терроризма, формах взаимодействия и сотрудничества с другими странами, а также юридических документах, отражающих борьбу с угрозами терроризма в КНР.

Ключевые слова: КНР, терроризм, КПК, АСЕАН, ООН

*Yulia A. Shitikova,
Assistant of the Language Training Department,
Baikal State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: shitikovayuliya@mail.ru*

The Role of Terrorism in the System of National Interests of PRC

The article focuses on the attitude of PRC to issues of terrorism, forms of interaction and cooperation with other countries, and juristic documents reflecting the fight against threats of terrorism in PRC.

Keywords: PRC, terrorism, CCP, ASEAN, UN

Отношение к терроризму со стороны китайского населения сформировалось благодаря китайской философии. В классической конфуцианской работе «Ли цзи-дащюэ» сказано, что путь

Концепция национальной безопасности КНР (中华人民共和国国家安全法) гласит, что Китай будет использовать все имеющиеся у него средства для защиты национальных интересов, проведения независимой внешней политики, неучастия в военно-политических блоках и отказа от вступления в союз с великими державами, а также противодействия гегемонизму США. Основным принципом здесь является, прежде всего, опора на собственные силы.

В противостоянии гегемонизму США КНР идёт путём правителя. Особенность данной стратегии заключается не в насильственном контроле над государствами, а в создании условий для выгодного сотрудничества между странами, которые в свою очередь получают преимущество и добровольно предоставляют государству возможности для установления контроля – всё это обеспечит Китаю выгодное положение среди равных стран.

Поскольку основой национальных интересов Китая является удержание власти в руках КПК и становление Китая как сверхдержавы на мировой арене, правительство страны опасается, что другие государства будут препятствовать или же вовсе подрывать стабильность развития Китайской Народной Республики, действуя, исходя из личных интересов. Наиболее ярким примером подобных действий является международный терроризм.

Помимо этого, в центре внимания во всём мире стоит вопрос о нераспространении ядерного оружия, поэтому вопросы ядерного оружия на Корейском полуострове, а также в Иране остаются самыми острыми для национальной безопасности КНР. В 2001 году китайские аналитики определили три основных угрозы внутренней безопасности страны: международный терроризм, национальный сепаратизм и религиозный экстремизм.

Сохранение целостности и стабильности страны является очень важным вопросом для Китая. Всё это напрямую зависит от экономического роста, с которым связан рост доходов населения, улучшения качества их жизни.

Из-за этнического разнообразия власти Китая вынуждены регулировать свою политику в районах проживания национальных меньшинств с учётом их интересов, культуры и вероисповедания. Чрезмерное давление или ущемление в правах национальных меньшинств в регионах может спровоцировать волнение внутри страны, а это в свою очередь будет угрожать правящей партии.

Проживание на территории КНР народов, исповедующих ислам, вызывает интерес террористов-исламистов, воспринимается ими как способ дестабилизации государства, чтобы не допустить его возвышения на мировой арене.

Стоит отметить, что Правительство Китая ещё не опубликовало всеобъемлющий документ стратегии борьбы с терроризмом, как например Национальная стратегия борьбы с терроризмом, которая была выпущена в США в 2003 году. Однако доказательства того, что Китай укрепляет свою политику и законодательство в области борьбы с терроризмом, можно увидеть в нескольких партийных и правительственных документах, таких как:

– «Закон о национальной безопасности» (中华人民共和国反恐怖主义法), принятый в Китае, в июне 2015 года, кодифицирующий всеобъемлющий комплекс принципов национальной безопасности, многие из которых связаны с борьбой с терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом.

– «Закон о борьбе с терроризмом» (中华人民共和国刑法修正案), принятый 27.12.2015 года. Постоянный комитет Всенародного собрания народных представителей (ПК ВСНП) частично кодифицирует наиболее подробное определение терроризма в Китае и криминализирует террористическое «поведение» и «пропаганду».

– Девятая поправка в Уголовный кодекс КНР (中华人民共和国刑法修正案(九)), принятая в августе 2015 года ПК ВСНП, дополнительно к «Закону о борьбе с терроризмом», который устанавливает юридические определения и наказания за многие преступления, связанные с терроризмом и разъясняет террористические преступления в некоторых отношениях, отличающихся от «Закона о борьбе с терроризмом».

Вопрос международного терроризма является актуальным для Китая, поскольку в целом теракты совершаются на Среднем Востоке, в Южной и Центральной Азии, где Южная Азия стала относительно новым «полигоном» для деятельности террористов.

Поддержание дружественных отношений с пограничными странами способствует созданию благоприятной обстановки для развития экономики. Вышедший из-под контроля конфликт требует дополнительных затрат на урегулирование, которые могли бы быть использованы в поддержании темпа роста экономики регионов внутри страны.

В течение последних двух десятилетий Пекин активизировал международное сотрудничество в борьбе с терроризмом в попытке укрепить политические и правоохранительные связи за рубежом. Эти усилия являются результатом оценки Пекином его уязвимости перед террористическими угрозами и проблемами в их противодействии. Усилия по укреплению международного контртеррористического сотрудничества также отражают признание Пекином терроризма как транснациональной угрозы и тот факт, что многие из возникающих в настоящее время проблем терроризма имеют свои корни за его пределами.

Большая часть международного контртеррористического сотрудничества Китая осуществляется в двустороннем качестве. Китайские официальные лица рассматривают соседние страны в Южной, Центральной и Юго-Восточной Азии как «ключевых партнёров» в борьбе с терроризмом в Китае.

С 2001 года Китай подписал многочисленные соглашения с другими странами о сотрудничестве правоохранительных органов, включая подготовку полиции, обмен разведывательными данными и выдачу преступников. Пекин также регулярно участвует в двусторонних контртеррористических диалогах и консультациях со своими соседями, а также с некоторыми западными странами. В 2014 году Китай провёл 12 диалогов с такими странами, как Соединённые Штаты, Соединённое Королевство, Франция, Южная Корея, Турция, Афганистан и Узбекистан.

Кроме того, происходит некоторое многостороннее сотрудничество: Китай участвует в Целевой группе по финансовым мероприятиям, Азиатско-тихоокеанской группе по борьбе с отмыванием денег и Евразийской группе по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, которые борются с финансированием террористической деятельности [6].

Китай также является одним из основателей Глобального контртеррористического форума, работающего в поддержку осуществления контртеррористической стратегии Организации Объединённых Наций.

В сентябре 2013 года Пекин объявил о намерении расширить своё участие в рабочих группах форума на Африканском Роге и Сахеле [7].

Пекин также всё чаще участвует в Стамбульском процессе, который стремится создать условия для создания более стабиль-

ного Афганистана. Пекин улучшает контртеррористическое сотрудничество с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Выступая на 13-м Межрегиональном форуме АСЕАН в мае 2015 года в Гуанси, заместитель председателя Бюро международного сотрудничества Министерства общественной безопасности КНР Ху Бинхен сказал, что деятельность террористических организаций в Юго-Восточной Азии становится всё более частой и призывает к созданию новой, более устойчивой, региональной системы сотрудничества в области безопасности для борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день КНР одной из своих целей ставит усиление своих позиций в Центральной Азии. Стабильная обстановка в регионе крайне необходима для достижения поставленной задачи. Александр Гольц, российский военный эксперт, считает, что Пекин готов взять на себя ключевую роль в обеспечении безопасности в регионе, причём не военными методами, а экономическими – строительством дорог, водопроводов, обеспечением рабочих мест [2].

Список литературы

1. Зайцев Я. «Путь гегемона» и «путь правителя». Как Россия и Китай определяют свои национальные интересы [Электронный ресурс] // Национальный интерес. 2015. Режим доступа: <http://www.ni.globalaffairs.ru/put-gegemona-i-put-pravitelya> (дата обращения: 25.01.2019).
2. Китай создаёт антитеррористический альянс с тремя мусульманскими странами [Электронный ресурс] // Радио Озоди. 2016. Режим доступа: <https://www.rus.ozodi.org/a/27914356.html> (дата обращения: 21.11.2018).
3. Кун Цяюй. Борьба с международным терроризмом в современном политическом и политологическом дискурсе России, КНР и США: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2014. С. 70–90.
4. Михеев В. В. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М.: Моск. центр Карнеги, 2005. С. 358.
5. Сюн Гуанкай. Всеобъемлющая концепция национальной безопасности Китая [Электронный ресурс] // Совет по внешней и оборонной политике. Режим доступа: <http://www.svip.ru/files/meetings/m011813372437051.pdf> (дата обращения: 25.11.2018).

Научное издание

**Актуальные проблемы развития КНР
в процессе её регионализации и глобализации**

Редактор О. Ю. Гапченко
Вёрстка Н. Ю. Добрецкой

Подписано в печать 25.04.2019.
Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 8,4.
Заказ № 19033. Тираж 100 экз.
(1-й з-д 1–44 экз.)

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30